

КОСТЁР

ISSN 0130-2574

5

МАЙ 1985

КОСТЁР

5
МАЙ
1985

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

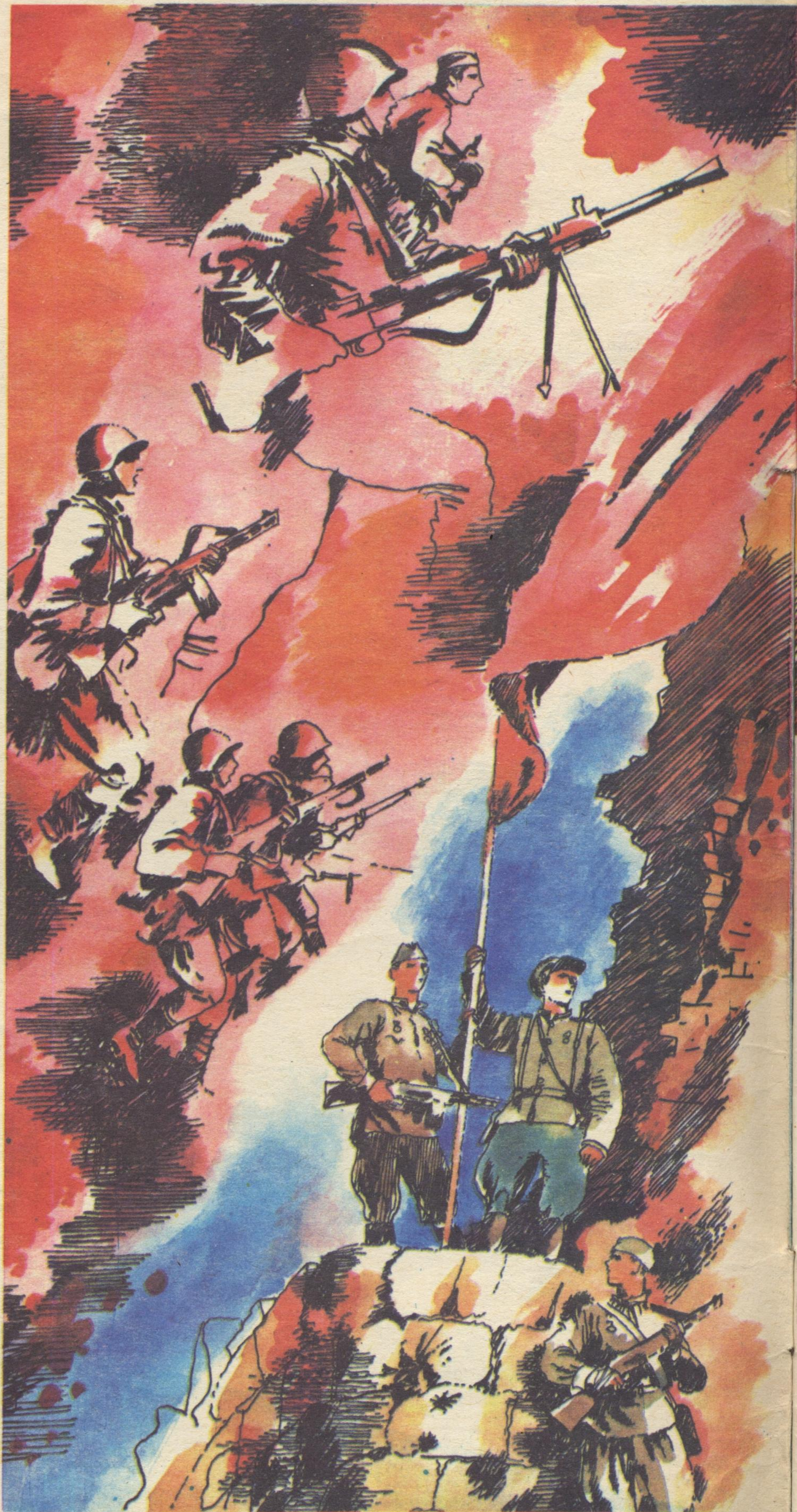
Издается с 1936 года

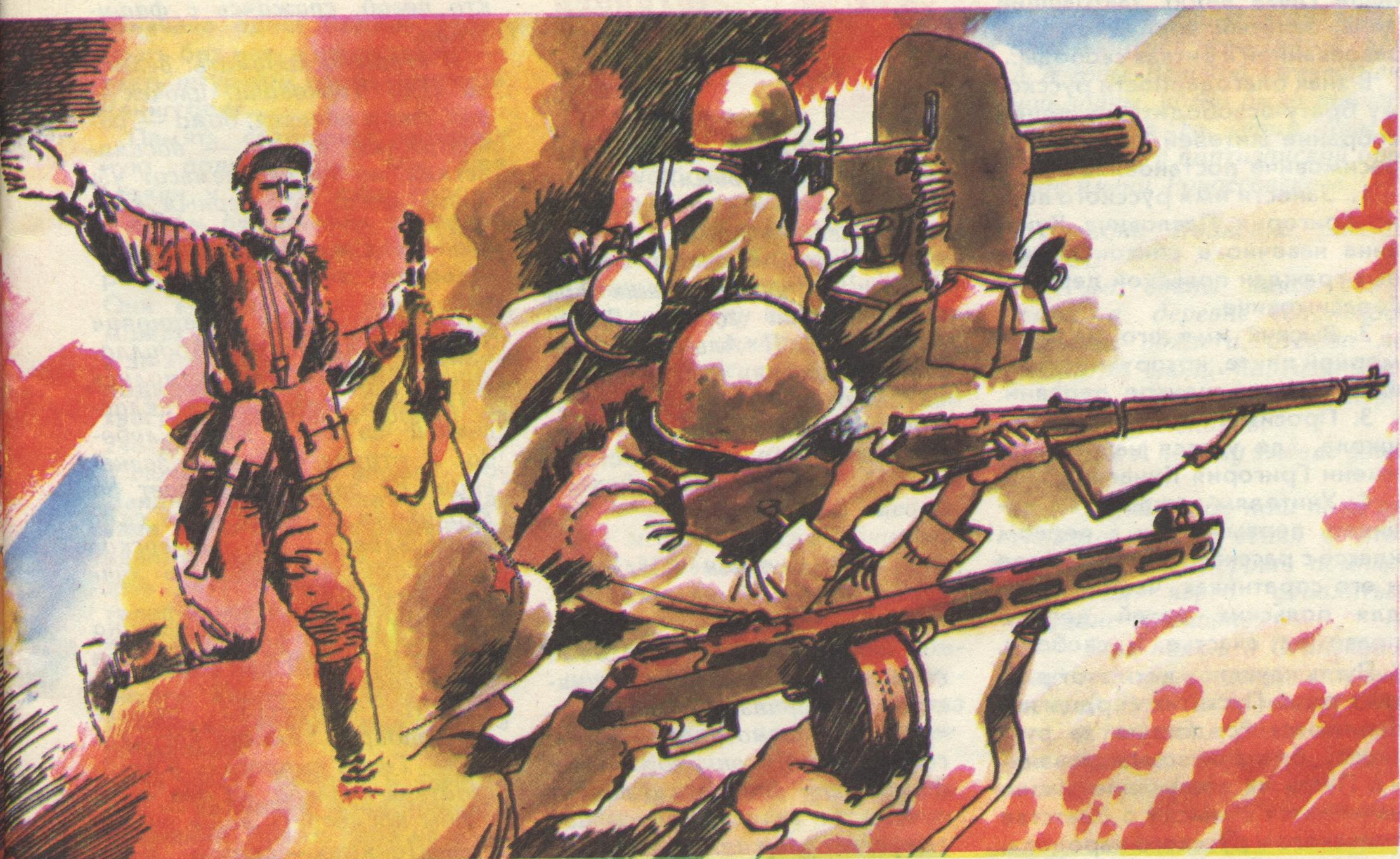
© «Костёр», 1985 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

От Касторной до Кенигсберга	1
Барабан	8
Товарищ Вахтанг повесть С. Лебедева	12
Они открывали парад	24
«Свой добрый век мы прожили как люди» стихи фронтовых поэтов	26
Город капитана Грачева очерк В. Константинова	28
Лиза рассказ Р. Шорина	30
Морская газета	34
Пионер рассказ Д. Верещагина	36
Школа будущих командиров	38
Электроник	40
Пусть всегда будет солнце очерк Т. Скобликовой	42
Зеленые страницы	44
Арчбек	47

На обложке
рисунок А. Данилова

САЛЮТ, ПОБЕДА!

ОТ КАСТОРНОЙ ДО КЕНИГСБЕРГА

**СТРАНИЧКИ
ПОХОДНОГО
ДНЕВНИКА**

Город Ветка Гомельской области.

В городском Доме пионеров — еще одна встреча с ребятами. Ветераны рассказывали о героях 1023-го полка, о боевом пути пионерского знамени. А потом все, кто был на этой встрече, подписали обращение в защиту мира:

«Мы хотим жить под мирным небом, учиться и трудиться ради прекрасного будущего нашей Родины, дружить с зарубежными ровесниками.

Каждый из нас, поставив свою подпись, присоединяет голос протеста к голосам миллионов борцов за мир.

Долой ядерные бомбы! Долой крылатые ракеты!

Дима Матюшин, Москва,
Таня Веселова, г. Ветка, Коля
Леун, Пятигорск.

Всего — 641 подпись».

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Из рассказов
командира полка
И. Ф. МЕЛЬНИКОВА

Идет бой, а на душе — праздник. Перед нами — широкая лесная просека, успевшая зарости елочками и кустарником. Смотрим на нее и глазам не верим. Еще раз сверяемся по карте, но все точно, ошибки быть не может: это и есть государственная граница нашей Родины.

Это произошло 10 июля 1944 года, в районе западнее Гродно, на левом берегу Немана. И теперь впереди была польская земля, — свою мы уже освободили от фашистских захватчиков.

Сражения на территории Польши продолжались несколько месяцев. И здесь в одном из боев при осво-

бождении деревни Герасимовиче коммунист Григорий Кунавин повторил подвиг Александра Матросова. В решающую минуту боя он закрыл своим телом амбразуру вражеского дота.

Подвиг героя взволновал не только его однополчан, но и всех жителей освобожденной деревни. В тот день, собравшись у его могилы, они приняли постановление.

«Мы, жители польской деревни Герасимовиче, узнали имя героя, который сердцем своим прикрыл пулемет врага, чтобы быстрее пришла свобода в наш дом...

Мы поднимаем имя русского солдата Григория Кунавина, как знамя великого братства русского и польского народов. Мы собрались в селе, где еще дымятся развалины наших домов, где вместо жилищ — страшные пепелища. Это следы разбойничьих дел фашистов. Но сквозь дым пожарищ и слезы

наши глаза видят завтрашний день, залитый ярким солнцем завоеванной в битвах свободы...

В знак благодарности русскому брату-освободителю общее собрание жителей деревни Герасимовиче постановляет:

1. Занести имя русского воина Григория Павловича Кунавина навечно в список почетных граждан польской деревни Герасимовиче.

2. Высечь имя его на мраморной плите, которую установить в самом центре деревни.

3. Просить о присвоении школе, где учатся наши дети, имени Григория Кунавина.

4. Учителям каждый год начинать первый урок в первом классе с рассказа о воине-герое и его соратниках, чьей кровью для польских детей добыто право на счастье и свободу.

Пусть слушают дети этот рассказ стоя. Пусть их сердца наполняются гордостью за русского брата — воина-славянина. Пусть их понимание жизни начинается с мысли о братстве польского и русского народов».

А вот еще один эпизод, который я не могу забыть.

Служил в нашем полку солдат Николай Беляев. Однажды во время движения на марше Николай заметил у дороги чей-то могильный холмик. Сорвал несколько придорожных ромашек, подошел к этой солдатской могиле, хотел положить цветы. И тут увидел фанерную дощечку, на которой было написано: «Здесь похоронен боец Беляев Матвей Николаевич. Погиб в бою за Родину».

Беляев Матвей Николаевич был отцом нашего солдата Беляева. Это была их нежданная и последняя встреча, за тысячи километров от родного дома, у самой границы Восточной Пруссии.

Заканчивалась Великая Отечественная война. Все понимали: Победа уже рядом. В короткие минуты отдыха бойцы подсчитывали, сколько километров осталось до Берлина.

Но 6 марта по приказу командования полк был снят с занимаемого рубежа и после семидневного марша вышел на Земландский полуостров. Это

СТРАНИЧКИ ПОХОДНОГО ДНЕВНИКА

Саша Пигарев беспокоится: «Что с Алымовым? Уткнул нос в окошко и всю дорогу помалкивает». А как ему не молчать? Вчера, в списке бойцов и командиров, погибших при освобождении города Ветки, увидел: «И. П. Алымов». И об этом человеке никто ничего не знает. Тут поневоле задумаешься: может, просто однофамилец, а может, родственник?

Село Чирковичи Светлогорского района Гомельской области.

Улочки в селе тихие, а дома веселые, с резными наличниками да карнизамы. И всюду, куда ни помотришь, — сады, сады, сады. Яблони, того и гляди, заборы повалят и пойдут гулять по селу, сгибаясь под тяжестью урожая.

Перед школой — пионерская линейка, флаг на мачте и дерево с гнездом аистов. Эти красавцы поселились здесь после войны, как только была построена школа.

А еще здесь, на самой околице у дороги, стоит черный камень. Большой черный камень на братской могиле тех,

кто погиб, сражаясь с фашистами.

И страшно подумать: велико ли село Чирковичи, улочек — раз, два и обчелся, дома — одноэтажные, школа — восьмилетняя, но тысяча семьсот человек лежат под черным камнем.

Сегодня Иван Иванович Гончар и Абдрахман Абдуллаевич Молла познакомились с Оксаной Лебедой, пятиклассницей из села Яким-Слобода. В отряде Оксана — звеньевая. Ее звено ухаживает за кроликами. И даже корм само заготавливает. Их пионерская кроликоферма — одна из лучших в области.

— Я смотрю, у вас и машина есть, — улыбнулся Абдрахман Абдуллаевич.

— Нет, — ответила звеньевая, задорно потрянув косичками. — Газик выпросили у председателя колхоза, на два часа, чтобы посмотреть ваше знамя.

— Понятно, — сказал Иван Иванович. — Тогда давай договоримся: мы пойдем искать фотокорреспондента, а ты собирай свое звено. Через пять минут встретимся. Надо вас сфотографировать под этим знаменем.

— Нас! — Оксана снова потрянула косичками. — Так я через две минуты их соберу!

Письмо из дома. Снимок 1944 г.

означало одно: Берлин будут брать без нас, а наша задача — взять штурмом город-крепость Кенигсберг.

Память сохранила интересную подробность. Мы уже стояли у самых стен города, а в нем передавали по радио веселую музыку и хвастливые речи гитлеровских генералов. Они считали, что Кенигсберг может продержаться 250 дней, а за это время к ним подойдет подкрепление. Фашистские хвастуны ошиблись ровно на 246 дней.

Ночь с 5 на 6 апреля. Командный пункт полка — в подвале какого-то разрушенного здания. Каждый раз, когда рядом рвутся снаряды, солдат-телефонист поднимает голову и смотрит на потолок. Чужак человек: над нами целая гора битого кирпича, такое перекрытие выдержит даже прямое попадание.

На лицах бойцов и офицеров — волнение предстоящего сражения. Ловлю себя на мысли: «Почему предстоящего? Час назад батальон Моллы уже приступил к выполнению боевого задания».

Выхожу на улицу. Дождь так и не прекратился. При вспышках ракет сетка дождя кажется серебристой. До переднего края противника — метров пятьсот-шестьсот. Но там, где сейчас батальон Моллы, по-прежнему все спокойно. Интересно, добрались они до противотанкового рва или нет? Только бы фашисты не заметили их продвижения.

Медленно тянется ночь. И только под утро я узнал: первый батальон не только выполнил задание, но и «перевыполнил». Разведчики обнаружили, что на время дождя фашистские солдаты покинули первую линию траншей, чтобы не мокнуть. И комбат Молла мгновенно этим воспользовался. Когда фашисты сунулись обратно, их встретили так, как и положено. И теперь задача батальона — занять вторую линию траншей, до которой не больше двухсот метров. Всего двести метров! Но батальон не может ее выполнить. Значит, надо разобратся, в чем дело. Приказы-

СТРАНИЧКИ ПОХОДНОГО ДНЕВНИКА

Минск.

Нашего полку прибыло! Выходим на торжественную линейку у памятника юному герою Марату Казею. И вдруг слышим: «Подождите!» Смотрим, по скверу бежит какой-то человек с чемоданом. Потом чемодан бросил и дальше бежит, прямо к нам. И в строй становится. Ему говорят: «Здесь только участники агитпохода «Костра!» «А я — кто?» — отвечает и в следующее мгновение уже обнимается с Мельниковым, Гончаром, Моллой.

Это был Виктор Николаевич Покровский, бывший комзвода 1023-го полка, о мужестве которого нам уже не раз рассказывали ветераны и следопыты.

— А я думал, что не приедешь, — сказал ему после Мельников.

— Как это не приеду? — удивился Покровский. — Приказ командира полка — для меня закон!

Школа № 38.

Мы знали: учительница школы Ариадна Ивановна Казей — сестра Героя Советского Союза

Марата Казея. В этой школе она работает уже много лет. А в годы Великой Отечественной войны, когда была пионеркой, рядом со своим братом сражалась в партизанской бригаде имени Рокоссовского.

Ариадна Ивановна рассказывает:

— До войны наша семья жила в деревне Станьково Минской области, отсюда мы с братом ушли партизанить...

— В Станьково? — переспросил Мельников.

— Да. А почему это вас удивляет?

— В 1944 году наш полк несколько недель стоял в этой деревне, я ее хорошо помню...

Настал черед удивляться Ариадне Ивановне:

— Ваш полк... в Станьково? Вместе с этим пионерским знаменем? Вот так новость! Знаете, в тот год я долго лежала в госпитале, поэтому мы тогда и не встретились...

Пионерский лагерь «Зорька» Гродненской области.

Комиссар Филиппов командовать и торопиться не умеет, разговаривает с улыбочкой, ходит вразвалочку, и такое впечатление, что дело у него само делается, а он только усы поглаживает. Сегодня это особенно заметно.

Встреча участников агитпохода.

ваю комбату усилить наблюдение за противником и через тридцать минут снова доложить обстановку.

Молла вышел на связь раньше:

— Понял. Ларчик открывается просто. Оба раза в атаку ходили после артподготовки, которая не причиняет противнику особого вреда. Почему? Когда наши орудия открывают огонь, фашисты прячутся в бункерах и за стенами каменных строений. А когда артподготовка кончается и мы встаем в атаку, они успевают вернуться в траншеи.

— Все ясно,— отвечаю Молле.— Попрошу пушкарей сменить режим огня. Сделаем три артподготовки подряд, с интервалом 1—2 минуты. И когда вы пойдете в очередную атаку, думаю, что фашистов в траншеях не будет.

Хитрость удалась. Первый батальон занял не только траншею, но и близлежащие дома. Но сумеет ли он удержаться? Ведь противник насеждает. А мы сможем помочь только с наступлением темноты.

Первый батальон выстоял. Когда вечером полк сосредоточился на захваченном плацдарме, я сказал комбату:

— Молодцы. Вы свое дело сделали. И первая вам награ-

СТРАНИЧКИ ПОХОДНОГО ДНЕВНИКА

Ребята из агитбригады провели занятие школы пионерского актива «Что должен знать и уметь знаменосец?» Ожидали, что придут только члены совета дружины, а собралось более двухсот пионеров. Те, кто не сумел протиснуться в зал, стояли на улице. Тем временем в пионерской комнате шло другое занятие — с редакторами отрядных газет. Его вели наши юнкоры. А соревнования на призы спортклуба «Кузнечик» и футбольную встречу сборной лагеря со сборной участников агитпохода думаете кто организовал? Не надейтесь, Филиппов никогда не признается.

Но после обеда комиссар сказал: «Уф! Айда на озеро, на вело-катамаранах кататься! Я договорился». Пришли на озеро. Красотища кругом — дух захватывает. Сели на катамараны и — кто быстрее до противоположного берега домчится? И первым уже оставалось метров сто до финиша, когда из тростника вылетел лебедь. Как начал он бить по воде крыльями, шипеть и на всех бросаться — никого к бе-

регу не подпускает. Пришлось возвращаться назад.

Оказывается, этого лебедя зовут Борька, а там, слева от берега, в тростнике живут его лебедушка и лебедята. И он их защищал, грудью бросаясь на катамараны. Один против целой флотилии!

«Хотите познакомиться — пожалуйста: это — Таня Ребрунова, Света и Лена Казлаускайте, Геня Ильяшевич, Валера Кашкет, Люда Куратник. Всего в нашем отряде юных друзей пограничников двадцать пять человек. Что мы умеем? Правильно собрать рюкзак. Забраться с рюкзаком по бревну на высоту 2,5 метра и спрыгнуть. На полосе препятствий залезть с одного окна на другое. Метать в цель гранаты. Переносить на руках товарища. Зажигать одной спичкой костер...»

Из рассказа командира отряда ЮДП
Саши Маркевича,
ученика 8 класса
Брузгинской восьмилетней школы

Город Домбров Польской Народной Республики.

Первые минуты встречи... Команда — и шеренги харцеров замерли по команде «смирно» Харцеры были в парадной форме, девочки — в светло-голубых юбках и кофтах, мальчики — в синих брюках и зеленых рубашках.

Мы быстро построились и, чеканя шаг, пошли перед ними, и они отдавали нам честь, приложив к головному убору два пальца правой руки.

В первые минуты встречи гости и хозяева заметно смущаются, они еще не привыкли друг к другу, хотя знают: друзья приехали к друзьям.

Один из харцеров подходит к Славе Коваленко: «Меня зовут Лешек, а тебя?» «Слава,— отвечает Слава и неожиданно добавляет:— Жалко, что я не знаю польского языка, тогда нам было бы легче разговаривать». «Почему? — снова спрашивает Лешек.— Но ведь я с тобой по-русски разговариваю. Разве ты меня не понимаешь?

Я уже два года учу русский язык». Слава смотрит на Лешка. Смущенно улыбаясь, начинает оправдываться: «Знаешь, я все время думал, как мы будем общаться, и даже не заметил, что ты говоришь по-русски».

Вечером, когда харцеры разожгли костер, их инструктор обратился ко всем присутствующим. «Чтобы хорошо подружиться, надо спеть несколько хороших песен». Его спросили: «А как узнать, что мы будем петь?» Он улыбнулся: «Это так просто», — и, взяв гитару, начал играть. Он играл, и по мелодии все узнавали песню и пели: пионеры — по-русски, харцеры — по-польски.

И долго-долго горел в этот вечер костер.

И долго-долго звучали у костра песни.

Деревня Герасимовиче Белостокского воеводства.

Продолжая путь по местам боев 1023-го полка, участники агитпохода вместе с отрядом харцеров приехали в Герасимовиче.

Митинг состоялся у памятника Герою Советского Союза Кунавину. Собралось много людей. Узнав, что приехал командир полка Мельников, жители села попросили его выступить. И как всегда Иван Федотович сказал о том, что герои не умирают, пока о них помнят живые: «О подвиге героев должны знать наши дети и внуки. И потому наши дети и внуки стоят рядом с нами. И вместе с нами склоняют головы перед памятью погибших».

После возложения цветов на могилы польских и советских солдат мы побывали в музее школы имени Кунавина. В этом музее много документов и фотографий освободителей Герасимовиче. Но главное место занимают материалы о жизни Григория Павловича Кунавина. Возле его портрета — цветы и капсула с землей. Ее прислали пионеры Челябинской области. Эта экскурсия была очень интересной. Мальчик-экскурсовод отлично знал свое дело и русский язык.

А потом была прогулка по селу. Не пошли только двое — Иван Федотович и этот мальчик. У мальчика было много вопросов. Развернув на теннисном столе карту, Иван Федотович начал рассказывать...

да — восемь часов отдыха. А мы пока без вас обойдемся.

До капитуляции фашистского гарнизона оставалось менее шестидесяти часов.

В штурме города принимали участие многие полки и соединения. И в каждом были свои герои. Я назову героев нашего полка. Это комбат Молла, знаменосцы пионерского знамени — Сметанин, Павличенко, Соколов, командир роты Львов, сержанты Ефремов, Бакатов, Ахметов, Фоменко, красноармейцы Папуло, Чебонюк, Воронин, Зайнулин.

Никогда не забуду, как над поверженным городом рядом со знаменем Победы гордо развевалось алое полотнище боевого пионерского знамени.

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Из воспоминаний
начальника
связи полка
Ивана Ивановича
ГОНЧАРА

Вскоре после Победы мне было поручено возглавить группу воинов нашего полка, которые должны были вернуть касторенцам пионерское знамя. Помню, в эту группу входили: старшина Сучков, сержант Лобанов, младший сержант Евстратов и ефрейтор Веселов. И еще помню, пришли в Кенигсберге на вокзал, а к поезду не подступиться.

Говорю ребятам: «Придется поработать локтями». А сам смотрю, где и как легче прорваться к поезду. И вижу, что в одном вагоне кто-то окошко открывает. Короче, этот единственный шанс мы не упустили. Пробились к вагону и — через окно: первым — Сучков, он был самый сильный и ловкий, за ним — остальные. Через двое суток приехали в Москву, а там, на Курском вокзале, та же самая картина. Но в Москве лезть в окошко со знаменем мы постеснялись. Пошли к на-

А кругом красотища — дух захватывает

СТРАНИЧКИ ПОХОДНОГО ДНЕВНИКА

Все уже вернулись с прогулки, а они продолжали свою беседу. Один мог часами вспоминать о боях и походах, второй — часами слушать.

Калининград.

На площадь Победы, где состоится встреча участников агитпохода, наш отряд движется за бронетранспортером. Видим, как над ним развеваются наши знамя. И как счастливы знаменосцы — Алеша Алымов, Оксана Ласточкина и Таня Чуприна. Еще бы — первый раз в жизни посчастливилось ехать на боевой машине.

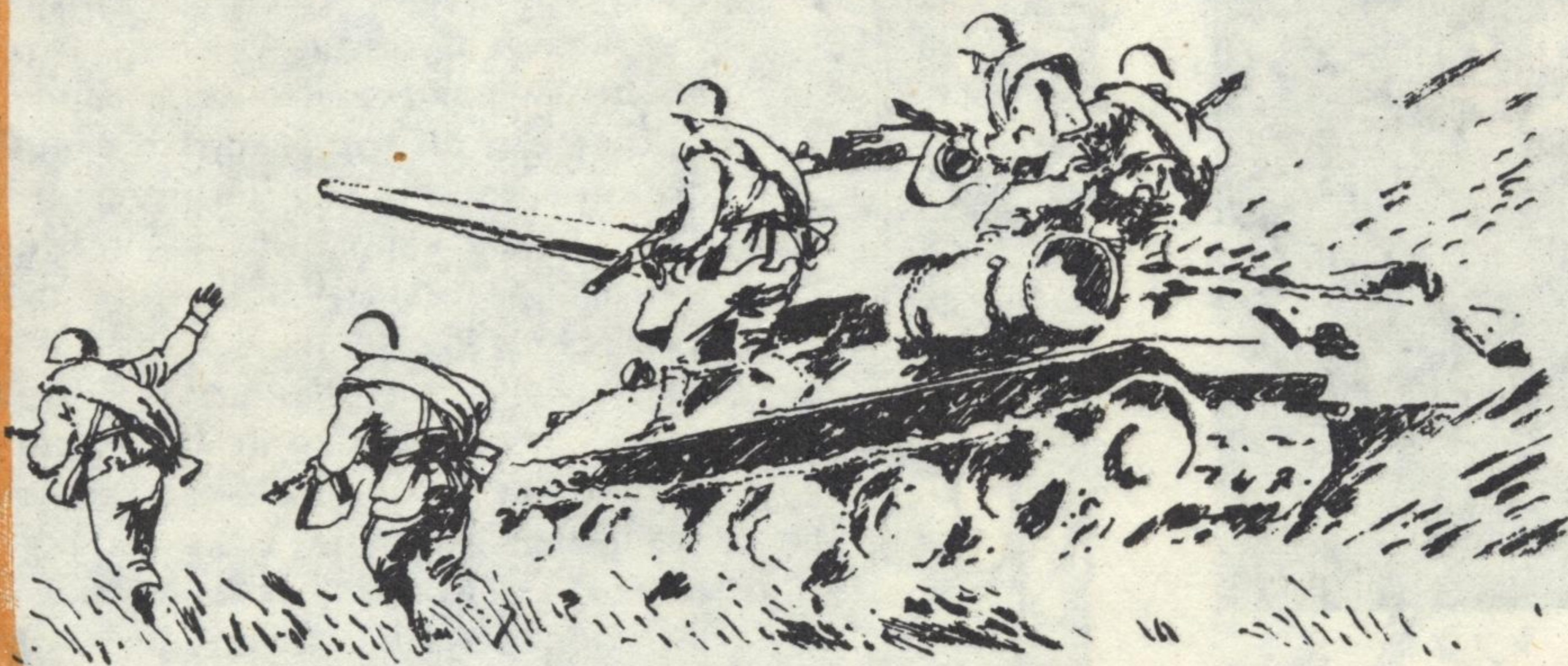
В двух калининградских школах собраны интересные материалы о боевом пути 1023-го стрелкового полка. Но мы побывали только в музее Боевой славы школы № 31. А в школе № 11 следопытский музей был закрыт. И речь здесь шла о работе юных строителей, а не следопытов. Дело в том, что на время летних каникул совет дружины и комитет комсомола организовали в школе ударный пионерско-комсомольский строительный отряд. Его задача — помочь строителям закончить капитальный ремонт школы к 1 сентября.

В Калининграде мы уже несколько дней. И каждый из них не похож на предыдущий.

Позавчера ездили в город Балтийск. Раньше он назывался Пиллау. Один из офицеров, с которым мы ехали в Балтийск, сказал, чтобы доехать от Калининграда до Балтийска, нам потребовалось ровно пятьдесят минут. А сорок лет назад этот путь наши войска прошли за две недели. Последние километры к Победе были очень и очень трудными.

В Балтийске нас встречали ребята из клуба юных моряков — пятьсот мальчишек и девчонок, по-настоящему влюбленных в морское дело. Несколько лет назад командование Дважды Краснознаменного Балтийского флота передало клубу теплоход «Балтиец», катер «Прогресс», плавбазу и учебное судно «Меридиан». Этот корабль стал флагманом детской флотилии. На борту «Меридиана» мы выходили в открытое море. Начинался шторм, но юные моряки умело держали курс в заданный квадрат, где во время войны погибла наша подводная лодка. В этом месте мы опустили в море гирлянду живых цветов.

Три недели назад в Курске командир полка Мельников обещал показать в Калининграде форт, над которым отважные воины водрузили 9 апреля 1945 года пионерское знамя. Сегодня Иван Федотович выполнил свое обещание. Вместе с ветеранами полка мы забрались на стену этого форта и укрепили знамя на том же самом месте. И как сорок лет назад, ветер развернул над городом пробитое в боях алое полотнище.

чальнику вокзала. Так, мол, и так, выручай. Услышал он историю пионерского знамени и говорит: «Не волнуйтесь, все, что в моих силах, сделаю». И действительно, сделал: из Москвы ехали в отдельном купе.

И вот наконец Касторное. Поезд еще не остановился, а за окнами вагона — самое настоящее людское море. Миша Лобанов спрашивает: «Товарищ капитан, неужели это нас столько людей встречает?» А я молчу. Не знаю, что сказать. И сам о том же думаю.

Из вагона мы вышли с развернутым знаменем. И в первую же минуту нас буквально засыпали цветами. Со всех сторон обнимают, целуют, кричат «ура!» Тут же у вагона — митинг, посвященный нашему приезду. Помню, попросили выступить и меня. А я от волнения говорить не могу. Сказал ровно две фразы — на большее пороку не хватило: поблагодарил за сердечную встречу и передал привет от воинов нашего полка.

На митинге мы узнали: передача знамени состоится завтра, а сейчас нашу делегацию на машине повезут в поселок. Но мы решили, что будет лучше, если пойдем пешком вместе с ребятами и по дороге с ними познакомимся. Так и сделали. И когда дошли до поселка, были уже в курсе их пионерской жизни.

После освобождения Касторного они вместе с учителями сами ремонтировали школу. Все помогают семьям погибших фронтовиков. За работу на полях колхоза многие пионеры имеют грамоты и благодарности.

Не скрою, все это было радостно слышать. И мы слушали и запоминали, чтобы, когда вернемся в полк, было о чем рассказать однополчанам. А теперь о том, как передавали ребятам их знамя.

На площадь, где проходила пионерская линейка, собралось множество людей. Первой выступала девочка, лет десяти-двенадцати. Фамилию ее я, к сожалению, забыл, но помню ее слова: «Дорогие гости —

воины 1023-го полка! Вы спасли не только наше знамя. Вы и нас спасли от фашистов».

Сам я тоже выступал перед собравшимися. Рассказал, как в январе 1943 года наш стрелковый полк дал клятву донести пионерское знамя до победы. И как мы шли к Победе от Касторного до Кенигсберга и сдержали свою солдатскую клятву.

Но вот по сигналу горниста

наша делегация вместе со знаменем встала на правом фланге дружины, а пионеры, которым выпала честь принимать знамя, встали на левом фланге. И как только забили барабаны, мы двинулись навстречу друг другу. А когда встретились, наступила самая торжественная минута. Я встал на колени, поцеловал знамя, потом взял его у старшины Сучкова и повернулся к начальнику штаба

пионерской дружины Гале Бочинной. Галя сделала шаг вперед и тоже опустилась на колени и поцеловала алое полотнище, а затем взяла его из моих рук и передала знаменосцу дружины Нариману Дровянникову.

И тут я увидел, что Галя заплакала. Оглянулся, вижу, и другие ребята плачут. И не только ребята, но и взрослые. Признаюсь, я тоже не удержался от слез.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

После того, как 26 сентября 1944 года газета «Пионерская правда» рассказала о боевом пути знамени пионеров поселка Касторное, в адрес полевой почты 1023-го стрелкового полка стали поступать письма со всех уголков нашей страны. Их писали рабочие и колхозники, студенты и учителя, но больше всего писем было от ребят. Октябрята и пионеры благодарили воинов за спасение пионерского знамени, рассказывали им о своих делах и просили еще сильнее бить фашистов, чтобы скорее пришла Победа.

Вот строки из этих писем:

«Мы, пионеры курской средней школы Ставропольского края шлем Вам — нашим любимым воинам — горячий привет. Зная, что Вы не щадите жизни в борьбе за наше счастливое детство, мы даем пионерское слово: своим отношением к учебе и своим трудом будем Вам доставлять только радость...

*Пионеры Петракова,
Калиниченко, Попова, Кузьмина
и другие (всего 16 подписей)».*

«Любимые наши бойцы! Ваш подвиг произвел на нас очень глубокое впечатление. И теперь мы хотим учиться только на «хорошо» и «отлично». Тем самым мы будем еще лучше выполнять наш долг перед Вами, перед всей нашей Родиной. Сейчас наши ребята упорно занимаются физкультурой, много катаются на лыжах и коньках. А летом все мы работаем в колхозе и устраиваем спектакли для детского сада... Ваш и наш лозунг один: «Всё для Победы!»

*С пионерским приветом Б. Афанасьев,
Зина Барсукова, Катя Баранова, В. Мороз».*

«Спасибо Вам, что Вы освободили от фашистских палачей многих советских ребят. Наш район тоже был оккупирован врагами, но доблестная Красная Армия спасла нас. Она вернула нам школу и право свободно идти вперед под нашим красным знаменем.

Мы ждем скорой встречи с Вами — нашими отцами и братьями, — ждем счастливый час Победы.

*КАССР,
Прималкимский район,
черниговская семилетняя школа».*

«Дорогие бойцы и командиры! Мы верим, что Ваша Победа над врагами уже близка. Но мы хотим, чтобы Вы знали: пионеры нашей школы всегда готовы выступить на защиту любимой Родины.

Вечная слава пулеметчику Бабаеву, погибшему при освобождении поселка Касторное!

Горячий привет и благодарность бойцу Кудякову!

*Ученики школы поселка Красная Горбатка,
Владимирской области».*

Что больше всего волнует, когда читаешь эти письма? На всех этих письмах в клеточку и в линейку лежит печать сурового времени. Ребята передают привет ветерану полка солдату Кудякову, а его уже не было в живых — погиб в Восточной Пруссии.

Пионеры пишут: «Ваш и наш лозунг один: «Все — для Победы!» И это тоже — точная примета тех далеких лет.

9 МАЯ 1945 ГОДА В КЕНИГСБЕРГЕ, ПОД ЗНАМЕНЕМ КАСТОРЕНСКИХ ПИОНЕРОВ ЗАКОНЧИЛСЯ ПУТЬ К ПОБЕДЕ ВОИНОВ 1023-го ОРДЕНА КУТУЗОВА СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА. ПОД ЭТИМ ЖЕ ЗНАМЕНЕМ 4 ИЮНЯ 1984 ГОДА, В КАЛИНИНГРАДЕ, ПАРАДОМ ПИОНЕРОВ И ВОИНОВ КАЛИНИНГРАДСКОГО ГАРНИЗОНА ЗАВЕРШИЛСЯ ВСЕСОЮЗНЫЙ АГИТПОХОД ЖУРНАЛА «КОСТЕР». ОН БЫЛ ПОСВЯЩЕН 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ, ЧТОБЫ ВСЕ РЕБЯТА НАШЕЙ СТРАНЫ ЗНАЛИ ГЕРОИЧЕСКУЮ ИСТОРИЮ ОДНОГО ИЗ ПИОНЕРСКИХ ЗНАМЕН.

НАША ПАРАДА

САЛЮТ, ПОБЕДА!

**БОЕВАЯ
АРМИЯ
РЕБЯТ-
АКТИВИСТОВ
БОРЕТСЯ,
АГИТИРУЕТ,
НАХОДИТ!**

**СЛУШАЙТЕ
ВСЕ!**

В дни весенних каникул в Москве состоялась встреча юных защитников Родины в годы Великой Отечественной войны с лучшими представителями сегодняшней Пионерии. Ветераны вели с ребятами разговор о необходимом: сти защитить мир на планете, о великом подвиге советского народа, победившего фашизм. Пионеры рассказали о своих делах на Марше юных ленинцев и поклялись быть достойными наследниками тех, кто сорок лет назад принес Родине Победу.

Как и в чем проявляется верность Победе, как пионеры чтут и хранят ее — об этом сегодняшней выпуск «Барабана».

МЫ НА МАРШЕ

Следопытами школы № 46 Таллина собрана летопись освобождения Советской Эстонии от немецко-фашистских захватчиков.

Тимуровцы Алтайского края, Гомельской, Московской, Омской областей организовали шефство над госпиталями инвалидов Великой Отечественной войны.

Кропотливым трудом следопытов Белоруссии в лесах республики восстановлены и стали мемориалами десятки партизанских баз.

Дружины города Кемерово ведут поиск металлургов военной поры. Областной пионерской организацией учрежден приз дружине-победительнице соревнований по сбору металлолома.

Главным направлением операции пионеров Узбекистана «Дети войны» стал поиск родных и близких детей, эвакуированных в годы войны в республику. В настоящее время следопыты помогли воссоединиться более 70 советским семьям.

За успехи в работе на Всесоюзном марше юных ленинцев пионерская дружина имени 50-летия ВЛКСМ средней школы № 3 Красногорска Московской области занесена в Книгу Почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

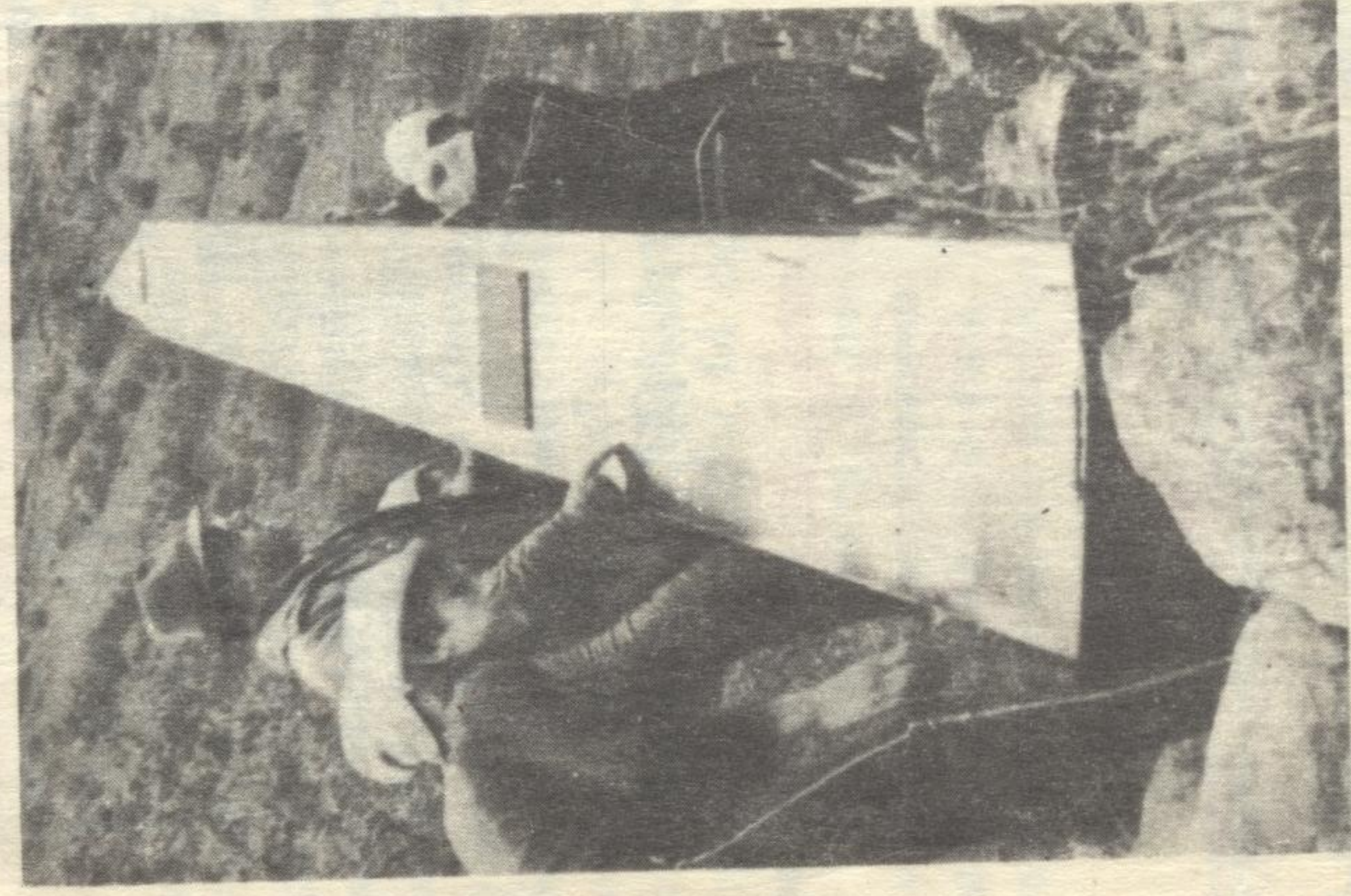
ПЯТИЛЕТКА

В КРАСНОМ

ГАЛСТУКЕ

Мамадсафар Холлиев — лучший юный чабан нашей школы. Во время каникул он помогает отцу и своему колхозу. Дело чабана не из легких. Когда гонишь отару с одного места на другое, к нему поднимается облако горячей пыли. Чем облако больше, тем травы меньше, и надо идти дальше. Если вдруг задует ветер из пустынных песков, значит, нельзя уходить далеко от арыков: может налететь густая пыльная буря. Много сил нужно, чтобы уберечь всех овец...

*Совет дружины
средней школы
колхоза им. Ф. Ходжаева
Алатского района Узбекистана*

У нас на Посту № 1 ребята стоят с автоматами. Два из этих автоматов — священные реликвии. Один в годы Великой Отечественной войны принадлежал Герою Советского Союза за Якову Федоровичу Павлову. Помните дом Павлова в Сталинграде? Дом, который защищала горстка бойцов во главе с Яковом Федоровичем, и который так и не смогли захватить фашисты. А второй автомат принадлежал Мелитону Варламовичу Кантария, тоже Герою Советского Союза — участнику штурма рейхстага. Он с этим автоматом водружал знамя Победы.

*В. Коваленко,
юнкер отряда «Пламя»,
Пятигорск*

Недавно пионеры села Канглы Минераловодского района совершили восхождение на Марухский ледник. Проводником в походе был Василий Иванович Цикалов, сражавшийся в этих местах. Он рассказал нам о сухумских морях, погибших на леднике, в память о которых здесь установленobelisk... Но вот самогоobeliska мы не увидели. Оказалось, что во время недавней бури его сорвало ветром и унесло в ущелье. Вместе с ветраном мы решили поставитьobelisk на место. Несмотря на то, что погода портилась, наша группа справилась с работой...

*Михаил Радзиковицкий,
Ставропольский край*

По просьбе Раи Халиловой из Житомира «Барабан» печатает значки пионерских организаций зарубежных стран.

Ангола

Афганистан

Болгария

Венгрия

Вьетнам

Дорогие друзья!

Мы обращались в «Костер» с просьбой помочь нам найти друзей среди советских школьников. В 10-м выпуске «Барабана» был опубликован адрес нашего клуба. И вот к нам попали письма со всех концов советской страны. Писали нам члены КИДов, которые рассказывали о своей работе. Писали отдельные пионеры и рассказывали о своих пионерских отрядах, о родных городах и деревнях. Мы получили много

открыток и оформили ими красивые альбомы. Ребята прислали нам интересные материалы о Гайдаре, из которых мы сделали гайдаровский уголок в нашей школьной пионерской комнате.

Спасибо вам, дорогие друзья! Мы хотели бы извиниться перед теми, кому еще не успели ответить. Но писем так много...

*С пионерским приветом,
члены КИДа им. А. Гайдара,
НР Болгария, с. Партизани*

«ПЕСНЬ МОЯ, ПИОНЕРСКАЯ...»

Ну, споемте-ка, ребята, бята, бята!
Жили в лагере мы как, как, как,
И на солнце, как котята, тята, тята,
Грелись этак, грелись так, так, так.

Наши бедные желудки
Были вечно голодны,
И считали мы минутки
До обеденной поры.

Дым костра, углей сиянье,
Серый пепел и зола.
Дразнит наше обонянье
Дух картошки у костра.

Здравствуй, милая картошка,
Низко бьем тебе челом!
Даже дальняя дорожка
Нам с тобою нипочем!

Ах, картошка, обеденье,
Пионеров идеал.
Тот не знает наслажденья,
Кто картошки не едал!

КАРТОШКА

МИР, В КОТОРОМ МЫ ЖИВЕМ

ФОТОКОНКУРС

ВСТРЕЧА С ПРЕКРАСНЫМ

Максим Новиков, Новосибирск

БОГАТЫРСКАЯ НАША СИЛА
Сергея Поздняков,
Красноярск

РОВЕСНИЦЫ
Володя Власов,
Горьковская область

оформляют материал о прошлых фестивалях. Стенгазета «Полет белого голубя» пополнилась новой рубрикой «Летопись фестивального движения».

Когда думали о том, что можно еще сделать интересного для фестиваля, решили, что для этого нужно лучше узнать русский язык. Многие из нас хорошо понимают по-русски, а говорить стесняются — бояться ошибиться. Вот и решили провести Неделю русского языка: вечер инсценированной песни, конкурс чтецов. Особенно всем понравились русские народные сказки...

*И. Казаускайте,
председатель КИДа
утинской средней школы № 4,
Литовская ССР*

Мы - Фестивалу!

„Белый голубь“

Знаете, что такое по-литовски «балтасис баландис»? Белый голубь. Именно так называется наш КИД, который уже 13 лет работает под девизом «Дружить — значит беречь мир!» Сейчас мы готовимся к XII Всемирному фестивалу молодежи и студентов. Художники, например,

ПОЛЕВАЯ ПОЧТА СЛЕДОЛЫТОВ

До войны Владимир Харченков учился в нашей школе. Мальчишкой в дни битвы за родной город он работал в мартеновском цехе завода «Красный Октябрь», потом ушел на фронт, закончил войну в Берлине и только тогда вернулся на Волгу, на родной завод. За подвиги в боях и труде награжден 14 орденами и медалями.

Сейчас вахту у печи Владимира Никифоровича Харченкова принял его сын, тоже выпускник нашей школы.

*Совет дружины школы № 34,
Волгоград*

КТО, ЕСЛИ НЕ ТЫ?

Пионер Андрей Анисимов сумел предотвратить большую беду, которая могла случиться в нашем горном поселке.

На дороге, идущей под уклон, он заметил автомобиль. Машина набирала скорость. Читанные минуты — и она может скатиться в пропасть. А за стеклом мелькают только испуганные лица двух малышей. Как оказалось потом, родители отправились в магазин за покупками, второпях не поставив машину на ручной тормоз.

Андрей бросился догонять автомобиль. Поравнявшись с ним, сумел открыть дверь, вскочил на сиденье водителя и нажал на тормозную педаль. «Запорожец» остановился у самого края обрыва...

*Совет дружины средней школы
поселка Кутаис,
Краснодарский край*

Друг нашего отряда — Константин Никитич Федоров. Это дедушка Наташи Сулейменовой из нашего класса. Он ветеран Великой Отечественной войны, воевал в одной из партизанских бригад, защищавших наш город. Константин Никитич показывал нам карту, на которой отмечены районы партизанского движения, рассказывал о Клавде Назаровой — Герое Советского Союза, организаторе подпольного движения комсомольцев в городе Острове, — с которой он был знаком. Недавно мы пригласили ветерана на «Урок мира».

*Лена Парядина,
председатель совета отряда
7-б класса, школы № 15,
Псков*

О маленькой, но героической биографии Вали Котика нам рассказывали наши вожаки — Света Апрелева, Лена Иванова, Витя Беляков. В январе мы отметили день подвига юного партизана, которому посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Про Валю и других пионеров-героев узнают скоро и октябрята 2-х классов. У нас в школе открылся клуб «Искорка». Этот клуб будет готовить октябрят в пионеры уже со 2-го класса.

*Пионеры 3 класса,
школа № 394,
Ленинград*

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА

За отличное выполнение заданий Школы будущих командиров в 1984 году и в связи с всенародным праздником — 40-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне,

П Р И К А З Ы В А Ю:

Наградить ценными подарками:

Кузахметову Анжелику (Уфа), **Холодеева Андрея** (Яманская область), **Михайлова Сергея** (Московская область), **Сутягина Сергея** (Владимирская область), **Бакай Иру** (Харьковский край), **Егорову Нюргустану** (Якутская АССР), **Лаврова Романа** (Иркутская область), **Романенко Александра** (Омская область), **Бачурина Николая** (Сахалинская область), **Просина Игоря** (Пензенская область), **Аблязисова Сейрана** (Ташкентская область), **Левченко Алексея** (Тюмень), **Кюмову Гульназ** (Татарская АССР), **Митрофанова Эдика** (Мурманская область, г. Никель).

**Главный консультант
Школы будущих командиров
Герой Советского Союза
генерал-лейтенант
Д. А. МЕДВЕДЕВ**

ТОВАРИЩ БАХТАНГ

ПОВЕСТЬ

Станислав ЛЕБЕДЕВ

Рисунок С. Острова

Ребята заканчивали ужин. Летучая мышь влетела с черной улицы, как молния, в комнату.

Ребята вскочили, заорали, замахали руками. И одна только завхоз «Шейте-сами», общепризнанная зануда, оцепенело замерла посреди комнаты во весь свой высокий рост.

Летучая мышь исчертила пространство просторной комнаты нервными зигзагами, а потом резко вильнула вниз и врезалась в пышную прическу «Шейте-сами». Она билась в белых кудрях завхоза, как маленький мотор. Женщина рвала на себе волосы и подпрыгивала на месте, а остальная публика падала на пол и плакала от смеха. Прибежала нянечка тетя Поля и добавила веселья тем, что ахнула завхоза мокрой тряпкой по голове. Тут Зорин стал икать от смеха и колотить ладонями по столу...

И вдруг стало тихо.

Зорин поднял голову. В дверях стоял товарищ Вахтанг. Он посторонился, и стонущая «Шейте-сами» под руку с тетей Полей ушла в коридор. Ребята деловито зашущукались и стали заправлять рубахи. Девочки осторожно забрякали пустыми мисками на столе.

Товарищ Вахтанг с минуту глядел на всех, потом круто повернулся, так резко, что в протезе у него что-то взвизгнуло, и ушел.

Все молча переглянулись, лишь подхалим Лазарев, вертясь перед Зориным, иронически протянул: — Во спикировала-а!

Но Зорин не посмотрел на него и не улыбнулся.

Весь оставшийся вечер Зорин маялся, как от зубной боли. Придирался к малышам, из-за пустяка поругался с Калитой и чуть не подрался с Сашей Бушуевым. Когда все улеглись спать, он решительно взъерошил рыжие волосы на голове и твердо прошагал по коридору. Потоптавшись перед дверью, он вздохнул, махнул рукой и постучал.

— Войдите, — сказал за дверью знакомый гортанный голос.

— Это я, — сказал Зорин, выходя на середину комнаты.

Товарищ Вахтанг сидел на своей солдатской койке в нижней белой рубахе. Перед ним стоял табурет, на табурете — старенькая настольная лампа. На полу блестел металлическими деталями протез. Товарищ Вахтанг, заложив пальцем книгу, сверкнул на мальчика большими черными глазами.

Оба долго молчали.

— Не спится, — сказал, наконец, Зорин.

— Бывает, — директор поправил подушку на постели, — хотел тебя спросить: это ты придумал ей прозвище «Шейте-сами»?

— Я.

— А почему — «Шейте-сами»?

— Да она все время нянечкам говорит: «Девочки, шейте себе сами одежду. И дешевле, и на будущее — кусок хлеба»... Вот и получилось «Шейте-сами».

— Понятно, — сказал товарищ Вахтанг и по-

тянулся за папиросами. Зорин достал из кармана зажигалку. Зажигалка была самодельная, сделана из винтовочного патрона. Товарищ Вахтанг прикурил из рук Зорина, кивком поблагодарил.

— Ты что, опять курить начал? — спросил он.

— Нет, — ответил Зорин, — я же вам обещал. А это — еще с фронта, наши солдаты мне на прощанье подарили.

— Понятно... Садись, в ногах правды нет. — Постою.

Дым от папиросы, словно в перевернутую воронку, втягивался под колпак лампы. Товарищ Вахтанг заговорил негромко:

— Вот ты придумал: «Шейте-сами», — он закашлялся, помахал рукой и прямо взглянул Зорину в глаза, — а знаешь ли ты, что в июле сорок первого года на глазах у этой женщины сгорели вагоны с эвакуированными детьми. Эшелон подожгли «мессершмитты». Дети не успевали выпрыгивать из вагонов, а на тех, которые успевали, — горела одежда. И спаслись — немногие.

Товарищ Вахтанг сморщился, скрипнул кроватью и выбросил в окно окуроч.

— От нервного потрясения она слегла в больницу, она была на грани сумасшествия... А когда вышла из больницы, то пришла сюда, в наш детдом. Она, в прошлом великолепная портниха, пришла работать к детям... И — что? — вдруг крикнул товарищ Вахтанг, и ноздри его красивого крупного носа затрепетали, — вы плохо питаетесь? Вы голодные? Или вы ходите оборванные и босые?

Зорин молча встал и вышел, аккуратно прикрыв за собою дверь.

Утром, как всегда, завхоз появилась в столовой. Она была в косынке, надвинутой на самые брови. Дежурные, разносившие кашу, встали в дверях с мисками, сидящие за столом ребята поднялись с мест. Завхоз стояла у стола, недоверчиво и испуганно глядя на ребят. Но в их глазах не было скрытых смешинок. Она незаметно пожала плечами. И совсем растерялась, когда вдруг в этой тишине Зорин, сам Зорин! — поднялся из-за стола и, с неумелой галантностью склонив рыжую голову, сказал громко и отчетливо:

— Доброе утро, Зинаида Ивановна!

«Шейте-сами» машинально одернула скатерть на крайнем столе, что-то дрогнуло в ее лице, и она стремительно вышла из столовой, задев в коридоре металлическую урну. А Зорин обмяк, снисходительно поглядел на удивленное лицо своего оруженосца Лазарева и звонко врезал ему по лбу ложкой.

Наступил теплый кавказский вечер, с большими, низкими, теплыми звездами, с запахом нагретой дневным солнцем земли, с убаюкивающим звонким потрескиванием цикад. Кончились дневные заботы и дела. Наступило уютное время отдыха и развлечений.

Малыши вырезали из толстой синей бумаги самолеты. Товарищ Вахтанг сидел в центре с ножницами в руках и с видимым удовольствием руководил этой работой.

— Штурмовик «Ил»!— говорил он торжественно.

— Наш?— спрашивали на всякий случай малыши.

— Наш!

Ребята, закусив языки и не спуская глаз с рук товарища Вахтанга, с трудом водили клацающими ножницами. На стол один за другим ложились ловкие синие фигурки самолетов.

— «Юнкерс»!— презрительно говорил товарищ Вахтанг. Малыши начинали злобно сопеть, и фигуры вражеских самолетов выходили у них карикатурно кривыми, с рваными краями крыльев.

Саша Бушуев и Юра Калита играли в шахматы. Фигуры были самодельные, выкрашенные белой и черной краской, доска нарисована на сером картоне. Зорин стоял коленями на табурете, азартно подавал реплики. Его симпатии были, как всегда, на стороне Бушуева, потому что тот играл слабее.

— Пешки — не орешки!— говорил Зорин Калите, когда Саша выигрывал пешку, и заговорицки подмигивал. Калита продолжительно скрипел зубами и шепотом ругался, оглядываясь на товарища Вахтанга. Тот увлеченно разговаривал с малышами. Игра продолжалась. Наконец, Зорин незаметно, одними глазами, подсказал смешливому Бушуеву пару ходов и хлопал Калиту по крепкому плечу:

— Михал Моисеича знаешь?

— Какого?— хмуро спросил Калита.

— Ботвинника!

— Ну?

— Он на твоем месте да-авно бы сдался!

— Ну это еще надо проверить!

— Верно говорю, и к гадалке не ходи!

Товарищ Вахтанг что-то такое сказал малышам, и те грохнули дружным смехом. Зорин оглянулся на них и, не ведая о причине, тоже радостно засмеялся.

И в это время на улице вдруг раздалась песня. Все замолчали, прислушиваясь. Зорин первый подошел к раскрытому окну, лег животом на подоконник.

На улице, под черным небом, в квадрате яркого света, падающего из окна, стоял худущий мальчик и, прикрыв глаза, старательно пел:

— Одна возлюбленная пара

Всю ночь стояла у плетня!..

На певце был костюм, скроенный из гимнастерки таким причудливым образом, что один карман был, как и полагается, на груди, а второй — на правой штанине. Из того кармана, что был на груди, торчал огрызок вареной кукурузы.

Заметив Зорина, мальчик замолчал.

— Откуда, служивый? — спросил Зорин.

Мальчик большим пальцем правой руки показал себе за спину.

— Ясно, только не понятно,— сказал Зорин, оглядываясь в комнату,— к нам обычно прибывают с запада, а не с востока. Здесь мы видим обратный ход событий.

Все детдомовские, столпившись у окна, незло улыбнулись.

— Пацаны, дайте хлеба,— тихо попросил мальчик, но в этот момент к окну подошел товарищ Вахтанг.

ОДИН ДЕНЬ ВОЙНЫ

1941

ПОМНЮ...

В первых числах августа, когда фашисты рвались к Москве, наш полк срочно перебазировался на остров Сааремаа в Балтийском море. В полк прибыл начальник авиации Военно-Морского Флота генерал-лейтенант Жаворонков. Его приказ был краток:

— Будем бомбить Берлин!

Мы рвались в бой. Но как достичь цели? Над сушей такой полет невозможен. Обязательно собьют зенитки или истребители. Неминуемы и столкновения машин с аэростатами заграждения. Ведь надо пересечь всю территорию оккупированной Польши и потом лететь над самой Германией. Командование приняло единственно возможное решение — лететь над морем ночью, без сопровождения истребителей, при полном радио-

— Что тут такое?— спросил он,— ты кто?
— Дайте хлеба, дядя,— сурово сказал мальчик.
— А ты заходи в дом, будь гостем,— сказал товарищ Вахтанг,— двери у нас за углом, я сейчас открою.

Но пришелец в ответ вдруг съежился и рванулся в темноту, в затрещавшие кусты.

— Надо догнать,— коротко сказал товарищ Вахтанг, спокойно щелкая портсигаром. Зорин, Бушуев и Калита, словно парашютисты, один за другим вылетели в окно. Через минуту они уже по-разбойничьи пересвистывались в черной дали.

Певца поймал и привел Зорин. Он держал его за плечи и, тяжело дыша, уговаривал: — Успокойся... Ты свое отбегал.

Мальчик затравленно озирался на людей, на белый чистый потолок, на занавески в раскрытых окнах. Грязными руками он крепко держал холщовую сумку, перекинутую через плечо. Его привели на кухню, усадили за стол.

— Как тебя зовут?— спросил товарищ Вахтанг.

— Яшка,— ответил мальчик, с трудом отводя глаза от огромной кастрюли, стоящей на плите.

— Куда же ты держишь путь?

— В Ростов, матку искать.

Он мучительно сглотнул слюну, дернув кадыком на худенькой шее. Товарищ Вахтанг выразительно взглянул на ребят.

— Щи остались с обеда,— сказал Калита,— сейчас разогреем.

— Кормите,— приказал товарищ Вахтанг,— потом будем решать, что и как.

Через пять минут Яшка, захлебываясь, ел

щи, а Зорин довольно шурился и покачивал рыжей головой. Товарищ Вахтанг и прибежавшая «Шейте-сами» вполголоса разговаривали в коридоре. Лазарев, заглядывая в кухню, ревниво вздыхал, но Зорин равнодушно не замечал его.

Незаметно прошли три недели. Яшкин приход перестал быть событием. Яшка прижился и как-то незаметно стал своим. В Ростов послали запрос об его матери. Ответ ждали с нетерпением все, а в это время обычная, налаженная жизнь продолжалась... Впрочем, каждый день приносил что-то новое.

Как-то вечером Бушуев выкрасил табуретки. Всю ночь они сохли во дворе, а утром привели всех в изумление. Саша выставил товар лицом: дюжину табуреток в шеренгу, и это стало похоже на радугу! Табуретки были выкрашены разной краской, краски лежали причудливыми линиями, создавали невиданные узоры, переплетались. Все это играло и веселило душу. Саша сделал это просто так, машинально, и теперь был несколько растерян вниманием, которым ребята наградили его работу. Явился товарищ Вахтанг. Он медленно, заложив руки за спину, прошелся вдоль ярмарочного великолепия Бушуева. Потом остановился и долго покачивал головой, щури веселые глаза.

— Ма-ла-дец!— наконец сказал он,— это потрясает... Слушай, кацо, у тебя превосходное чувство цветовой гармонии.

Саша смутился и молча пожал плечами.

— Тебе надо попробовать писать красками!— решительно сказал товарищ Вахтанг,— сегодня же я тебе их достану!

молчании. И только у вражеского берега сделать поворот к Берлину.

И вот наступил этот самый для меня памятный день войны — 7 августа 1941 года. Вечером двенадцать дальних бомбардировщиков поднялись в воздух. Я был в экипаже командира полка Преображенского стрелком-радистом.

Томительно тянулось время. Штурманы до боли в глазах всматривались в ночную Балтику. Наконец снизу, из волн, ударил луч прожектора. Именно в этой точке нам надо было делать крутой вираж. Если бы не храбрые моряки, всплывшие на подводной лодке, нам бы такого точного поворота не совершить.

Мы летели над территорией врага и ни один истребитель не поднялся нам навстречу. Ни одна зенитка не выстрелила. А при подходе к столице

фашистов мы увидели море огней. Нашего появления здесь не ждали. Еще бы, ведь сам министр пропаганды Геббельс уверял, что ни одна бомба с советского самолета не упадет на рейх.

Вот он — Берлин. Отсюда к нам пришла война. Отсюда отдавались приказы бомбить наши города, расстреливать детей, стариков, женщин. Ложимся на боевой курс. Цель — один из берлинских вокзалов, откуда отправляются на восток эшелоны с техникой и войсками. Штурман Хохлов открыл бомбовые люки. Знакомый запах сработавших пиропатронов — бомбы ушли на цель. Вскоре в районе цели вспыхивают мощные огненно-красные очаги взрывов. Слышу голос командира: «Передавай! Мое место — Берлин. Задачу выполнил. Возвращаюсь на базу».

Владимир Макарович КРОТЕНКО воевал в 1-м минно-торпедном полку ВВС Краснознаменного Балтийского флота стрелком-радистом.

Стоящие рядом ребята, и прежде всего — малыши, не поняли, про какую-такую «цветную гармонь» говорил товарищ Вахтанг, и как это можно «писать красками», а не чернилами. Но несмотря на это, все посмотрели на Сашу с огромным уважением. Зорин подошел к нему, хлопнул по плечу и, оглянувшись вокруг веселыми, но злыми глазами, сказал: — Киндервуд!

Товарищ Вахтанг расхохотался, Зорин тоже, остальные поддержали, и день таким и остался до вечера — нарядным, как табуретки, и веселым — с белозубой улыбкой товарища Вахтанга.

На следующий день появились новые таланты. Юра Калита угрюмо, и вроде бы вскользь объявил, что у него природные способности к технике. Он сходил к знакомым в соседний поселок, принес от них полведра керосина и, засучив рукава и брюзжа на малышей, принялся отмачивать от ржавчины старинный велосипед, который пылился в сарайчике, безнадежно покинутый вниманием ребят. На нем не было цепи, не хватало половины спиц и руль был похож на рога старого горного козла.

Зорин с толстенной книгой под мышкой пришел лично поглядеть на деятельность Калиты. О велосипеде ему донес Лазарев. Зорин долго стоял возле Калиты, раскачивался на пятках и цыкал зубом. Потом пнул технику ногой. Техника жалобно забренчала. Юра злобно вскинулся и пошел на Зорина грудью. Но тот спокойно остановил его ладонью и лениво сказал:

— Из этого драндулета уже делали... примус.

— Ну?

— Потом самолет, а потом, кажется, двустволку.

— Ну?

— В конце концов решили оставить так, как было.

— Дальше-то что? — окончательно рассви-репел Юра.

— Я просто хочу сказать, что это были технари высшего класса.

— Ясно... И — не справились? — язвительно спросил Калита.

— И — не справились!

— Тебя среди них случайно не было?

Зорин снисходительно потрепал его по плечу, многозначительно поглядел на малышей, дескать: что тут говорить?! и ушел загадочным победителем — молча. Юра плюнул и склонился над велосипедом. Малыши постояли, потоптались и стали по одному расходиться.

Зайдя за угол дома, не видимый Калитой и ребятами, Зорин сразу потерял молодецкий вид. Он уселся на скамейку и задумался над своей судьбой. Задумывался Зорин обычно ненадолго, но очень глубоко, словно проваливался под землю. Звуки, краски в этот миг отлетали от него... Решение приходило быстро и было оно каждый раз точно, верно, хотя порой неожиданно для окружающих. На этот раз ничего не получалось: Зорин обшарил внутренне все свое существо и с ужасом убедился, что он — бездарен!

Ничего не выхватывал из темноты быстрый лучик сознания — никакого пристрастия, ничего тяжелого, обстоятельного, значительного и всепоглощающего. Ни-че-го!

Положение было отчаянное.

И погода, словно согласуясь с настроением, испортилась. Из-за гор полезли, словно тесто,

ОДИН ДЕНЬ ВОЙНЫ

1942

ПОМНЮ...

Тот осенний день на Невском «пяточке». Ночью пришлось поработать лопатой: наш взвод углублял траншею, ведущую от Невы к передовой. Утром меня вызвал наш командир капитан Васипов:

— Шлюпкой хорошо управляешь? Даю боевое задание: перебросить на наш берег боезапас.

Переправа простреливалась немцами из минометов и пушек. Даже ночью, под прикрытием темноты, перебираться на другой берег было рискованным делом.

Первый рейс прошел благополучно. Второй оказался не таким удачным. При загрузке патронов один боец рядом со мной был убит, двое ранены. Я налегал изо всех сил на вес-

серые облака. Ласточки со скандальным криком пластались над землей, предвещая скорый дождь. Рванул ветер, затрещала брошенная кем-то газета.

Зорин в отчаянии топнул ногой и встал.

И вдруг он услышал песню. Пели рядом, в доме. Зорин подкрался к окну, вцепился в подоконник и подтянулся на руках. В сумрачной комнате, сидя на кровати с рубашкой и иголкой в руках, пел Яшка. Пел он тихо какую-то грустную, медленную песню. Голос его звучал на каждой ноте долго, чисто, а в конце давал томительную волну.

И тогда в сердце Зорина вдруг потеплело. Он почувствовал, что тоже сможет петь так, как Яшка, — свободно, без усилия в горле, чисто подтянуть ноту, как нитку, и она не оборвется и не провиснет, а останется в ненавязчивом напряжении. Зорин вспомнил, словно открыл вновь, что у него неплохой слух! Конечно, петь — это, наверное, в Зорине было не главное, но это было уже что-то!

— А Яшка дополнит! — прыгивая на землю, сердито, но весело сам себе сказал Зорин.

Зорину было восемь лет, когда голодного, оборванного и босого, почти умирающего нашли его в погребе разбитого снарядом дома разведчики кавалерийского полка. Это было в октябре сорок второго года. Полк усыновил мальчика. Зорин прошел с полком трудные дороги отступления, изнурительных боев, радостные дни побед.

Когда война повернула на запад, и советские войска освободили огромную часть родной земли от захватчиков, Зорина отправили в детдом.

Четыре раза Зорин бежал из тыла на фронт, в свой полк, не желая расставаться с полюбившимися навек людьми. В четвертый раз командир полка взял с него честное слово, что Зорин останется в тылу и будет учиться.

— А я, — сказал командир, — обещаю тебе, что если станет трудно, то я отзову тебя на фронт, в наш полк.

Они пожали друг другу руки, и Зорин уехал сюда, на Кавказ, и поселился в детском доме. На память о полке осталась зажигалка из гильзы. На память о тяжелом бое под Новочеркасском — медаль «За отвагу», но Зорин не любил рассказывать о войне, и о медали знал только товарищ Вахтанг.

Вечером следующего дня, после ужина, Зорин и Яшка исполнили ту самую песню, с которой Яшка появился в детдоме. Зорин завел песню будто бы между прочим, и Яшка подтянул тоже как бы между прочим, но за этой небрежностью чувствовалась жесткая рука Зорина и тщательная подготовка. Зорин пошел в атаку на талантливых Бушуева и Калиту. Это были ровесники. Талантливые малыши были не в счет. Зорин болновался, Яшка в душе посмеивался, но из солидарности держался молодцом.

Состроив из бровей скорбные домики, подпирая друг друга плечами, они с чувством спели:

Двенадцать часиков пробило,
И все ушли уж со двора,
Одна возлюбленная пара
Всю ночь стояла у плетня.

Закончив петь, Зорин независимо шмыгнул носом, и принялся раскачиваться на носках. Он готов был и к аплодисментам, и к осмеянию, к улыбке и драке. Все молчали.

ла. Выше по течению разбило многовесельный баркас, раненые кричали, тонули. Несколько человек несло течением прямо на мою перегруженную плоскодонку. Если они вцепятся в борт, я перевернусь. Я протянул весло, за него схватились двое. Лодка сильно сбавила ход. К счастью, мы подходили уже к берегу. К «пятакку» двигались также два понтонных плота с танками. Саперы поставили дымовые завесы, понтонеры тянули что есть сил канат... Но все же произошло самое страшное: прямое попадание, крупнокалиберный снаряд угодил в башню танка. Взрыв. Плот начал крениться и тонуть. На левом берегу все оцепенели: мы так ждали эти танки... За кормой моей лодки поднялся огромный водяной столб, меня выкинуло за борт,

плоскодонку швырнуло к берегу. Несколько бойцов бросились в реку, вытащили меня и начали спасать боезапас...

А к вечеру наш взвод послали на передний край за ранеными. Немцы вели артобстрел. Потом вдруг на передовой наступила тишина — жуткая, ничем не объяснимая. Серые фигурки повыскакивали из наших окопов, побежали к лесу, вырубленному снарядами. Послышалось далекое: «А-а-а!..» В первой линии немецких траншей началась рукопашная. Разобрать, где там свои, где чужие, было невозможно.

Атака наших морских пехотинцев имела некоторый успех: был захвачен небольшой участок переднего края противника. Взятые были и пленные: три солдата.

Для этих троих война кончилась.

Афанасий Иванович ОГЛОБЛИН.
Рядовой. Воевал в составе 4-й бригады
морской пехоты
на Невском плацдарме.

— Bravo, — вдруг сказал над головами ребят, из окна, товарищ Вахтанг и захолопал, — bravo!

Малыши облегченно и обрадованно ударили в ладоши, глядя не на исполнителей, а в темное окно. Лица товарища Вахтанга не было видно, вспыхивал только огонек папиросы.

— Яша, — сказал товарищ Вахтанг, — очень знакомая песня!

— Это я тогда пел... Когда пришел.

— Что за песня?

— Человек научил.

— Какой человек?

— С аккордеоном... И без ног. Матрос в госпитале. Верная песня.

— Верная? — переспросил товарищ Вахтанг, — что, подавали хорошо?

— Да уж подавали, — с вызовом сказал Яшка, — особенно бабы.

— Ты хотел сказать: женщины, — сказал товарищ Вахтанг и облокотился на подоконник, — да, Яша, что было — то было. Но! — товарищ Вахтанг поднял палец, — когда это было? Теперь другая обстановка... Два таких джигита, два молодых гвардейца-гусара тянут какую-то нищенскую панихиду!.. Я сначала подумал, что опять хлеба кто-нибудь просит.

Аудитория грохнула смехом, и Зорин мгновенно рассвирепел.

— Цыц! — рявкнул он на малышей. Потом унял голос и повернулся к товарищу Вахтангу: — Ладно вам! Поем как умеем!

— А я что говорю! — горячо подхватил товарищ Вахтанг, — такие певцы не должны пропадать из-за неудачного репертуара. А поете замечательно. У вас на два голоса даже получилось, кацо!

— «Гармония»? — сразу оттаяв и потеплев, ухмыльнулся Зорин.

— Именно: гармония! Но! — товарищ Вахтанг

шелкнул пальцами, — надо искать другие песни. Боевые! Про победу!

— А душевные? — тихо, но требовательно спросил Яшка.

— И душевные, дорогой, и обязательно — душевные. Только эту, что вы пели, нам больше не надо. Так я говорю? — крикнул он публике.

— Верна! — ответили вразнобой ребята.

— Им бы инструмент нужен для такого дела, — сказал Юра Калита, вставая со скамейки, — гитару там или баян.

— А ты смастери из своего драндулета... виолончель! — весело сказал Зорин и ткнул Калиту пальцем в живот.

Вечером товарищ Вахтанг рассказал все это завхозу и нянечкам, а закончил так: — Значит, скоро победа, если в нашем детдоме началась эпидемия талантов... Переходим на мирные рельсы... Прекрасные дни!

Танк рвался вместе с пламенем вверх, в безоблачное безучастное небо. Танк горел быстро, сквозь прозрачное пламя были видны какие-то пляшущие черные лохмотья. Это металл отрывался от горящего тела танка. Пламя гудело, и ничего не было слышно, хотя вокруг шел бой.

Вахтанг на несколько метров оттащил от танка своего механика, вытер с его разбитого лица кровь и вдруг прямо перед собой увидел немцев. В их руках плясали автоматы. Выстрелов он не слышал. Он черными пальцами выхватил из кобуры пистолет и выстрелил в ближнего немца. Тот упал, словно споткнувшись, несколько раз дернул головой в пыльной каске и затих. Другой немец резко повернулся и повел в сторону Вахтанга прыгающим стволом автомата. И за одну секунду Вахтанг увидел, как пули сперва толкнули тело механика, а потом прошили его собственную ногу. Черная штанина комбинезона

ОДИН ДЕНЬ ВОЙНЫ

1943

ПОМНЮ...

Говорят: «Медчасть — это тыл».

А бывает вот как. Случилось это под станцией Мечотинской в январе 43-го. День был, помню, пасмурный, невеселый. Наша 248-я дивизия, сильно потрепанная в боях, шла во втором эшелоне к Ростову. Шли почти без боеприпасов, до передовой далеко, опасности — никакой. Уже собирались встать на привал, как вдруг в хвосте колонны забили пушки, пулеметы крупнокалиберные застучали. Крик раздался:

— Немцы!

Откуда немцы, какие немцы? А уж они рядом. Танки пятнистые, бронетранспортеры.

лопнула, и боль, словно ослепительная пятерня, ударила Вахтанга в лицо и опрокинула навзничь, в пустоту.

В сорок третьем году гвардии сержант Вахтанг Челидзе после госпиталя вернулся на родину, в Грузию. Правую ногу ему до колена ампутировали, Вахтанг трудно и долго привыкал к протезу.

Домой, в Тбилиси, он не поехал. Там его ждала невеста, Нина. Вахтанг забрался в этот маленький городишко в горах, словно прячась от Нины. Стал искать работу, а когда в райкоме комсомола предложили работать директором детского дома — согласился сразу и с радостью. Именно к ребятам, маленькому, беззащитному народу сразу потянуло его, бывшего перед войной комсомольским работником. И в первый день знакомства, увидев обращенные к себе ребячьи глаза, он вдруг остро вспомнил свою комсомольскую весну, и яркий блеск поющего горна, подсвеченные кострами флаги и галстуки пионерских сборов. Он сказал тогда ребятам:

— А, зовите меня просто товарищ Вахтанг!

Работы оказалось много, трудности были на каждом шагу, но Вахтанг с радостью окунулся в эти заботы, и они отвлекли его от увечья и, как казалось ему, от мыслей о недалекой невесте. Но прошло полгода и пришло письмо от Нины. Она разыскала его адрес через военкомат. Она писала ему, что тоже была на фронте, что ее отозвали на завод. Она ни слова не писала ему, что обиделась, письмо было веселое, родное. Прочитав его, увидев ее почерк на грубой желтой бумаге, Вахтанг первый раз в своей взрослой жизни, в которой были уже и боль, и ужас, и смерть, заплакал.

Но на письмо не ответил.

Местная больница — двухэтажное деревянное здание в ста шагах от детдома — бурлила, как муравейник.

Взволнованный Калита прибежал оттуда и сообщил:— Раненых привезли!

Товарищ Вахтанг надел гимнастерку с ослепительно белым подворотничком, расправил под ремнем складки и отправился в больницу. Ребята обратили внимание, что свою палку он оставил дома. Он шел по дороге стройный, подтянутый, стараясь не хромать, и ребята, следившие за ним из окон, любовались им.

Вернулся он поздно, когда ребята ужинали. Он молча сел за крайний стол, на свободный табурет, и тетя Поля принесла ему из кухни миску с кашей. Все ребята вертели в руках ложки, никто не ел, все смотрели на директора. Он поднял глаза, вздохнул и потянулся за хлебом.

— Раненых тридцать человек,— сказал он,— из-под Кенигсберга. Там сейчас очень тяжелые бои.

Зорин встал с места и подошел к товарищу Вахтангу. Они посмотрели друг другу в глаза, и директор, словно одному Зорину, сказал:

— Ходил, думал, что однополчан встречу.

— Нету?— спросил Зорин.

— Нет.

— А кавалеристы есть?

— Нет. Моряки и артиллеристы... Хорошие ребята.

Товарищ Вахтанг поднял голову:— Ешьте! Каша стынет!

После ужина, разминая папиросу, он поднялся и сказал:

— Они звали в гости. Я обещал, что в воскресенье навестим. Думаю, что надо приготовить подарки, показать маленький концерт,— он взглянул на Яшку,— в общем готовьтесь, осталось четыре дня.

Ребята радостно загалдели, маленькие запры-

И бьют, бьют из пушек, из пулеметов. В упор бьют. Автоматчики прямо из кузовов транспортеров строчат.

Наши артиллеристы отстреливаются из карабинов, пытаются орудия развернуть. Завязался самый страшный бой, какой я видела. Немцев много, все на колесах, с автоматами, лезут со всех сторон. Оказалось, эти фашисты прорывались из окружения и наткнулись на нас.

Мы с девчонками медсестрами не успеваем раненых перевязывать.

Решили перенести их к скирдам, подальше от разбитой колонны. Только перевязали, нам кричат:

— Сестрички, в балке много раненых!

Побежали туда, давай перевязывать, а бинты кончаются, отовсюду крики:

— Сестричка!

А что мы можем сделать — раненых десятки. Выглянула я из балочки, вся обмерла. У тех скирд, где мы раненых оставили, танк немецкий стоит и что-то немцы делают. Потом скирды разом вспыхнули, дым повалил. Сожгли фашистские гады наших раненых вместе со скирдами.

Много потом было горького, страшного. Но тот день под Мечотинской никогда не забуду. Очень верно кто-то сказал: «У войны не женское лицо». Не дай бог, чтобы такое еще когда-нибудь повторилось.

Нина Демидовна ДЕРНОВА всю войну прошла военфельдшером.

гали от радости. Товарищ Вахтанг, глядя на них, дымил папирсой, пряча в глазах ласковую влагу.

С гор летел ветер, предвещая дожди.

Все ребята сидели дома. Освещенные в сумерках окна таили тепло и уют, словно соты добротного, обжитого улья. Из черного блюда репродуктора звучал торжественный голос Левитана, передавали сводку с фронтов.

Зорин вызвал Яшку в коридор. Оглянувшись, он тихо сказал:

— Утром встаем пораньше. Есть гениальный план!

Яшка посмотрел ему в глаза и спокойно кивнул.

Рано утром они пришли на лесной склад. Зорин смело постучал в высокую дверь и сказал высунувшемуся человеку в рыжей кепке:

— Фомич, приветствуем! Выходи, дело есть.

Вышел высокий мужчина в ватнике, с обожженным красным лицом и добрыми усталыми глазами:

— Какое дело? Что вам не спится?

— Фомич, нам доски нужны,— сказал Зорин, Яшка удивленно посмотрел на него, но промолчал. По дороге на склад он спрашивал Зорина про гениальный план, но Зорин вскидывал голову, посвистывал и молча похлопывал Яшку по плечу.

— Кому это доски нужны?— подозрительно спросил Фомич.

— Забор решили вокруг детдома городить,— ответил Зорин,— будет садик-огородик, приусадебное хозяйство. Приходи за огурцами!

Фомич хмыкнул:

— Спасибо. А чего же Вахтанг мне вчера ничего не сказал, мы с ним на почте виделись?.. Ну, ладно. Садик — дело для вас нужное. Пошли за мной.

Яшка посмотрел Зорину в глаза, но тот сделал

страшное лицо и сдвинул на переносице брови. Яшка вздохнул и поплелся за Фомичом.

Доски Фомич отобрал прекрасные — сухие, толстые.

— А как потащите?— спросил он, вытирая комочком платка крупный пот на лице. Зорин почесал в затылке и пожал плечами.

— Я вам тележку дам, только — с возвратом,— сказал Фомич. Он привез низенькую тележку на гремящих подшипниках вместо колес. Доски уложили, привязали электрическим шнуром.

— Иван Фомич, вы — великий человек!— сказал Зорин.

— Болтун, — засмеялся Фомич, — огурчики — за вами!..

Когда тележку выкатили за ворота склада, Зорин расхохотался и толкнул Яшку локтем:— Что скажешь, солист?

— Ничего не понял,— честно сказал Яшка.

— Э-эх! Не коммерческий ты человек! Сейчас поймешь.

Слабое солнце уже было высоко и высушило росу на траве, когда они дотащились до поселка на краю города. Зорин безбоязненно постучал в первую попавшуюся калитку, выкрашенную голубенькой краской. Над калиткой густой шапкой нависала крона сада. На стук в глубине двора визгливо залаяла собака, заелозила невидимая цепь. Потом кто-то прошаркал за калиткой, брякнула щеколда, и перед ребятами предстал человек, заросший грязной щетиной.

— Что надо?— спросил он.

— Хозяин,— небрежно спросил Зорин,— доски нужны?

— Доски?— переспросил мужчина и через головы ребят взглянул на тележку,— доски всегда нужны.

— Тридцать рублей,— строго сказал Зорин. Человек поскреб щетину.

ОДИН ДЕНЬ ВОЙНЫ

1944

ПОМНЮ...

В октябре 1944 года мы дрались за освобождение Белграда. Город уже пылал, но фашисты могли продержаться еще долго. Позиция у них была выгодная. Дунай и его приток Сава словно обнимают Белград. На левом берегу Дуная — наши, а по обе стороны Савы и на правом берегу Дуная — немцы. Через Саву они получали продовольствие и боеприпасы.

Перед дивизионом поставили задачу: занять остров Ратно, лежащий в междуречье Дуная и Савы, перерезать «артерию», питающую врага.

Подойти к острову было почти невозможно. Дунай про-

— Двадцать пять,— уверенно сказал он, беря из рук Зорина ручки тележки, и, не дожидаясь согласия ребят, потащил тележку в глубину сада.

Вечером, перед ужином, Зорин и Яшка ввалились в столовую, с трудом таща туго набитый, длинный мешок.

— Свистать всех наверх!— крикнул весело Зорин, отдуваясь. Яшка рядом, вытирая вспотевшую шею. Вокруг них мигом столпились ребята.

— Что это?— подняв удивленно брови, спросил товарищ Вахтанг. Рядом с ним встали улыбающиеся Калита и Бушуев. У малышей блестяли глазенки.

— Это — подарки!— торжественно провозгласил Зорин.

— Какие подарки?— спросил директор.

— Раненым подарки! Яша, развязывай!

Из мешка на чисто выстиранную скатерть посыпались огромные яркие яблоки. Малыши ловили их на краю стола, не давая скатиться на пол. Вслед за яблоками из мешка тяжело выкатилась дыня, за ней другая, третья!.. Казалось, они были сделаны из старинной бронзы. Потом Зорин запустил в мешок руки и вытащил охапку коричневой чурчхелы, несколько пачек душистого табаку. Последними из мешка выпали груды конфет...

Зорин был похож, да и, наверняка, казался сам себе волшебником. Детвора вопила от восторга, Калита широко улыбался, Бушуев удивленно моргал светлыми глазами.

Когда великолепная груда принесенного улеглась на столе, заманчиво поблескивая под лампой, а опустошенный мешок потерял свою сказочную таинственность, Зорин левой рукой обнял Яшку, а правой широко повел над столом:

— Вот так!!

— Ни-че-го не понимаю!— товарищ Вахтанг зажмурился и комично потряс головой.

— А что тут понимать!— страдальчески простонал Зорин,— подарки! Раненым!.. Теперь не с пустыми руками придем, а как люди!

— Здорово!— крикнул Лазарев и мелко хлопал в ладоши.

— Тихо, тихо,— сказал товарищ Вахтанг,— надо разобраться... Вы что, друзья, побирались, что ли?

Зорин снял с лица торжествующую улыбку и в глазах его появилась тоска.

— Боже мой, ну что за люди!— воскликнул он, оглядываясь на Яшку,— мы провернули нормальную коммерческую операцию. Только и всего!

Зорин одиноко и неуверенно хохотнул.

— Ах, во-он что,— протянул товарищ Вахтанг, и маленькая молния морщины улеглась на его лбу,— начинает быть понятным, но хотелось бы знать подробности.

В комнате стало тихо. Глухо стукнуло о пол скатившееся яблоко.

Яшка вдруг брезгливо сморщился и дернул плечом, скидывая руку Зорина.

— Мы продали доски,— торопливо сказал он,— на складе выпросили... Обманули там человека... Потом продали и купили вот это.

— Зачем ты?— тихо и мучительно сказал Зорин.

— Затем!— вдруг крикнул Яшка, и, словно размахнувшись, врезал Зорину пощечину, добавил: — что он там огурчики твои ждать будет!

Яшка выбежал из комнаты.

Товарищ Вахтанг поднял голову и шагнул назад от стола. Он сделал большой шаг, и протез его скрипнул. Потом от стола шагнул Саша Бушуев, за ним Калита, а вслед за ними — ма-

стреливался и кишел минами. А главное, на пути вставал разрушенный железнодорожный мост с провисшими в воду фермами.

Первыми на прорыв отправились четыре бронекатера. Я шел во главе отряда. Восемь наших пушек и восемь крупнокалиберных пулеметов обрушивали весь огонь на батарею гитлеровцев. Но и орудия врага не смолкали. Мы у них были словно на ладони. Бронекатера крутились между всплесками снарядов: перелет или недолет — немедленно меняешь курс, иначе следующий снаряд ляжет точно в цель. И все-таки весь отряд дошел до моста.

Вода около разрушенных

ферм кипела, поднимаясь белой, пенистой шапкой. Катер мотало вверх-вниз. Приближались, угрожающе топорщились искореженные рельсы, раскачивались выломанные доски настила. Катер вклинился в узкую лазейку между фермами, на мгновение нас обступила темнота, и мы снова выскочили на свет.

— Самый полный вперед!— скомандовал я.

Враг в страхе спешно покидал остров, и скоро мы захватили огневые позиции на Ратно. Окруженные немцы уже были не в силах сопротивляться — Белград был сдан.

За эту операцию к названию нашего дивизиона прибавилось слово — Белградский.

Михаил Андриянович СОКОЛОВ,
Герой Советского Союза,
капитан 1 ранга.
В Великую Отечественную войну был командиром отряда 1 Гвардейского Краснознаменного Белградского дивизиона бронекатеров.

лыши. Последним от стола отошел Лазарев. И Зорин остался один. Он поднял руки и тут же опустил их. Неожиданно из коридора пришел Яшка и, опустив плечи, встал рядом с ним. Смуглое лицо его было белым.

— Подарки? — шепотом сказал товарищ Вахтанг и вдруг в полный голос крикнул малышам: — покажите им наши подарки!

Несколько минут малыши стояли, как вкопанные, а потом рванулись в спальню и притащили оттуда самолетки из мятого синего картона, свои рисунки с солдатами-головастиками, вышивки на белых подрубленных лоскутках, похожие на паутинки из красных, зеленых и синих ниток.

Они держали все это в вытянутых руках и испуганно смотрели то на директора, то на Зорина. Директор тоже смотрел на Зорина. И тогда тот схватился за голову, оттолкнул Яшку и выбежал в коридор. А Яшка плакал с открытыми глазами.

В десять вечера вдруг погас свет. Товарищ Вахтанг зажег припасенную свечу: свет выключали частенько, в детдоме к этому привыкли. После прозрачного электрического света огонь, расплывшийся от свечи, казался густым и тяжелым. Вахтанг заметил, как от движения рук большие, темные птицы теней взметнулись на стене. «Ладони отдают тепло человеческого тела, как листья отдают тепло деревьев», — почему-то подумал Вахтанг и сразу вспомнил руки Нины, легкое тепло ее рук на своем лице.

...Он не ответил на ее письмо, то, первое, полученное в первые месяцы своего житья здесь. Пришло еще несколько писем, но ответить он так и не решился. Не поднималась рука. Но как-то

минуло две или три недели, а писем от Нины не было. Сначала Вахтанг испугался, не случилось ли с ней что-нибудь. Он даже собрался на почту — дать телеграмму, но в самую последнюю минуту решил, что Нина просто устала. Устала от собственного благородства, ежеминутной готовности на жертву, устала от неблагодарного его упрямства. Ведь он не ответил ни на одно ее письмо! А может быть, еще подумал Вахтанг, рядом с ней появился кто-нибудь другой... Дальше он запретил себе думать о Нине и с головой нырнул в многотрудные детдомовские дела.

Но как-то вечером в его дверь требовательно постучали, и на пороге выросли Зорин, Калита и Бушуев.

В руках Зорина было письмо от Нины. Зорин был удивительно похож на секунданта, который принес вызов на дуэль. Вид Бушуева и Калиты тоже ничего веселого не предвещал.

— Вы что это? — спросил удивленно Вахтанг.

— Мы-то ничего! — мрачно сказал Зорин, — понимаете ли!.. А вот вам письмо! И вы на него ответите! — в голосе Зорина прозвучала неприкрытая угроза, но он тут же опомнился, — пожалуйста. Иначе, — Зорин оглянулся на друзей, — отвечать будем мы!..

...Нина писала, что получила письмо, подписанное тремя фамилиями: Зорин, Бушуев, Калита, в котором авторы «прежде всего, извиняются за вторжение в личную жизнь». Далее было сказано, что своего директора «наши мужики в обиду не дадут и в беде не бросят». Потом они писали, что «извините, но последнее Ваше письмо мы прочли сами и решили, что Вы собираете чемоданчик и прямым ходом приезжаете к нам». «О выезде, — приписывалось далее, — телеграфируйте на имя товарища Зорина».

Вахтанг вспомнил это сейчас и засмеялся. Он

ОДИН ДЕНЬ ВОЙНЫ

1945

тогда же, под пристальным контролем троицы написал ответ и пригласил Нину приехать. И сейчас он понял, как было бы ему проще разобраться и что-то решить в этой истории с подарками, если бы рядом была Нина...

Утром Зорин с исковерканным от долгих слез лицом ждал товарища Вахтанга в коридоре. Он встал на пути директора так, что ясно было — умрет, но пройти мимо не даст.

— Или — простите нас, — сказал он высоким голосом, — или мы с Яшкой уйдем куда-нибудь.

Товарищ Вахтанг немного помолчал.

— Во-первых, от себя вы никуда не уйдете, — сказал он наконец, — ваша совесть будет все время с вами. Во-вторых, просить прощения надо прежде всего у ребят. Это — их дом, а честь нашего дома вы замарали. Я пытаюсь простить вас, потому что я — старше и больше видел, и могу простить — как детей. Тебя так устроит?

— Нет, — сказал Зорин.

— Я так и думал. А простить вас просто по-человечески я смогу, когда вы докажете, что происшедшее — это случайная нелепость. Для этого нужно время, и это время вы должны прожить по-человечески. И последующее, соответственно, тоже. Извини, я, кажется, говорю с тобой покровительственно и высокопарно. Но! — Вахтанг положил руку Зорину на плечо, — мне так хочется, кацо, чтобы вы скорее стали взрослыми!

Зорин испуганно и счастливо глядел снизу в лицо директора, потом обнял его за талию и совсем уже по-детски разревелся.

— Ну, хватит, Зорин, хватит, — сказал директор, улыбаясь и глядя в потолок, — ты —

солдат, не забывай об этом... Скажи лучше: где второй коммерсант?

— Яшка-то?.. В са-ра-е, — по слогам пропел Зорин, — тоже всю ночь не спавши...

— Иди, приведи его. А то еще руки на себя наложит.

— И то! — горестно и облегченно вздохнул Зорин и, вытирая ладонями лицо, побежал по пустому коридору.

— Историю с досками уладить нынче же! — крикнул вслед товарищ Вахтанг. Зорин на бегу замахал руками, словно собирался взлететь в небо.

— Доски я вам отдам, — нехотя пробубнил хозяин калитки, и оттопыренная губа его стала похожа на небольшой соусник, — они у меня еще не в деле. Ну, а вы мне денежки — назад!

— Денег нет! — мрачно и резко сказал Зорин.

— Это как же? — невесело засмеялся мужчина, — доски отдавай, а деньги тю-тю? Вот это купцы!..

— Мы можем отработать, — сказал Яшка.

— Да-а? — мужчина оживился, — отработать — это дело. Вы ребята крепкие, видать, бывалые, — он огляделся, — работа найдется... Канаву вдоль забора прокопать надо, яблочки собрать, дымоход почистим... Ну, и по мелочи что-нибудь. И — в расчете. Идет?

— Давай, — глядя в землю, сказал Зорин, — где тут у вас лопаты?

На улице шумел по листьям унылый дождь. Впрочем, его никто не замечал. В больничной

ПОМНЮ...

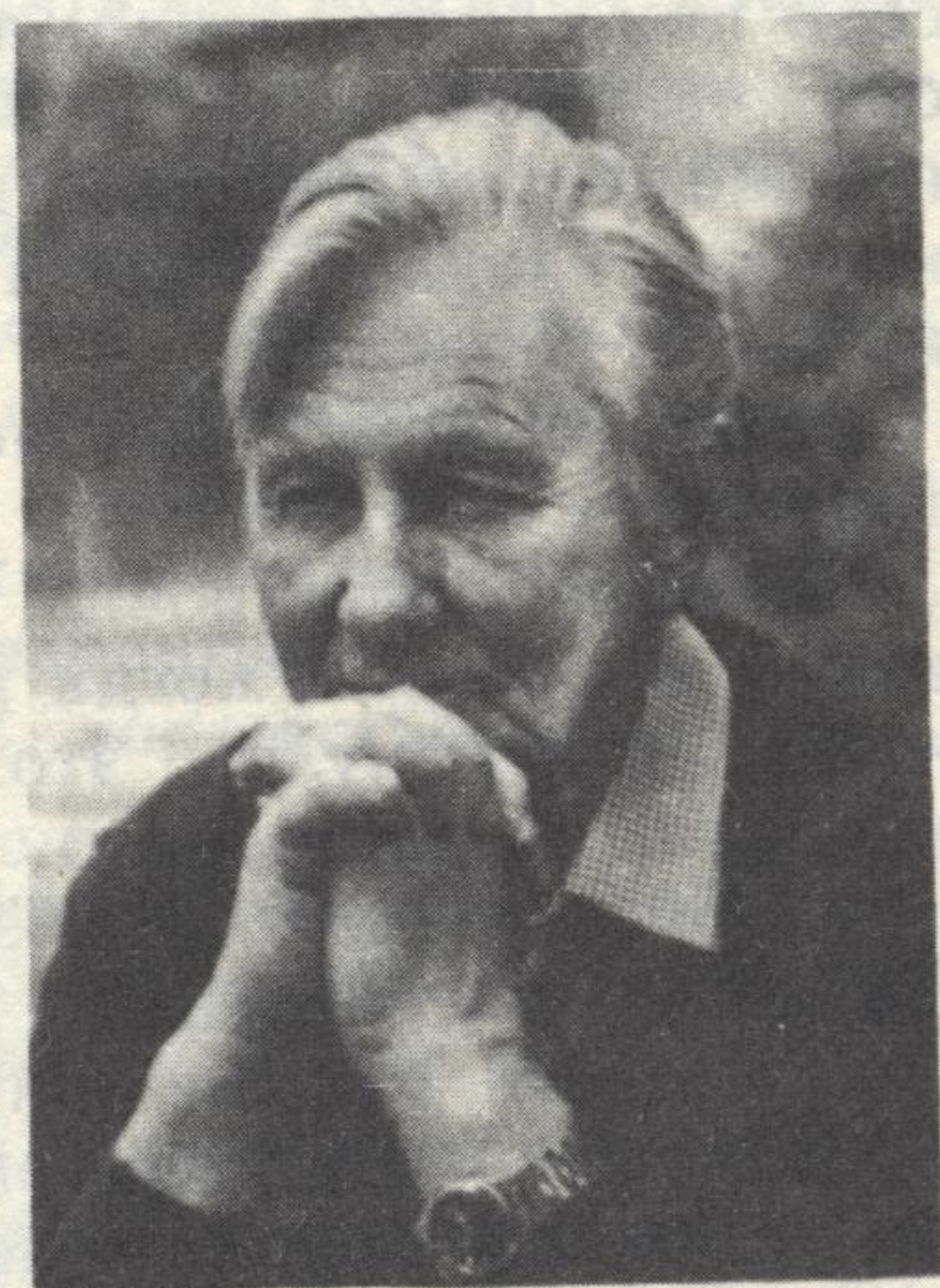
Восьмого мая 1945 года в середине дня мне позвонили из Ленинградского радиокomiteта и попросили срочно зайти. Приказ об окончании войны ожидался с часу на час, и надо было подготовить радиопередачу.

Мы подготовили эту передачу и, записав ее на трофейный магнитофон, стали дожидаться приказа. Его передали ночью, часа в два.

Нам захотелось на улицу, на люди. Поэтому мы спустились вниз с моим другом, художником Борисом Семеновым, и у самого входа в радиокomiteт заметили телегу на резиновом ходу. На телеге была вышка для ремонта трамвайных проводов. Не сговарива-

ясь, мы впряглись в оглобли и довольно легко выкатили телегу на Невский проспект.

На Невском толпился народ. Мы остановили свою трибуну на колесах, и Боря первым залез на вышку. Нас сразу окружила толпа. Я не помню, как Боря поздравлял всех с победой и что говорил. Помню, что все хлопали в ладоши до иступления. Потом мы впряглись в телегу снова и повезли ее к Адмиралтейству. Мы останавливались через каждые десять шагов и забирались на вышку и поздравляли Ленинград с победой. Мы читали стихи и запевали песни, и все подтягивали нам. За нами шла толпа. Перед нами раскрывались окна, и люди из окон слушали нас, и милиционеры подпевали нам.

Поэт Михаил Александрович ДУДИН, Герой Социалистического Труда, был солдатом, полковым разведчиком. В блокадном Ленинграде работал в газете «На страже Родины».

палате было светло от четырех белых плафонов. В большой квадратной комнате стояло множество коек, разделенных широким проходом.

Раненые смотрели на ребят, приподнявшись на локтях, и были похожи на больших белых тюленей. Стриженные, круглые головы, некоторые в бинтах, обращены были к дверям, у которых толпились и шушукались ребята.

Товарищ Вахтанг стоял в гуще питомцев в накинутом на плечи халате. На строгом лице его горели большие черные, влажные глаза. И хоть стоял неподвижно, что-то вздрагивало у него в груди, и от этого чуть слышно позванивали надетые медали.

...Подарки очень понравились! Рисунки и вышивки пошли по рукам. Не хватило на всех синих «ястребков», и раненые даже поссорились между собой. Но двое малышей тут же достали ножницы и принялись вырезать самолеты из коробки от лекарств.

Зорин сзади подошел к директору, подергал за полу халата и негромко сказал:— А можно нам с Яшкой спеть?

Директор поднял брови:— А репертуар?

— Подходящий!

— Валяйте! — на щеке товарища Вахтанга дрогнуло в улыбке мускул. — Только не срамитесь. Здесь — бойцы Красной Армии.

Зорин махнул Яшке рукой.

Они стояли спиной к директору, лицом к палате, и Вахтанг один мог видеть, как от волнения Зорин ломал свои пальцы.

Они пели о красных кавалеристах.

Зорин от души раскатывал твердое «р».

— Мы — крррасные кавалеррристы,
и прро нас
Былинники рречистые
Ведут рассказ!..

Яшкин голос раздольно шел рядом, и в эту минуту через палату, как через синий закат, пронеслись всадники с пиками и горнистом — впереди. ...А в том месте, где «пусть гром гремит, пуская земля дрожит», Яшка с Зориным ударяли себя по бедрам, в карманах у них что-то мужественно брякало — какое-то заранее припасенное железо, и это особенно нравилось малышам, которые хлопали певцам вместе с ранеными неистово и горделиво.

Успех певцов был полный. Петь пришлось трижды — на «бис»!

Вахтанг аплодировал, зачарованно глядя на них, и вздрогнул, когда кто-то тронул его за локоть. Он оглянулся: это была Нина. Она тоже хлопала, и, наклонившись, шепнула ему на ухо:

— Приезжаю, а завхоз говорит: вы все здесь!.. Здравствуй!.. Рыжий — это наверняка Зорин...

— Нина,— сказал Вахтанг тихо.

— Тише,— ответила она,— я знаю все. И вашу историю тоже. Теперь все будет хорошо!

— Все будет хорошо!— громко сказал товарищ Вахтанг, и раненые и ребята опять громко зааплодировали.

За окнами вдруг разорвало тучи, и в палату, словно жар-птица, влетело солнце.

ОНИ ОТКРЫВАЛИ ПАРАД

Москва. Раннее утро 24 июня 1945 года. К Красной площади подтягиваются, выстраиваясь в шеренги и колонны, сводные полки советских войск. Уже занял свое место напротив Мавзолея главный оркестр Красной Армии. Боевая техника застыла в торжественном ожидании. По-утреннему тихо на Красной площади.

Солнца не видно, небо затянуто тучами, моросит мелкий дождь. Но даже капризная погода не в силах испортить праздничного настроения столицы. Сегодня — парад Победы.

За час до начала парада из автобуса, остановившегося у Китайской стены, быстро вышли сорок мальчишек в ладной форме воспитанников военно-музыкантской школы. У каждого — большой барабан на ремне, в правой руке — палочки. По команде начальника школы майора Злобина ребята построились и быстрым походным шагом — по набережной Москвы-реки, мимо храма Василия Блаженного — направились к Историческому музею. Здесь они снова перестроились и стали впереди войск. Это им, музыкантам-барабанщикам, предстоит сегодня первыми прошагать по Красной площади.

...К этому дню готовились несколько месяцев. Еще шла война, еще яростно сопротивлялись фашисты наступлению наших армий. Но предчувствие близкого конца войны ощущалось в каждой очередной сводке Информбюро.

В московской школе военно-музыкантских воспитанников Красной Армии наступили горячие дни. Школьные уроки с 45 минут сократили до 40. Каждая лишняя минута была дорога для тренировок и репетиций. С утра до вечера на плацу раздавались отрывистые голоса командиров: «Отмашку четче! Темп соблюдать! Не мельчить шаг!»

Старшина Рожков внимательно наблюдал за строевыми занятиями, составлял список кандидатов для участия в параде. Готовились самоотверженно. Как хотелось каждому мальчишке попасть в список! Так же, как когда-то хотелось сбежать на фронт, воевать вместе со взрослыми против фашистов, защищать Родину. Война

кончалась без них. Но и на их долю выпала огромная честь — открывать парад Победы.

...9.30 утра. Мелкий весенний дождь переходит в летний ливень. Отвесные белые струи вскипают на брусчатке Красной площади. По козырькам фуражек звонко ударяют тугие капли.

Барабанщики построились в четыре шеренги, в каждой по десять человек. Три первых фланга замыкают майор Злобин, старшина Миллер и старшина Рожков. Все на своих, давно отрепетированных местах. А еще три барабанщика, тоже при полном параде, глядят на своих товарищей из здания Исторического музея. Они — дублеры. Если кто-нибудь от волнения почувствует себя неважно, на его место встанет другой барабанщик, того же роста и той же молодцеватой выправки. Очень хочется дублерам занять место в шеренге! Но нельзя желать плохого самочувствия тому, с кем спишь в одной казарме и с кем до седьмого пота отработывал строевой шаг и тонкое мастерство барабанной игры.

...Накануне ночью в казарме

не спали. Тихо переговаривались, мечтали о будущем, думали о завтрашнем дне.

Воспитанники Смирнов, Шульгин и Варкентин молчали, готовые плакать от обиды. Они бывшие сыны полка, у них медали за храбрость. Но нет их фамилий в списке завтрашних барабанщиков. Как же смириться с этим!

На койке у окна сидят Леня Феоктистов и Юра Шатров. Леня через год заканчивает школу, собирается поступать на военно-дирижерский факультет Московской консерватории. Он в прошлом году уже участвовал в военном параде, посвященном годовщине Октябрьской революции, и теперь рассказывает своему другу о том, что ему посчастливилось увидеть и пережить на Красной площади. Юра сосредоточенно слушает. Завтра для него один из главных дней в жизни.

...9.45. На трибуну Мавзолея поднимаются члены Политбюро ЦК ВКП(б) и Советского правительства.

Юрий Шатров замер во второй шеренге, палочки в правой руке подрагивают от нетерпения. И, может быть, вспо-

минается ему сейчас своя 13-летняя биография. Как попал он в школу из подмосковного детского дома. Как показалось ему здесь все прекрасным и необычным. Сбывалась его, казавшаяся несбыточной, мечта: стать военным и учиться музыке. Вот почему занимался он изо всех сил. Когда после строевой подготовки наступало свободное время, он оставался на плацу и повторял еще и еще монотонные элементы строевого шага. А потом — то же самое с барабаном. Идти строевым и бить в барабан в нужном темпе, без сбоя — это не просто дается...

Юра краем глаза взглянул на начальника школы. Майор Злобин дал знак приготовиться.

...Уже потом Юра с отчетливой ясностью будет еще и еще раз вспоминать это июньское утро на Красной площади. Как легко и торжественно объезжали войска на белом и гнедом конях принимающий парад маршал Жуков и командующий парадом маршал Рокоссовский. Как под громовые звуки главного оркестра Красной Армии парадным маршем прошли по площади сводные полки фронтов, командующие фронтами и армиями, Герои Советского Союза со знаменами прославленных частей и соединений. Как двести фашистских знамен, которые гитлеровцы мечтали водрузить над Москвой, с презрением были брошены советскими солдатами к подножию Мавзолея...

А пока гулкая тишина повисла над Красной площадью. И вот уже по всей площади разносятся слова командующего парадом:

— К торжественному маршу!

Четыре шеренги, одновременно качнувшись, сделали первый строевой шаг. И тут же вся страна, прильнув к приемникам и репродукторам, услышала четкую дробь барабанов. Десятки барабанов играли как один. Ровно 120 ударов в минуту.

С. МАХОТИН

«СВОЙ ДОБРЫЙ ВЕК

МЫ ПРОЖИЛИ КАК ЛЮДИ»

Они были молоды, жизнелюбивы, сильны. Они воевали и писали стихи. В их стихах не было красивых фраз, но цену высокому слову они хорошо знали. То, о чем говорили молодые поэты, в конечном итоге они оплатили ценой собственных жизней.

В феврале 1942 года погиб на Смоленщине Николай Майоров. Строки, написанные им еще до войны, сегодня называют пророческими:

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочтаете, как миф,
о людях, что ушли, не долюбив,
не докурив последней папиросы.

«Поэты, не пришедшие с войны...» Сегодня мы говорим: поэты, а тогда стихи двадцатилетних ребят знали немногие — лишь друзья и родные. Большинство из них не успело напечатать ни строчки. Книги появились потом. Посмертно. Запомним же их имена.

Георгий Суворов. Убит в феврале 1944 года во время наступления под Нарвой.

Павел Коган. Погиб в сентябре 1942 года под Новоросийском.

Михаил Кульчицкий. 19 января 1943 года пал под Сталинградом.

Всеволод Лобода. Шальная пуля настигла его уже после боя — осенью сорок четвертого года. Дивизия, в которой он служил, дошла до Берлина.

Георгий СУВОРОВ

Еще на зорях черный дым клубится
Над развороченным твоим жильем.
И падает обугленная птица,
Настигнутая бешеным огнем.

Еще ночами белыми нам снятся,
Как вестники потерянной любви,
Живые горы голубых акаций
И в них восторженные соловьи.

Еще война. Но мы упрямо верим,
Что будет день — мы выпьем боль до дна.
Широкий мир нам вновь раскроет двери,
С рассветом новым встанет тишина.

Последний враг. Последний меткий выстрел.
И первый проблеск утра — как стекло.
Мой милый друг, а все-таки как быстро,
Как быстро наше время утекло!

В воспоминаньях мы тужить не будем,
Зачем туманить грустью ясность дней?
Свой добрый век мы прожили как люди —
И для людей...

1944

Всеволод ЛОБОДА

ПАВЛОВСКАЯ, 10

Не в силах радость вытерпеть и взвесить,
Как будто город вызволен уже,
Я в адрес

«Киев, Павловская, 10»

Строчу посланье в тесном блиндаже.

Письмо увидит ночи штормовые,
Когда к Подолу катятся грома,
Когда еще отряды штурмовые
Прочесывают скверы и дома...

По мостовым шуршащим листопадом
Придет освобожденье. Скоро. Верь... —
Впервые за два года не прикладом,
Без окрика,
негромко стукнут в дверь.

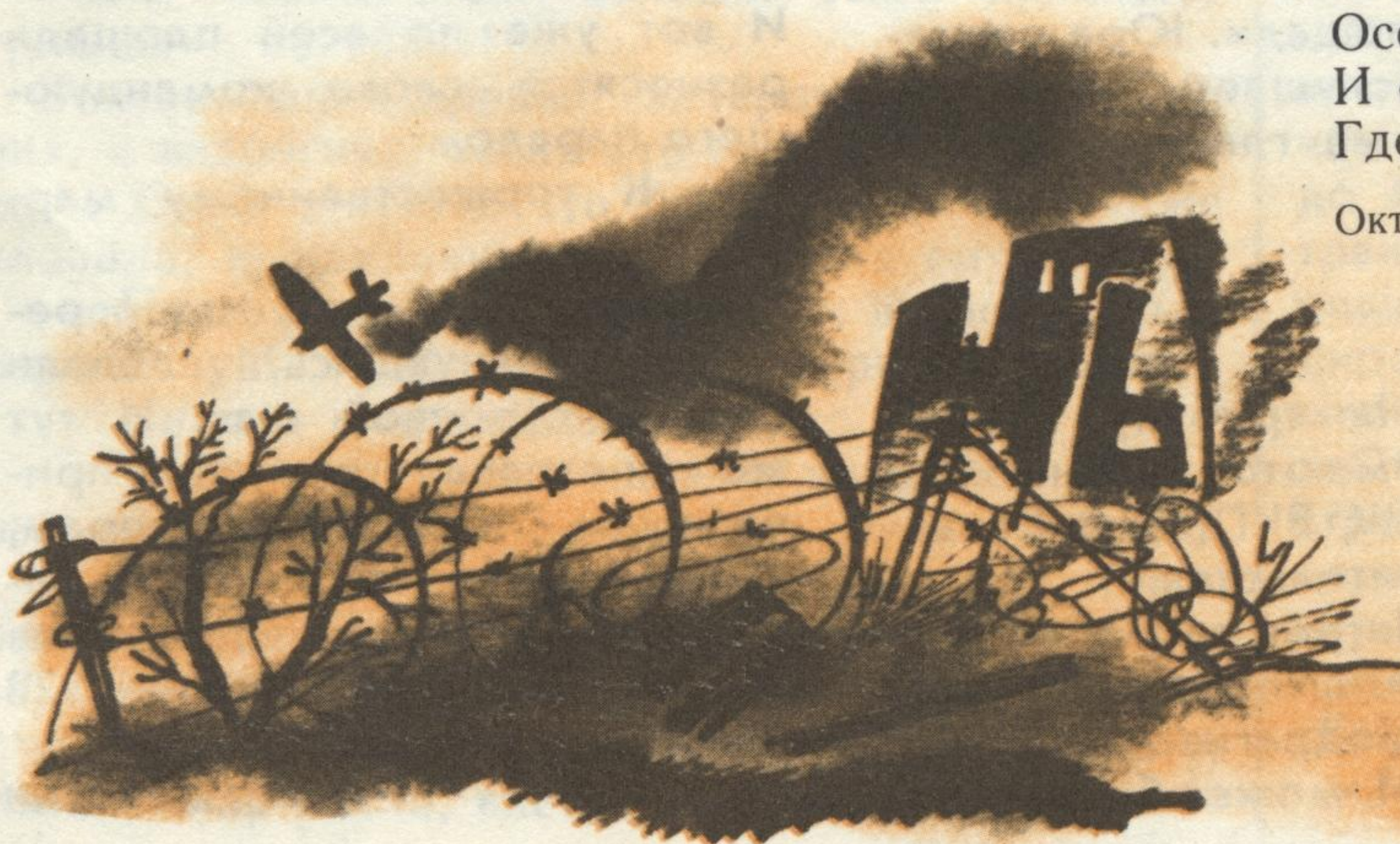
Мой хворый дед поднимется с кровати.
Войдет веселый первый почтальон.
От рядового с берега Ловати
Привет вручит заждавшемуся он.

Старик откроет окна.

В шумном мире —

Осенний день, похожий на весну.
И солнце поселится в той квартире,
Где я родился прошлую войну.

Октябрь 1943

Михаил КУЛЬЧИЦКИЙ

СТОЛИЦА

Здесь каждый дом стоит как дот,
И тянутся во мгле
Зенитки с крыши в небосвод,
Как шпили на Кремле,
Как знак, что в этот час родней
С Кремлем моя земля,
И даже кажутся тесней
Дома вокруг Кремля.

На окнах белые кресты
Мелькают второпях,
Такой же крест поставишь ты,
Москва, на всех врагах.

А мимо площади — мосты,
Патрульный на коне...
Оскалясь надолбами, ты
Еще роднее мне.

И каждый взрыв или пожар
В любом твоём доме
Я ощущаю как удар
По сердцу моему...

1941

Николай МАЙОРОВ

Когда к ногам подходит стужа
пыткой —
В глазах блеснет
морозное стекло,
Как будто
вместе с посланной открыткой
Ты отослал последнее тепло.
А между тем все жизненно
и просто,
И в память входят славой на века
тяжелых танков
каменная поступь
И острый блеск холодного штыка.
1941

Павел КОГАН

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

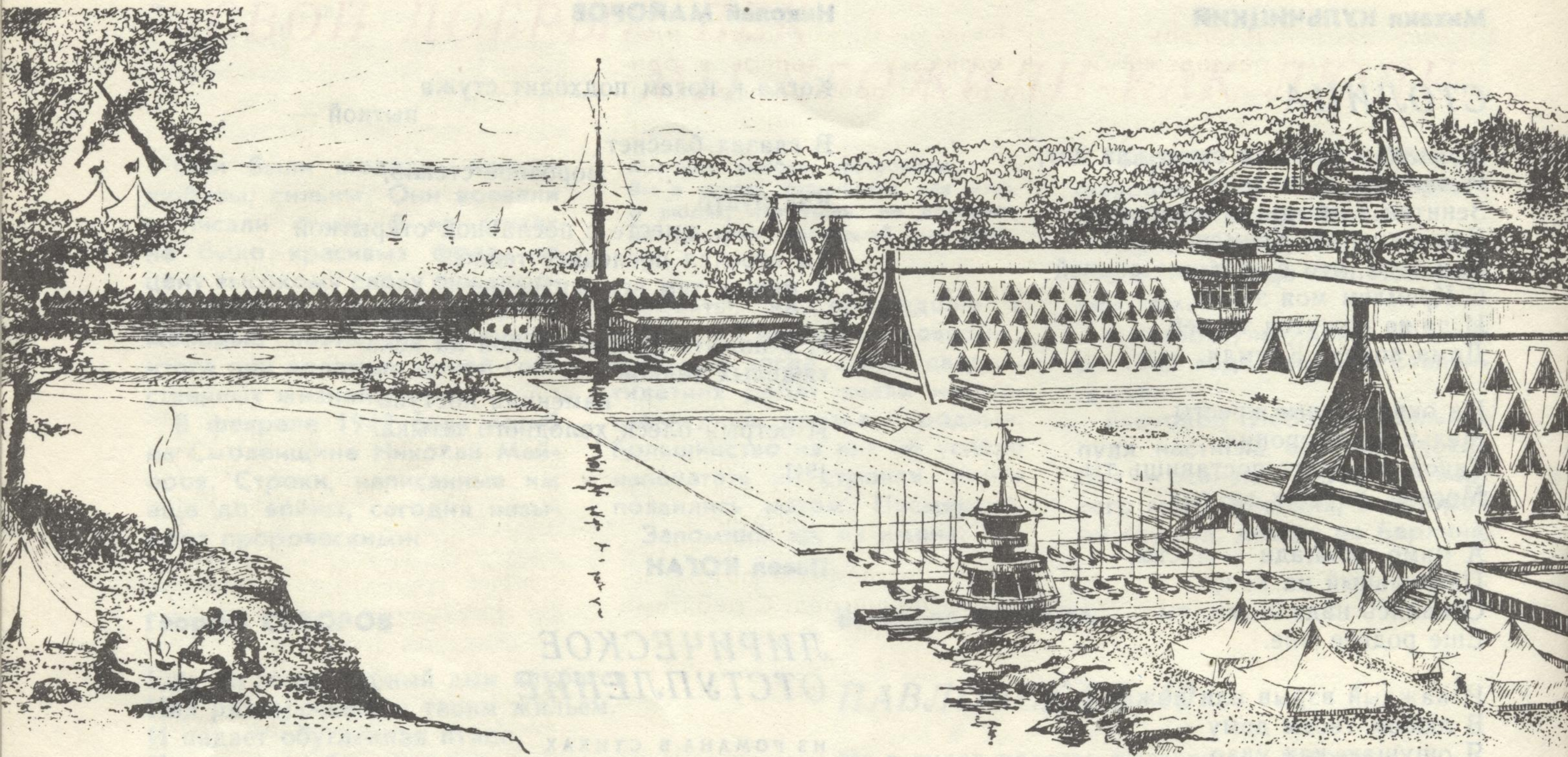
из романа в стихах

Есть в наших днях такая точность,
Что мальчики иных веков,
Наверно, будут плакать ночью
О времени большевиков.
И будут жаловаться милым,
Что не родились в те года,
Когда звенела и дымилась,
На берег рухнувши, вода.
Они нас выдумают снова —
Косая сажень, твердый шаг —
И верную найдут основу,
Но не сумеют так дышать,
Как мы дышали, как дружили,
Как жили мы, как впопыхах
Плохие песни мы сложили
О поразительных делах.
Мы были всякими. Любыми.
Не очень умными подчас.
Мы наших девушек любили,
Ревнуя, мучась, горячась,
Мы были всякими. Но, мучась,
Мы понимали: в наши дни
Нам выпала такая участь,
Что пусть завидуют они.
Они нас выдумают мудрых,
Мы будем строги и прямы,
Они прикрасят и припудрят,
И все-таки
пробьемся мы!..

1940—1941

Рисунки А. Ивашенцовой

ГОРОД КАПИТАНА ГРАЧЕВА

Жил человек — капитан Грачев. Впрочем, капитаном его сделала война, а до этого он занимался мирным делом: преподавал физкультуру.

...В землянке душно. Земля то и дело вздрагивает: наверху бушует артобстрел. Коптит «люстра» — обрывок телефонного провода, подвешенный к потолку и подожженный. «Старики» с черными от копоти лицами жуют сухари, запивая их болотной водой. Молодые бойцы напряженно прислушиваются к свисту мин.

«Пора», — Грачев первым выскальзывает наружу. Темнеет. Идет неприятно-колючий осенний дождь. К передовой разведчики двигаются ползком. Грачев точно ориентируется в темноте, каким-то особым чутьем угадывает, когда и где выпрыгнет в следующую секунду осветительная ракета. Он уже два года в разведке.

Вот позиции первого батальона, который днем ходил

в атаку, а потом отбивал вылазку фашистов. Земля усеяна убитыми, которых можно принять за смертельно уставших, заснувших прямо на болоте людей.

Разведчиков обнаружили. Фашисты навесили ракет, открыли огонь из пулеметов. Нужно лежать, не двигаясь, в болотной жиже. Час проходит, второй. О чем можно думать в такие минуты? О смерти? О теплой печке? О котелке горячей каши? Капитан Грачев думает о Зеленомирске — городе для детей.

В целом, он уже четко все себе представляет. Зеленомирск — спортивный город. Ребята приезжают сюда на летние и зимние каникулы, но не сидят на месте, а проводят все время в походах — с ночевками, с переправой через озера, реки. Нужно научить всех зеленомирцев строить шалаши, разводить костер, ориентироваться на местности с компасом и без компаса. Главное — преодоление трудностей, физическая закалка. Кроме этого, в походах зеле-

номирцы знакомятся с растениями, птицами. Отряды так и будут называться: физкультурнонатскими. Зеленомирск — это база, от которой расходятся во все стороны маршруты.

Место для Зеленомирска капитан уже давно определил: восточный берег Онежского озера. Почему именно там? Потому что он хорошо знает те места, сам оттуда — родился в городе Вытегре, в детстве любил бродить по приозерным лесам. А возвращаясь с дальних экскурсий, писал, подражая Сетон-Томпсону, рассказы о своих лесных приключениях. Рассказы и стихи хранятся дома, в Ленинграде, в отдельной папке. По крайней мере, хранились. А теперь, наверно, все пошло в печку — сгорели, согревая вымерзшую, оставшуюся без мебели квартиру, сохраняя жизнь его ребенка.

Сын у капитана Грачева родился в сорок втором году, зимой — 13 января. А теперь уже сорок третий год, уже пробит вдоль Ладоги узкий коридор, соединивший город с

Большой землей, и теперь Грачев со своими разведчиками ходит по Синявинским болотам, отыскивая уязвимые места в обороне фашистов, собирая данные для готовящегося наступления.

Выполнив задание, разведчики возвращаются в землянку. Валяются на сырой пол, засыпают, прижавшись друг к другу. Телефонный провод копит. При тусклом свете капитан Грачев пишет в своем дневнике: «В минуты свободного от моих занятий времени тщательно обдумываю идею о Зеленомирске. Мысли эти волнуют меня, их я вынашиваю бережно и с любовью...»

Какие постройки потребуются Зеленомирску? Во-первых, зимние корпуса и летние палатки. Во-вторых, спортплощадки, тир, метеостанция. В-третьих, столовая, погреб, кладовые. А в какую форму одеть зеленомирцев? Блузы с карманами, фуражки с большим козырьком...

Замерзшими пальцами Грачев достает из полевой сумки карандаши — красный, синий и зеленый, которыми обычно делает отметки на своей карте, рисует на странице дневника: синий треугольничек озера, берег покрыт зеленым лесом, стоят две палатки с красными флажками. И на фоне озера — скрещенные ружье и еловая ветка. Так, а под рисунком две буквы — З. М. — Зеленомирск. Это эмблема будущего города. Жаль, нет желтого карандаша, чтобы взять эмблему в золотую окантовку.

Потом он пишет в дневнике о том, как зеленомирцы отправляются в поход, плывут на яхте, попадают в шторм, их выносит на незнакомый берег, их окружают сосны, огромные валуны, их согревает утреннее солнце...

Земля вздрогнула — где-то рядом упал снаряд. За ним — второй, третий. Над болотистой, изъеденной ходами сообщений и траншеями, истыканной минами и снарядами синявинской землей, бушует артобстрел.

Капитан Грачев снова идет в разведку — теперь в одиночку. Он пробирается на высоту 43,3. Возвращаясь с задания, попадает под огонь фашистского миномета.

Товарищи выносят его тело с передовой. Они хоронят капитана Грачева на берегу Новоладожского канала...

В редакции «Костра» гости — следопыты 243-й ленинградской школы. Это они рассказали нам историю Александра Владимировича Грачева, который до войны работал в институте физической культуры имени Лесгафта, а потом защищал Ленинград. С ребятами пришла Раиса Петровна — вдова капитана Грачева. Пришел Иван Михайлович Коряковский — он знал Александра Владимировича по работе в институте.

— 25 сентября, в день смерти Грачева, — рассказывает Саша Зацепин, — мы вместе с Раисой Петровной ездили на его могилу. Шел сильный дождь. Могила в семи километрах от Петрокрепости — добирались до нее на катере. Катер вплотную к берегу пристать не может, а берег к тому же — крутой, земля скользкая. Как высаживаться? Случайная моторка показалась — группа студентов торопилась в Петрокрепость. Студенты удивились: что за необычная экскурсия в пустынном месте, в дождливый день? Поставили свою моторку между катером и песчаным плесом. Взявшись за руки, они вместе с нами вытаскивали на высокий берег Раису Петровну, девочек. Потом мы все стояли около одинокой могилы, положив к обелиску букеты мокрых от дождя цветов.

— Грачев был очень жизнерадостным человеком, — говорит Иван Михайлович. — У меня сохранилось его письмо с фронта. В письме — ни слова о трудностях военной жизни. Александр Владимирович присматривался к молодым бойцам, отмечал, что многие из них плохо подготовлены

физически, не умеют быстро ходить, бегать, плавать. В этом Грачев усматривал и нашу вину — ведь мы преподаватели физкультуры. Писал он и о Зеленомирске...

Раиса Петровна показывает нам дневник Грачева. Тот самый дневник, который он вел сорок лет назад на фронте. Мы листаем странички школьной тетради в клеточку. Вот его карандашный рисунок — эмблема города Зеленомирска.

— Мы мечтаем построить Зеленомирск, — говорит Оксана Фаустова. — В дневнике у Александра Владимировича уже многое продумано. Даже названия даны: парк Сетон-Томпсона, лаборатория имени Лесгафта, мыс Джека Лондона. Но, конечно, мы хотим добавить и что-то свое. Например, музей Грачева. О нем, конечно, не сказано в дневнике, но ведь он обязательно нужен!

В. КОНСТАНТИНОВ

ЛИЗА

РАССКАЗ

Р. ШОРИН

Рисунки А. Борисенко

Их домик из серого плитняка с узкими окнами и круглой аспидной крышей стоял у обрывистого берега недалеко от железнодорожного моста. Мост каждый вечер бомбили. С вечерними сумерками начинали бешено хлопать зенитные орудия, отрывисто били пулеметные установки. С неба, оглашаемого булькающим стоном бомбардировщиков, пронзительно впиваясь в воздух металлическим визгом, летели бомбы. Они глухо ударяли в землю и разрывались с ураганным грохотом. За окнами разгоралось рубиновое зарево. Толстые стены лихорадило, заклеенные бумажными крестами стекла бешено дребезжали, по сотрясаемому упругими колебаниями полу шлепала штукатурка, под потолком раскачивалась лампа. Тетя Манефа впадала в панику. С белым лицом и выпученными от ужаса глазами она металась по комнате и кричала, что нужно прятаться, хотя прятаться было некуда. Только Лиза была спокойна. Когда взрывались первые бомбы, она снимала со стены зеркало в ореховой раме, клала его на пол стеклом вниз, садилась рядом. Она твердо верила, что если положить зеркало стеклом вниз, то никакая бомба не залетит.

Древний город, в котором они жили, стоял по обеим сторонам реки на границе Эстонии и России. Шла война, а город жил своей жизнью. Зимой пожилые женщины в старомодных тесноватых пальто с высокими шалевыми воротниками тщательно чистили тротуар и часть дороги перед своими домами. И город стоял в голубых и розовых тенях, с заиндевелыми деревьями и ровными валиками снега вдоль дорог. И летом он жил размеренно и чисто: те же женщины выскребали маленькими ножичками траву, которая выбивалась между булыжников мостовых, и протирали влажной паклей гранитные фундаменты домов.

На станции формировались эшелоны. На фронт отправлялось всевозможное оружие и чистое, сытое, готовое погибнуть за фюрера пушечное мясо. Через две недели те, кому посчастливилось выжить, возвращались в город. Потрепанных, грязных, с потемневшими лицами солдат отмывали, откармливали, отпаивали шнапсом и снова отправляли на войну.

У отца Лизы был туберкулез в открытой форме, и большую часть времени он лежал в постели в темной комнате. Тетя Манефа спасала их, как говорил отец. Летом она вскапывала огород

и засаживала его картошкой, зимой ездила на финских санках по замерзшей реке в рыбацкую деревню. Манефа выменивала привезенный из города хлеб на салаку, а Лиза ходила по солдатским кухням и меняла эту салаку на хлеб. В результате такого оборота им оставалось немного рыбы и хлеба.

Февральским утром Лиза очнулась от глубокого сна; сон, улетаая, оставил в ней ощущение чего-то прекрасного, пережитого ночью. Лиза подошла к окну и, отодвинув занавеску, посмотрела на озаренный солнцем город. Он стоял на покатых бастионах. Заиндевелые клены, матовые от изморози дома с крутыми заснеженными крышами, острые шпили церкви и замок Германа с массивной башней из серого камня... Казалось, будто все это явилось из сказки Андерсена.

Лиза оделась, съела несколько вареных картофелин, собрала книги в тряпичную сумку и пошла в библиотеку. Не торопясь, она брела по узким улочкам старого города, мороз пощипывал щеки и кончики пальцев, искрящийся на солнце снег скрипел под ногами.

Библиотека помещалась в старинном доме с высокой дубовой дверью, утыканной медными гвоздями. Входя в эту дверь, Лиза оставляла за порогом все мысли о насущном. Ей казалось, что здесь, в зале, где витает терпковатый запах сухой пыли, под сводчатым потолком, среди темной мебели и книг находится другой мир, не

подвластный всему опасному, страшному и голодному, происходящему снаружи. И Лиза твердо верила, что если все вокруг рухнет, в этом зале все останется таким же, как сейчас.

У подоконников стояли низкие журнальные столики, на них были аккуратно разложены журналы. С ярких обложек улыбались красивые и нарядные девушки. Мельком взглянув на журналы и разрисованные голубыми пасторальными изразцы стен, Лиза подошла к дубовой стойке, на которой кипами стояли книги. За стойкой, с книгой в руках, сидела библиотекарьша Ксения Леонидовна. На ней, как всегда, была светлая, туго отглаженная блузка. Голубоглазая, с удивительно белой кожей в тон белокурым, пушистым, собранным под черепаховый гребень, волосам, вся будто выточенная из белой дорогой кости, она, казалось, сошла с обложки одного из журналов. Больше всего на свете Лиза мечтала стать такой же красивой, как Ксения Леонидовна, и работать в библиотеке.

— Здравствуйте, Ксения Леонидовна, — негромко проговорила Лиза. Библиотекарша оторвала взгляд от книги и произнесла с приветливой улыбкой:

— Здравствуй. Что будешь брать на этот раз?

Лиза с робостью поглядела на стоящие за стойкой шкафы с дорогими книгами, которые, она знала, ей не дадут, так как залог, под который здесь выдавались книги, у нее очень мал, и ей доступны лишь те дешевые, зачитанные, «бульварные», по словам отца, романы, что кипами уложены на стойке.

— Тебе понравились эти книжки? — приветливо осведомилась Ксения Леонидовна, укладывая на стойку принесенные Лизой книги.

— Понравились, особенно про майора Тренка.

— Про кого?

— Тренка, майора полка пандуров, — нашла нужным пояснить Лиза. — Там еще роскошный бал описан во дворце. Мне даже что-то такое во сне сегодня приснилось.

— Про бал я, к сожалению, не читала, — после задумчивой паузы заключила Ксения Леонидовна, — но зато я песню знаю про бал: «Снится ей, что она на роскошном балу с кавалером блестящим танцует...» Это про монашенку, очень грустная песня.

Лизе хотелось побыть в библиотеке подольше, поэтому она долго перебирала книги. Брала наугад ту, что потолще, листала, мельком прочитывая несколько страниц, и ставила назад. В каждой книге описывалась чья-то жизнь, которая подчинялась каким-то особым, незыблемым книжным законам. Главный герой обязательно влюблялся, страдал, совершал подвиги и, в конце концов, либо погибал, либо добивался счастья. Наконец Лиза выбрала себе две потрепанные книги.

Сначала она прочла роман про Веру, которая слышала голоса и которую полюбил дьявол. Потом про трех несчастных сестер Женю, Елену и Настю. Две старшие вышли замуж не по своей воле, одна за горбатого аптекаря, другая за дикого хуторянина. А младшая, Настюша, влю-

билась в музыканта-итальянца, но он, к ее несчастью, был женат.

Отец смеялся над Лизой.

— Ну и пошлятина, — говорил он, — и какой только глупости люди с голоду не напишут.

— Какая же это пошлятина, — возмущалась Лиза, — если все так несчастны!

Тетя Манефа уехала к рыбакам и долго не возвращалась. Хлеб в доме кончился, и они с отцом несколько дней ели одну лишь вареную картошку. Наконец Манефа вернулась. Измученная, взмокшая, она, покачиваясь, вошла в дом и рухнула на табуретку.

— На реке лед не держит, — сказала она сиплым голосом. — Так я по лесной дороге ехала. Санки зарываются, считай, я их на себе тащила.

С помощью Лизы Манефа дошла до кровати и, упав на нее, тут же уснула.

Она не проснулась, даже когда началась бомбежка.

Бомбы попали на станцию, и там загорелись вагоны с патронами. Они горели всю ночь, озаряя небо белым мерцающим светом.

Маленький кинотеатр с крошечным фойе и залом, где стояли тесными рядами стулья, назывался «Би-Ба-Бо». Когда у Лизы были деньги, она шла в кинотеатр на любой фильм. Здесь всегда было много солдат и перед носом часто оказывался какой-нибудь заросший до воротника противной щетиной затылок. Вот и сейчас между Лизой и экраном сидел тощий солдат, у которого рыжие волосы росли даже на оттопыренных ушах.

Фильм назывался «Золотой город». Некрасивая, но очень талантливая немецкая артистка играла чешскую девушку. Девушка поехала искать возлюбленного и чуть не умерла от голода в сказочно-красивом, сверкающем по ночам огнями, Золотом городе. Так и не найдя его, несчастная Ганнушка вернулась к себе в деревню и утопилась в болоте. Длиннолицая, большеротая, с огромными беззащитными глазами, Ганнушка была так несчастна, что все зрители в кинотеатре плакали от жалости к ней. Солдат, что сидел перед Лизой, плакал навзрыд, и дергались его оттопыренные, поросшие волосами, уши.

Весною, когда начал таять снег и зазвенели капли, по городу поползли слухи о том, что советские войска прорвали фронт и перешли в наступление. Солдат в городе стало больше, и смотрели они на горожан не с прежним самодовольством, а трусливо и злобно. По ночам раздавались выстрелы. Всех в чем-либо провинившихся и просто подозрительных хватили фашистские патрули. Людей уводили за город на хутора, где, по слухам, расстреливали и зарывали в землю. С востока беспорядочными колоннами шла пехота и ползли выкрашенные в белый цвет «тигры». Из башенных люков высывались небритые, веселые и пьяные немцы. Они, наверное, радовались тому, что остались живы. В мае на левом берегу фашисты начали

взрывать дома, которые мешали их артиллерии обстреливать другой берег.

Каждый день Манефа говорила о том, что нужно бежать из города, отец возражал, ведь бежать было некуда.

Повсюду были расклеены приказы, грозящие смертью всем, кто не покинет город в ближайшие два дня.

Рядом с пепелищами взорванных домов пылали пожары, по улочкам, усыпанным битым кирпичом и черепицей, катились волны черного дыма, сновали солдаты. А Лиза шла в библиотеку, с любопытством заглядывая в глазницы окон, за которыми в беспорядке валялись брошенные вещи, стояла мебель, а на стенах висели темные картины в аляповатых рамах и фотографии сбежавших хозяев. Лиза вошла в распахнутую настежь дверь библиотеки и, ступая на хрустящий битым стеклом паркет, прошла в голубую залу. В окнах не было ни одного стекла. Дорогие книги в тисненых золотом переплетах частью обрушились, частью еще стояли на полках. То единственное, что она считала богатством, теперь никого не интересовало. Лиза прошла в смежную комнату, здесь тоже были полки с книгами. Прежде она не знала об этом хранилище.

«Как много книг,— подумала Лиза,— и они никому-то теперь не нужны».

Она стала наугад брать книги и листать их: история искусств, энциклопедические словари, собрания сочинений, богато иллюстрированные сборники, подшивки журналов начала века и отдельные издания, наверняка редчайшие. Лизе хотелось прочитать все сразу и, вмести в голову, сохранить. А в это время последние немецкие части покидали восточную часть города. Ночью на обезлюдившие дома, огрызающиеся пулеметными трассами и аритмичными залпами артиллерии, посыпались бомбы, минометные мины и гаубичные снаряды. Поблизости звенели, разбиваясь, стекла, с сотрясаемых взрывами домов со зловещим шорохом сыпалась черепица. Со всем рядом в землю ударило что-то огромное и тяжкое, на мгновение библиотека озарилась белым слепящим светом, раздался оглушительный грохот. Отброшенная в сторону, Лиза увидела, как плавно, словно студень, осыпая штукатурку, колеблется стена соседнего здания, и, распадаясь на части, обнажает огнедышащую утробу дома. С полок посыпались книги. А на улице, в промежутках сбиваемого ветром пламени, солдаты, напирая на колеса, выкатывали в просвет пушку и заряжали, и палили из нее.

— Зеркало, зеркало,— зашептала Лиза высохшими губами и, покачиваясь, оглушенная и одуревшая, заходила по шуршащим листам рассыпанных книг, ища зеркало, но не нашла его. В голубой зале она выдернула из-под осколков стекла и кипы журналов суконную скатерть, стала укладывать в нее валявшиеся на полу книги. Связав увесистый узел, взвалила его на спину и вышла в пространство, заполненное клубами красного дыма и громовыми раскатами. Не прячась за стены, не сгибая голову, избегая лишь обжигающей жары пожаров, Лиза шла в направлении казематов, которые (она знала) находились у основания западного бастиона. Через четверть часа она очутилась под сводами древнего подземелья. Здесь пахло заплесневелым камнем, с потолка редким дождем сыпались капли. Под ногами хлюпала вода. На ощупь отыскав сухое место, Лиза высыпала книги и направилась за новой партией. Она таскала книги до тех пор, пока совсем не выбилась из сил и, упав в воронку, потеряла сознание.

Наутро, когда канонада поутихла и лишь изредка то здесь, то там что-то взрывалось, гулким эхом разносясь по округе, она очнулась. Нужно было идти в свой дом, но спина и ноги совершенно одеревенели, по телу разливалось бессилие. Нечеловеческих усилий стоило ей приподняться. Уже отчетливо она слышала шум реки и видела из-за обрывистого берега торчащие из бурлящей воды обломки железнодорожного моста, но не видела своего дома. Лишь закопченный остов стены над черной, слабо дымящейся воронкой, и чудом уцелевшее на нем, расчерченное трещинами, зеркало в обгорелой раме. Это было то самое зеркало, которое она каждый вечер клала на пол стеклом вниз.

— Они забыли снять зеркало,— прошептала Лиза, и, заглянув в черноту воронки, робко позвала:— Папа, папа! Тетя Манефа!

Ей почудилось, будто кто-то зашевелился на дне воронки и простонал. Она уснула.

Ночной воздух расцветивали трассы желтых огней, клубы красного дыма, зеленые кометы осветительных ракет и качающиеся белые лучи прожекторов. Вся эта чудовищная иллюминация озаряла дрожащим светом низко нависающие облака, из которых доносился стон бомбардировщиков, градом осыпающих бомбы. Рассеянно озираясь, Лиза пробиралась через огонь и дым, проползала сквозь бреши, пробитые снарядами в стенах, карабкалась на кучи битого кирпича. Наконец она добралась до библиотеки. Здание еще стояло с наполовину осыпавшейся крышей. Среди камней и штукатурки она стала выискивать книги. Собрав их и завязав в платок, потащила в подземелье. Среди горящих руин металась немецкая солдатка, что-то кричала, катили куда-то легкие пушки, палили из минометов. Часто она натывалась на убитых.

Лиза перешагивала через них и шла дальше. Ей казалось, будто висящий за спиной узел с изодранными книгами был той спасительной броней, которая делает ее неуязвимой. Возвращаясь из подземелья в библиотеку, она брала с собой какую-нибудь дорогую книгу, как талисман, спасающий от смерти. И смерть обходила ее стороной. Когда на третий день своей работы Лиза вынесла из библиотеки последние книги и, обессиленная многочасовым трудом, упала, не выдержав тяжести узла, в стену библиотеки ударил снаряд, и стена обрушилась, погребя под собой все, что было внутри. Раскаленная волна пронеслась над Лизой, и перепонки, казалось, лопнули, не выдержав грохота.

Но Лиза осталась жива. Через какое-то время она встала и пошла в подземелье.

В начале июля фашистские войска вышли из западной части города, оставив после себя дымящиеся руины. Вступившие сюда советские солдаты не нашли здесь ни одного уцелевшего дома и ни одного мирного жителя.

Ранним солнечным утром редактор фронтовой газеты лейтенант Игорь Горохов с фотоаппаратом в руках шел вдоль бастионов, которые окружали со всех сторон старый город. Он хотел найти место, с которого можно было бы сделать панорамный снимок. Под заголовком «Мы возродим тебя», он собирался поместить в газете довоенные фотографии с видами города, прежде знаменитого на всю Прибалтику своими архитектурными памятниками, а рядом — фотографии развалин.

Идя мимо западного бастиона, Игорь наткнулся на вход в какое-то подземелье. Выведенная мелом надпись сообщала о том, что здесь находится городская публичная библиотека, в которой всем желающим без залога выдаются книги. Игорь сфотографировал эту надпись и вошел под темные своды. Под ногами захлюпала вода. Прижимаясь спиной к осклизлой стене, он стал пробираться в глубь подземелья. Посреди черной воды, в которую, осыпаясь с потолка, гулко ударяли тяжелые капли, он увидел каменный островок. На островке, среди груды книг, укутавшись в грязную темно-зеленую скатерть, спала девочка. Из-под рваного платка торчали слипшиеся волосы. Отраженный водою слабый свет едва касался ее лица, изможденного, чумазого. Тонкие пальцы сжимали книгу в вишневом переплете.

— Девочка, проснись!— позвал Игорь,— проснись же,— она не просыпалась. Тогда он потормошил ее за плечо. Девочка открыла глаза и, несколько не удивившись, тихо спросила:

— У тебя есть сахар?

— Есть, конечно, есть!— лейтенант полез в сумку.

— На, возьми,— он протянул ей несколько кусочков.

— Спасибо,— сказала девочка и, не выпуская из рук книгу, взяла кусочек сахара с его ладони.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. В. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

Год издания — 29-й

ОДИН ДЕНЬ ВОЙНЫ

Третий рассказ капитана дальнего плавания Л. ЗАГОРУЛЬКО

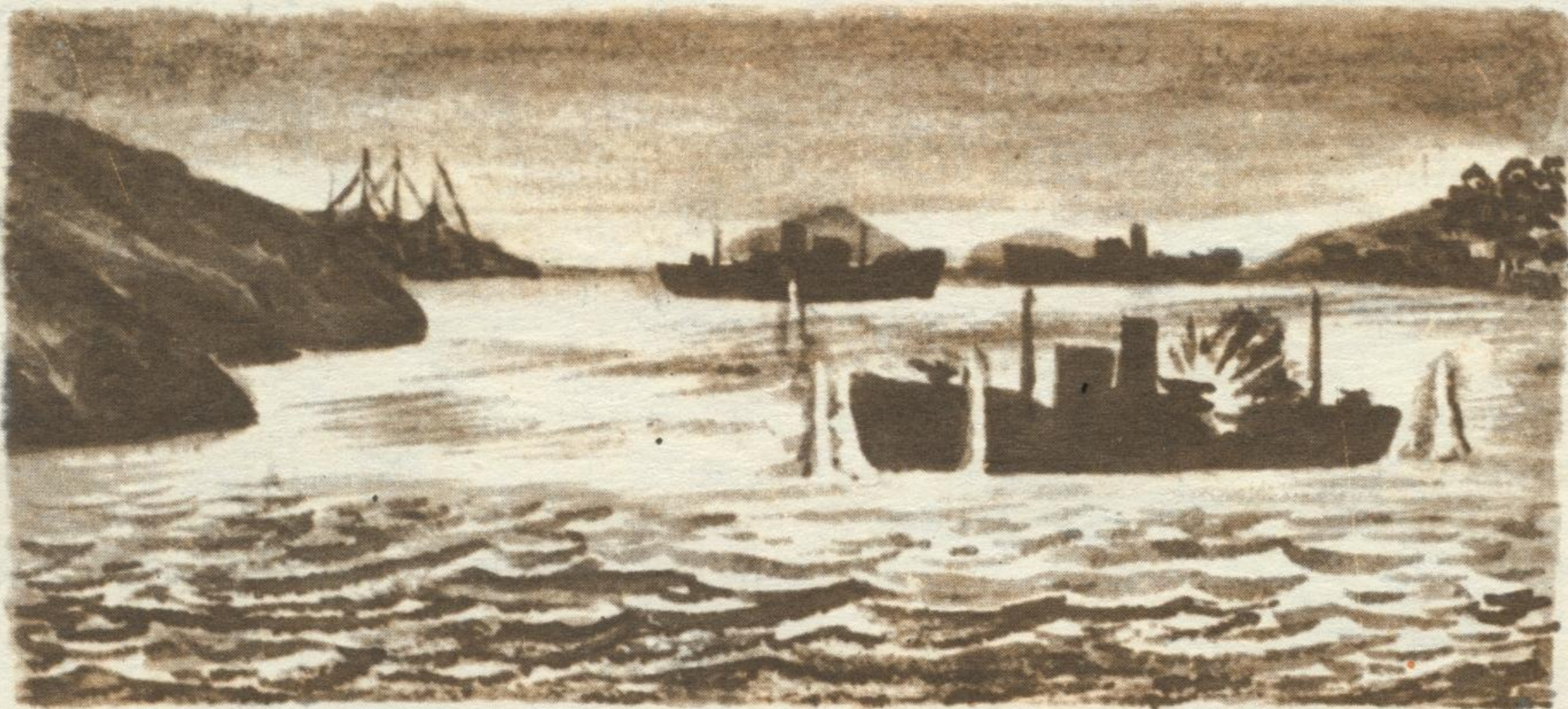
— Летом 1942 года в наши северные моря пробрался фашистский крейсер «Адмирал Шеер». Это был бронированный корабль с дальноточными пушками. В его башнях и казематах укрывались сотни человек экипажа. А на палубе имелся даже гидросамолет, чтобы вести разведку с воздуха.

В то время я был назначен вторым помощником капитана на пароход «Революционер». В конце августа «Революционер» вышел из Игарки и подходил к острову Диксон. Вдруг радист приносит радиogramму: «Адмирал Шеер» в Карском море потопил ледокол «Сибиряков». Значит, и наш пароход вот-вот может повстречаться с пиратом...

Однако до Диксона мы дошли благополучно и стали грузить лес. У причала стояли еще два парохода — «Кара» и «Дежнев». «Дежнев» был под военно-морским флагом и на палубе его виднелись две пушки. Он считался сторожевым кораблем.

Наступило 27 августа. Погрузив лес, мы стояли на якоре неподалеку от выхода из бухты. Туман скрывал по временам берега ее. Я только что сменился с вахты и пошел в каюту отдохнуть. Тревожные мысли не покидали меня... На «Революционере», как и на «Дежневе», тоже были небольшие пушки — на носу и на корме, но я понимал, что от крейсера это слабая защита... Я задремал...

Разбудил меня звук близких разрывов. Крейсер! Пират подкрался

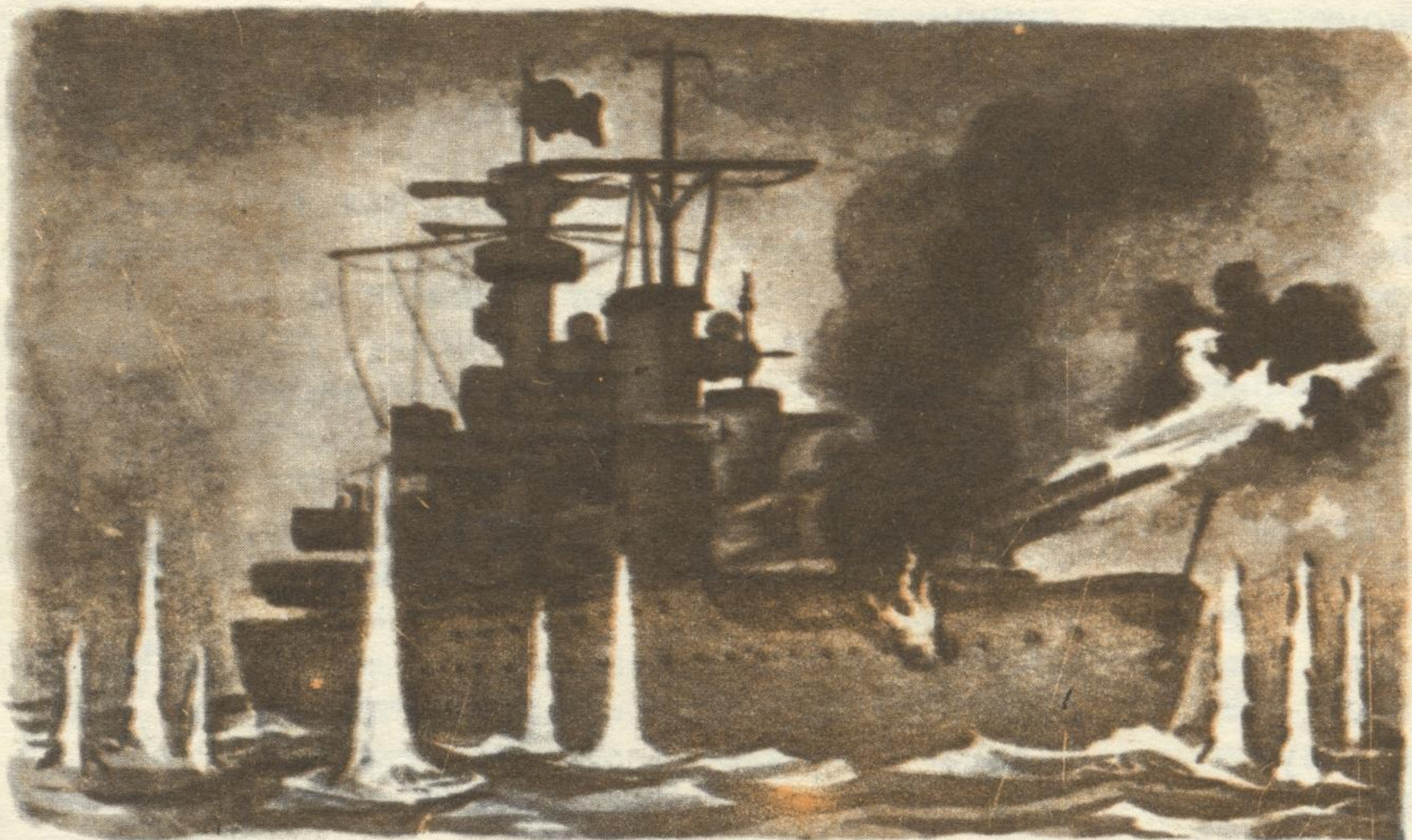
к Диксону, пользуясь туманом, и внезапно начал обстреливать бухту. Я выскочил из каюты. Вижу, наша кормовая пушка уже посылает снаряд за снарядом в видневшийся сквозь туман силуэт крейсера. Но ее выстрелы казались игрушечными хлопками по сравнению с громом орудий «Адмирала Шеера». Передо мной блеснуло пламя, и воздушная волна отбросила меня. Очнувшись, я ощупал руки-ноги, повертел головой. Кажется, все цело. В бухте то и дело поднимались столбы водяных разрывов. Артиллеристы крейсера никак не могли пристреляться. Вот уже нам на помощь спешит «Дежнев». Его пушка тоже бьет по крейсеру. Стреляет и бере-

говая батарея Диксона. Но и крейсер, наконец, пристрелялся. Его снаряды попали в «Дежнев». Пароход накренился и вышел из боя. Снова «Адмирал Шеер» стреляет из тяжелых пушек по «Революционеру». Горит капитанская каюта. Поврежден руль. А сняться с якоря и уйти в глубину бухты мы не можем: снаряд разрушил брашпиль — машину, которая выбирает якорную цепь. Дым и пар окутали «Революционер», и пламя грозило охватить весь пароход... Но наша кормовая пушка все стреляла и стреляла. И удивительное дело! Фашистский крейсер не выдержал! Он развернулся и, не заходя в бухту, ушел. Уже издали, наугад послал он несколько снарядов, но они упали в воду. Туман снова сгустился, и наступила тишина. Можно было бросить всех людей на тушение пожара.

Мне на всю жизнь запомнился этот день войны, туман в бухте острова Диксона, грозная тень фашистского пирата, грохот его пушек и ослепительное пламя разрывов на нашем пароходе. И еще — героизм наших моряков, которые смогли отогнать хорошо вооруженный большой корабль.

Уже спустя много лет, когда стали известны документы фашистских архивов, я узнал, что «Адмирал Шеер» неспроста покинул поле боя. Небольшие снаряды с «Революционера», «Дежнева» и береговой батареи наделали бед на бронированном чудовище, которое считалось фашистами неуязвимым.

Рассказ капитана
записал О. ОРЛОВ

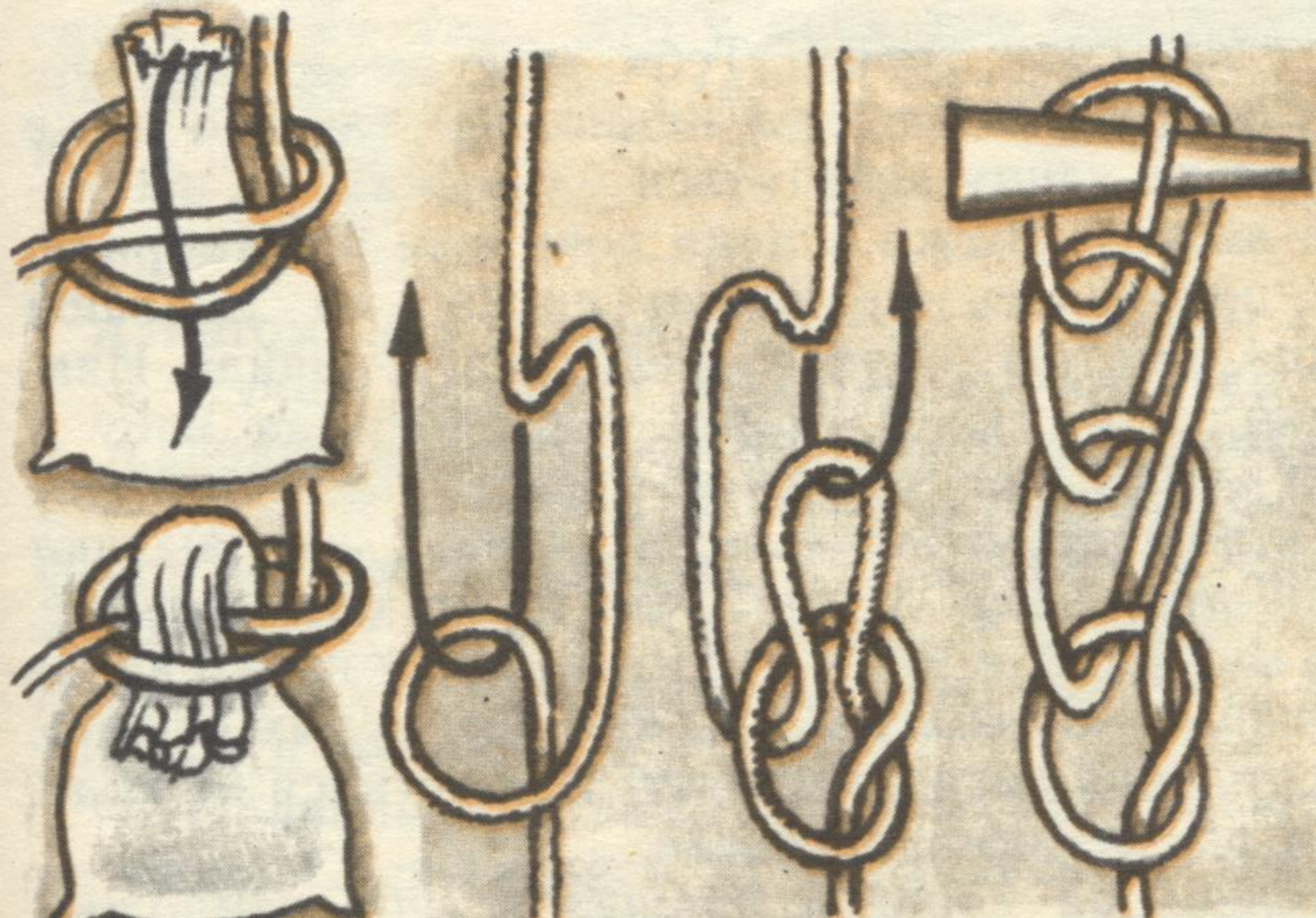
Во времена парусного флота было известно 500 морских узлов. До сих пор моряки пользуются узлом, который был известен финикийским мореходам еще 5000 лет назад...

Об этом и еще о многом другом ты узнаешь, если прочитаешь книгу Л. Скрягина «Морские узлы». А юным морякам знакомство с такой книгой просто необходимо: ведь в книге — десятки точных рисунков: как завязывать тот или иной узел. Автор рассказывает и о таких старинных и редких узлах, как «Лисий узел», «Охотничий узел» или узел под названием «Южный Крест»... Книга вышла в свет в Москве, в издательстве «Транспорт».

Этот узел называется «Акулий». Им хорошо привязывать леску к крючку. «Мартышкина цепочка» позволяет на время укоротить канат. А это — «Амфорный узел». В походе незаменим. Им хорошо и ловко обвязывается горлышко бутылки, фляги. Петли служат ручкой. «Мешочный узел» — полезно знать не только морякам.

АКУЛИЙ УЗЕЛ.

МЕШОЧНЫЙ УЗЕЛ.

МАРТЫШКИНА ЦЕПОЧКА

АМФОРНЫЙ УЗЕЛ

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

Некогда английские конструкторы изобрели судно, которое изгибалось на волне, как змея. Части его корпуса ходили на шарнирах вверх-вниз, вверх-вниз. Конструкторы считали, что так лучше всего плавать в море, когда волны слишком высокие. Однако волны поломали «Коннектор» — так было названо судно. Идея судна на шарнирах была забыта надолго, но недавно о ней вспомнили. Новое изгибающееся судно будет плавать по рекам, которые изобилуют частыми и крутыми поворотами. Соответственно изгибам реки, будет изгибаться и судно, только не вверх-вниз, как «Коннектор», а влево-вправо...

С. ЮРЬЕВ

ВЫСТАВКА ПИНГВИНА

«КАНОНИРЫ»
Кузнецов Саша,
с. Вознесенка
БАССР

НАША ПОЧТА

В выпусках «Морской газеты» прошлого года мы писали об игре в кораблики. Нас порадовала почта: ребята прислали много писем. Они рассказывают, что сделали игру и играют в нее с друзьями. Чаще всего играет несколько человек — четверо, шестеро. Многие ребята ввели новые правила или сделали поправки к нашим правилам. Иногда поправки удачны, иногда нет. Саша Данилин из Архангельска предлагает обозначить на карте течения. «Они будут или попутными кораблю, — пишет он, — или, если бурей занесет в «течение», — унесут корабль от цели». Думается, что предложение Саши интересно и его на больших картах можно принять. Толя Царев из села Ильинка Кемеровской области пишет: «В настоящем море не везде одинаковая глубина. В игре это должно быть учтено...» Мысль тоже интересная, но, нам кажется, это слишком уж усложнит игру, которая и без того — непростая.

Станислав Варава из Харькова сообщает: «Перед тем как ходить, мы бросаем кубик. Число, которое будет на верхней грани, соответствует количеству кораблей, которые ходят в этот ход».

Можно, конечно, и так решать эту проблему, но, наверное, проще играющему указывать корабль или корабли и говорить: «Хожу бригадом!» или «Хожу двумя линейными, фрегатом и галерой». Можно ходить всем флотом разом, можно любым количеством кораблей — разом. Можно (из осторожности, не рискуя) ходить одним из кораблей. Тогда, конечно, кубик не нужен. Так же и стреляют корабли — по одному или несколько разом.

ПИОНЕР

Дмитрий ВЕРЕЩАГИН

РАССКАЗ

Рисунки О. Филипенко

Красный пионерский галстук. Удивительно, как он идет к белой рубашке! И когда видишь себя в пионерском галстуке впервые — это, кажется, не ты даже там, в зеркале улыбаешься, а кто-то другой, очень на тебя похожий. Так что даже ты рассмеешься вдруг и скажешь:

— Ну чего ты на меня уставился?

Теперь, когда ты вступил в пионеры, уже ты думаешь о том, что «буду учиться еще лучше — только на одни пятерки!»

Но вот, друзья мои, какая история. Я расскажу вам ее единственно только потому, чтобы вы ее однажды не повторили.

Я вступил в пионеры, не имея для этого оснований: я учился, хочу сказать, неважно, да еще, как про меня говорила учительница, Зинаида Ива-

новна, дисциплина у меня хромала. Правда, искус был тогда велик: тогда — это было послевоенное время — тем, кто вступил в пионеры, выдавали школьные лыжи на дни зимних каникул. Очень хорошие лыжи! У меня были самодельные, но на них, бывало, только скатишься с Поповой горы, и уже они больше не едут; а на школьных, с заводским креплением, лыжах — летишь еще долго, и сердце так сладко замирает при этом!

И я, когда повели октябрят в пионерскую комнату, чтобы принимать их там в пионеры, к ним примкнул, тайком, и меня, как всех, приняли тоже. По ошибке. А на другой день, как водится, меня разоблачили. Помню... Нет, не хочу! Неприятно об этом даже вспоминать. стыдно было ужасно стоять перед всем классом! Так что даже, когда Зинаида Ивановна меня стыдила и про меня говорила, она вынуждена была держать меня за шиворот; но я, однако, рванулся и, хотя у нее в руке осталось полворота от рубашки, — убежал.

А дома? Как было мне неприятно! Я даже убежал из дома. И меня только нашли утром, мама с братом, с Волькой. Да и то: они меня нашли, я думаю, потому, что я ночевал на сушилах в сене, и так замерз там, что у меня утром зуб на зуб не попадал.

А на елку я не ходил. Брат, получив там гостинец, разделил его на два кулька и принес его мне.

— На! Это твой... Тебя еще не исключили.

И я сразу повеселел немножко, так что даже пошел на улицу покататься на лыжах, на школьных лыжах. Лыжи у меня пока еще не отобрали. Но получилось нехорошо снова: по Большой улице, смотрю, идут учительница, Зинаида Ивановна, и мама. Я скорее спрятался за избу и стал — как вор за углом; тень от меня вытянулась до самого колодца, и смотрю, как выдают меня школьные лыжи: мои были самодельные, под мой рост; а эти — много выше; и палки какие заметные: кольца на них, как два худых решета, над головой висят! Отберут! Я опустил на колени и пополз по-пластунски.

Только на дворе я пришел в себя немножко. Я до того напугался, что даже подумал: «Горим!» — когда увидел, как искры посыпались вдруг из щелей на двор. Это там, на крыльце, мама отворила дверь, и в темные сени ворвалось солнышко.

Я не хотел подслушивать, но когда они зашли в избу, на цыпочках прокрался в сени, и слышу, как учительница говорит, что мама меня плохо наказывает. И Зинаида Ивановна перечисляет мои провинности:

— Вступил в пионеры незаконно, получил лыжи тайком, самодельный наган с собой носит, окно разбил...

«Нет, не я это! А Витька Додонов окно разбил! А я, значит, во всем виноват?! Все я, все

я,— подумал я.— И стрелял на уроке, мама, не я... Сама она бандитка, Зинаида Ивановна. Как осерчает на кого, говорит: «Я с бандитами — сама бандит». А чего она мне, мам, ставит двойки да колы? Я бы даже и учился лучше, если бы она не выгоняла меня из класса. Как же я буду хорошо учиться, если я, считай, не бываю почти на уроках! И заберите вы у меня эти лыжи, только галстук не забирайте...»

— Зинаида Ивановна, послушайте! В сенях кто-то есть! Скотина некормленная ворвалась...

И я — бегом! Из сеней да на двор. А со двора — на зады. Стою за сараем, как вдруг слышу:

— Ты, пионер! Идем домой,— зовет меня Волька обедать.

Но я не пошел домой — даже обедать! Я стал думать уже о том, что «вот если меня исключат из школы, то я пойду работать в колхоз — ездовым!» Потом пошел на двор и стал там дрова рубить. И они, мама с братом, выходят из сеней.

— Ты липовых дровец наруби,— слышу, мама говорит.— Я блинов вам напеку завтра. У нас ведь праздник.

— Какой, мам?— спросил Волька.

— Вон! Озорника нашего упросила я не исключать из школы.

Как сердце в груди у меня застучало! Я на радостях даже размахнулся — и, рукавицу, смотрю, так и отсек!

Мама вскрикнула, но я ей говорю:

— Да не отрубил я руку, чего ты... Рукавицу только вот жалко.

— А я тебе говорила, на двор не надевай новые... А у тебя на шее-то что, а?— спрашивает она. Потому что... Это у меня там был галстук. Пионерский красный галстук. И снимать я его ни за что не хотел.

А потом еще сколько я пережил, друзья мои.

— Лучше бы меня исключили,— сколько раз я жаловался маме, придя домой из школы.— Кто бы чего не делал, а во всем виноват оказываюсь я! Им-то хорошо, они не давали слово, что не будут больше озоровать. А я, мама, дал! И прямо я не знаю, чего мне теперь делать? Уже драться я не могу!

— Правильно,— мама на это мне возражает,— не надо. Сдерживайся. А ты курить-то бросил?

— Давно уж!.. Ну как, мам, сдержишься, когда на уроках шепчут: «Пионер липовый». Как тут сдержишься?!

— А ты делай, как отец делал. Он, когда ему было трудно, мял вот так вот пальцы,— и она показывала, как отец наш хрустел пальцами.

— Да делал уже!— говорю ей.— Да ничего у меня не получается! Нынче вот Коля Толстый опять написал на доске про нас. Про меня и про Нину Кумову, которую я провожал один раз из школы. Как, мам, не подраться?

И в самом деле! Как с ним, с Колей, не подраться было, если на доске было написано:

«Пионер + Кума = любовь».

Но, скажу я вам, друзья, пионерский галстук я так и не снял. А дразнить меня скоро перестали.

ИТОГИ КОНКУРСА ЮНЫХ МАТЕМАТИКОВ

В конкурсе юных математиков приняло участие 364 человека. Правильные ответы

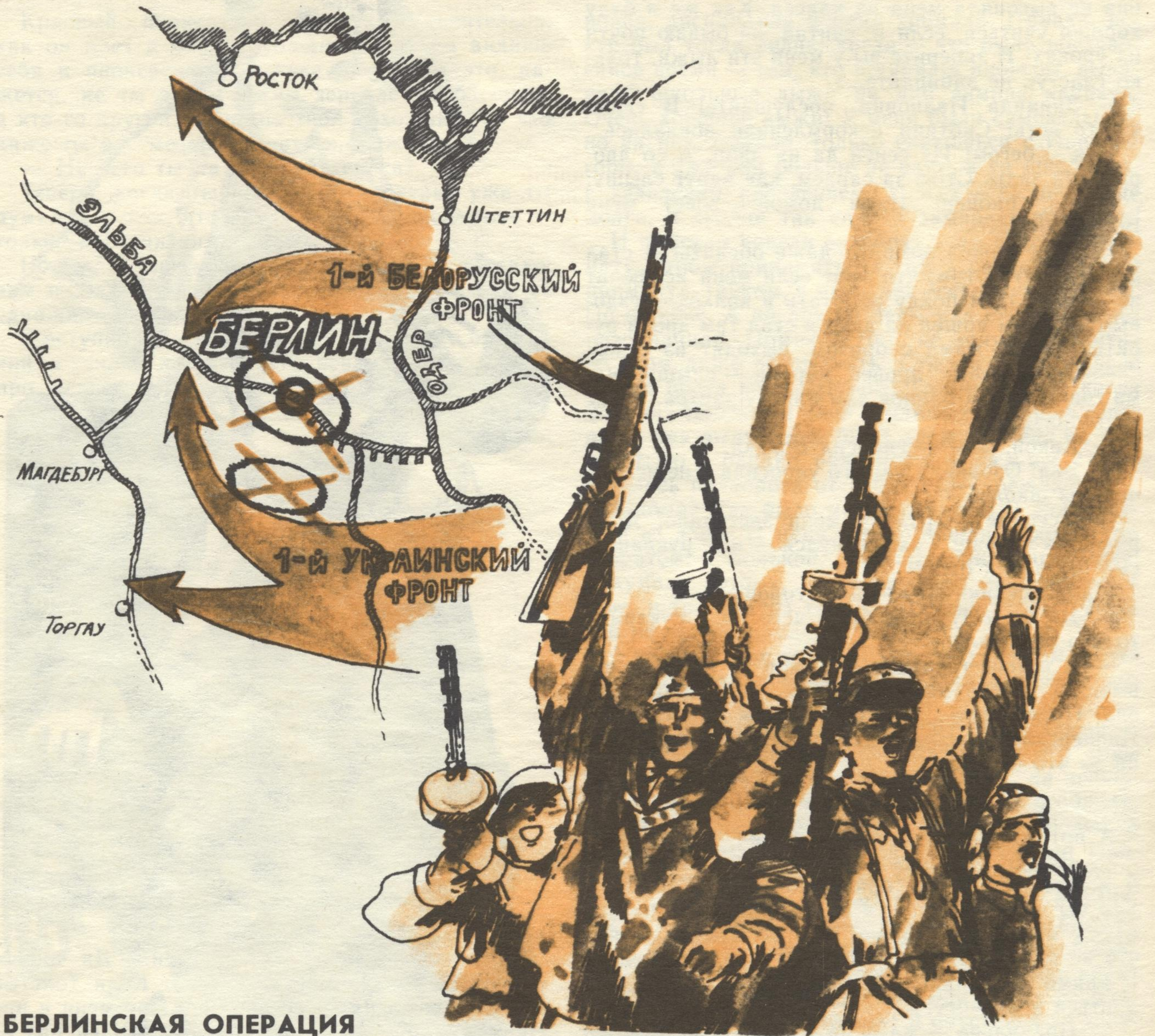
прислали — 340. Победителями названы: Галя Савукова (Рязань), Вова и Алеша Черновы (Ленинград), Женя Борисов (Сыктывкар), Валя Митряшкина (г. Грозный), Таня Калиниченко (Черниговская обл.),

Лена Лабзеева (Гудермес), Сережа Пономаренко (Черкасская обл.), Алеша Шевченко и Саша Фирсов (Ленинград), Сережа Скатерщиков (Москва) и Наташа Гордеева (Новгород).

ШКОЛА БУДУЩИХ КОМАНДИРОВ

Главный консультант Герой Советского Союза генерал-лейтенант Д. А. МЕДВЕДЕВ

БЕРЛИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Берлинская операция — одна из крупнейших во всей Великой Отечественной войне. Ее осуществляли войска трех фронтов — 2-го Белорусского под командованием Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, 1-го Белорусского под командованием Маршала Советского Союза Г. К. Жукова и 1-го Украинского под командованием Маршала Советского Союза И. С. Конева. В их рядах насчитывалось 2,5 миллиона личного состава,

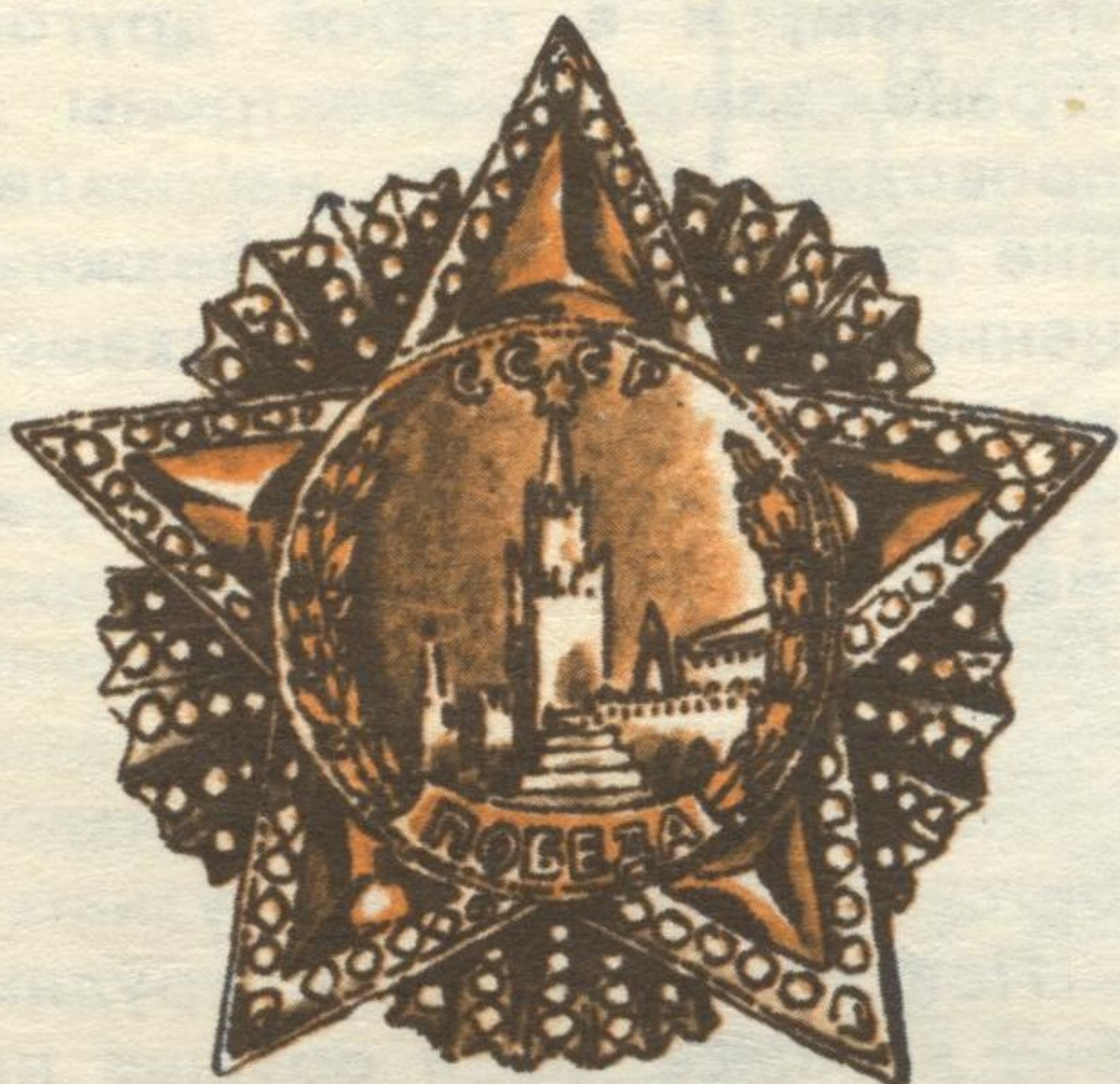
41 600 орудий и минометов, 6250 танков и САУ, 7500 самолетов. Со стороны врага им противостояло миллион солдат и офицеров, 10 400 орудий, 1500 танков, 3300 самолетов. Таким образом, советские войска превосходили противника в личном составе в 2,5 раза, в артиллерии в 4 раза, в танках и САУ в 4,1, в самолетах в 2,3 раза. Плотность артиллерии на участках прорыва составляла 270, а в 1-м Белорусском фронте — око-

ло 300 орудий и минометов на 1 км.

В 1-м Белорусском фронте был применен новый прием атаки. Она началась в 3 часа по местному времени при свете 143 прожекторов. Это ошеломило врага.

В результате успешного проведения Берлинской операции, длившейся с 16 апреля по 8 мая 1945 года, гитлеровская Германия безоговорочно капитулировала.

НАГРАДЫ РОДИНЫ

Орден «Победа»

Орден «Победа» был учрежден указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 ноября 1943 года. Этим полководческим орденом награждались лица высшего командного состава Вооруженных Сил СССР за успешное осуществление крупных операций в масштабе одного или нескольких фронтов, приводивших к изменению стратегической обстановки в пользу Советской Армии.

Ордена «Победа» удостоены (в порядке награждения) Г. К. Жуков, А. М. Василевский, И. В. Сталин (все трое дважды), К. К. Рокоссовский, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, Ф. И. Толбухин, Л. А. Говоров, С. К. Тимошенко, А. И. Антонов, К. А. Мерецков, а также (в 1978 году) Л. И. Брежнев.

Орденом «Победа» были награждены иностранные военные деятели И. Броз Тито, Д. Эйзенхауэр, Б. Монтгомери и другие.

Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»

Учреждена 9 мая 1945 года в ознаменование победы, одержанной над фашистской Германией в Великой Отечественной войне. Ею награждались лица, принимавшие непосредственное участие в боях или обеспечивавшие победу своей успешной работой в учебных, запасных, тыловых частях, учебных заведениях Советских Вооруженных Сил. Медалью «За победу над Германией» награждено свыше 13,5 млн. советских воинов.

За подвиги на фронтах

В боях с немецко-фашистскими захватчиками советские воины проявили массовый героизм. За образцовое выполнение заданий командования орденами и медалями было награждено более 7 млн. человек. За особо выдающиеся подвиги 11 603 воина были удостоены звания Героя Советского Союза, 104 из них стали дважды Героями Советского Союза, а Г. К. Жуков, И. Н. Кожедуб и А. И. Покрышкин — трижды.

Орденом удостоивались целые боевые коллективы. Всего за годы войны соединениям, частям и кораблям Советских Вооруженных Сил вручено 10 900 боевых орденов.

НАДПИСИ НА РЕЙХСТАГЕ

После взятия Берлина советские воины оставили на стенах и колоннах рейхстага сотни надписей. Часть облицовочных плит с этими надписями сейчас хранится в Центральном музее Вооруженных Сил СССР. Приводим некоторые из них.

«Мы пришли с мечом в Берлин, чтобы навсегда отучить немцев от меча.

Слава советским богатырям! Капитан Исаев Б. Т. Новосибирская об. Сибирь — Берлин. 6.V.45.

Пусть эти развалины долгие годы напоминают немецким разбойникам о богатырской силе Красной Армии. Т. Карпий, С. С. Равреба, С. И. Голуюк.

Мы двинские и побывали в Берлине.

9 мая. За кровь отца. Ивченко.

Были и мы из Якутии, из Донской об., из Чувашии. Коннов Ф. Ф.

За кровь земляков-никтопольцев, москвичей, орловцев, кубанцев, орехово-зюевцев мы отомстили. 1. Майор Буланый В. 2. Майор Шеленков. 3. Майор Якунин. 4. Капитан Симонова. 5. Ст. л-т Свиридов.

Была в Берлине 9/V. 45 г. Галя Джаши из Тбилиси.

Слава русскому народу. Здесь были Ивашкин, Бобрышев Григорий, Шалаев, Леде-нев, Козмина, Сергеев, Волков, Малышенко, Жигала и др.

Мы из колхоза Рязань. Суховернов».

Рисунки Б. Аникина

ЮНАРМЕЙСКАЯ УЧЕБА

УЧИТЕСЬ ДЕЙСТВОВАТЬ В СТРОЮ

Развернутый строй бывает одношереножный или двухшереножный. Построение отряда в развернутый строй должно производиться по команде «Отряд, в одну шеренгу (в две шеренги) — становись!» Подав команду, ко-

мандир отряда становится в положение «смирно» лицом в сторону фронта построения, а с началом построения выходит из строя и следит за выстраиванием отряда.

Походный строй отряда может быть в колонну по два, по три или, если в отряде четыре отделения, в колонну по

четыре. Построение отряда в походный строй производится по команде «Отряд, в колонну по два (по три, по четыре) — становись!»

Перестроение отряда из развернутого строя в походный и наоборот производится поворотом отряда направо или налево.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЦВЕТНОМУ ТЕЛЕВИЗОРУ

В тот момент, когда превосходная паровая яхта «Дункан» водоизмещением в двести десять тонн с двумя прямыми парусами на фокке и гроте, повинувшись воле Джона Манглса, одного из лучших шкиперов Глазго, выходила из родного залива Ферт-оф-Клайд навстречу необыкновенным приключениям в южных морях, в телевизоре что-то щелкнуло, и последние бледно-розовые в свете зари бакены исчезли с потухшего телевизионного экрана.

Так вчера для меня, еще не начавшись, закончились поиски капитана Гарри Гранта. Однако сегодня произошло такое, что я уже не знаю, огорчаться или радоваться несостоявшемуся путешествию.

Началось все достаточно обычно. Из телеателье пришел мастер. Узнав о случившемся, он загадочно улыбнулся и, снимая с телевизора заднюю крышку с грозной надписью «Опасное напряжение», предложил отправиться в не менее увлекательное путешествие, но только не к тридцать седьмой параллели в пампасы Патагонии, а по лабиринтам огромной электронной страны, название которой — цветной телевизор, на поиски исчезнувшего там телевизионного сигнала.

— Факт исчезновения сомнений не вызывал, хотя о нем

в отличие от написанного на трех языках известия о крушении трехмачтовой «Британии», отправленного во вверенной океану бутылке, свидетельствовал лишь безжизненный телевизор. Вместе с тем сопутствовавшие исчезновению обстоятельства (на экране пропало не только изображение, но и вообще свечение) навели на мысль о возникновении на пути сигнала не просто препятствия, а непреодолимой преграды, ликвидировать которую можно только пройдя по его следам.

Мореплавателям в пути помогает карта. В путешествии по цветному телевизору, впрочем, как и по любому другому электронному устройству, принято руководствоваться его принципиальной схемой, на которой, как и на карте, условными значками обозначены все особенности электронной страны. Вместо дорог на принципиальной схеме телевизора — линии электрической связи или просто электрические провода, являющиеся наиболее удобными магистралями для электрических токов. Труднопроходимые участки соответствуют различным по величине сопротивления резисторам. Улицы с односторонним движением — полупроводниковые диоды, а транзисторы можно сравнить со сложными перекрестками с регулируемым движением. Есть в электронной стране и города. Это интегральные микросхемы, в малом объеме которых сосредоточены сотни и тысячи резисторов, транзисторов, диодов. Но обо всем по порядку.

Телевизионный сигнал мог исчезнуть, только пройдя сквозь антенный вход, — узкий, хорошо охраняемый антенной на крыше дома от посторонних нетелевизионных сигналов, проход в толстой крепостной стене — корпусе телевизора. Антенный вход — глаза и уши телевизора. Через него в телевизор по кабелю от антенны поступает телевизионный сигнал. Одновременно через другой проход в телевизор должна подаваться

электроэнергия, без которой жизнь в электронной, как, впрочем, и в любой другой стране замрет. Электроны в проводах забудут направление своего движения, безжизненными станут микросхемы, и телевизионный сигнал никогда не превратится в изображение на экране телевизора. Так, может, здесь причина исчезновения, и всетелевизионный розыск не понадобится? Но как об этом узнать?

Поиски в джунглях трудны без компаса, да и оружие не помешает. На поиски в телевизор лучше отправляться также не с пустыми руками. Наличие электропитания проверим вольтметром — простым и надежным электроизмерительным прибором. С личностью же разыскиваемого лучше всего познакомиться, воспользовавшись услугами электронного осциллографа, на экране которого легко получить электрический портрет телевизионного сигнала.

Итак, питание в порядке, а портрет довольно странный: ни бороды, ни усов — лишь множество сложных волнообразных линий. Однако исчезновение даже одной из них, а тем более всех вместе, неблагоприятно отразится на работе телевизора. Дело в том, что эти линии несут информацию о яркости, о цвете изображения и даже о звуке, который сопровождает показ любой телепередачи. Пропадут, например, в телесигнале линии звука, и телевизор замолчит.

Но пока все линии как будто на месте, а мы, продолжая поиски, с помощью осциллографа вместе с телесигналом, пройдя антенный вход, попадаем в селектор телевизионных каналов — устройство, отделяющее сигнал первой программы от второй, третьей и т. д. и преобразующее его в форму, удобную для дальнейшего путешествия из селектора в усилитель.

Усилитель чем-то похож на большой проспект, по которому, подобно непрерывному автомобильному потоку через перекрестки, проходит через

транзисторы электрический ток. Телесигнал, попадая на проспект с небольшой боковой улицы, сливается с проходящим по нему током и, активно влияя на этот ток, становится от транзистора к транзистору все более высоким и мощным. Наконец, на выходе усилителя он вырастает так, что с трудом помещается на экране осциллографа. Усиленный телесигнал — грозная сила для помех, стремящихся сбить его с верного пути.

Но вот впереди дорога раздваивается. На указателе надпись: «Налево пойдешь — в звук превратишься, направо — изображением станешь!» Распрощалась тут одна часть телесигнала с остальными и свернула налево, где вдали, мерно надувая свои толстые щеки, трудился громкоговоритель. Путь до него хотя и не долог, но труден. Сперва диод наотрез отказался пропускать все, что не укладывалось в его строгие правила односторонней проводимости. Так исчезла несущая частота — верное транспортное средство звукового сигнала, честно помогавшее ему в пути. А сам сигнал, очищенный и причесанный, пройдя через усилитель звуковой частоты, выплеснул через громкоговоритель звуки торжественного марша победы. Он свое дело сделал.

А тем временем незвуковые части сигнала попадают на контрольно-пропускной

пункт. Проверка документов. Сигнал яркости — в одну сторону, сигнал цветности — в другую, а все, что осталось, — в третью. «До встречи в кинескопе», — кричит телесигнал яркости сигналу красного, зеленого и синего основных цветов. «Разлука будет недолгой», — соглашаются оставшиеся сигналы синхронизации. И все разными дорогами направляются к главной цели, к кинескопу — самой большой детали цветного телевизора. Сигнал яркости отвечает за получение на его экране черно-белого изображения, сигнал цветности должен это изображение окрасить, а сигналы синхронизации управляют устройствами, заставляющими экран кинескопа светиться.

Кинескоп цветного телевизора не только самая большая, но и очень сложная и важная деталь. Внутри его металло-стеклянного корпуса с почти космическим вакуумом установлены три пушки. Только стреляют они не снарядами, а электронами. Цель — внутренняя сторона экрана кинескопа, на которую нанесено светящееся при попадании в него электронов вещество — люминофор. И не просто нанесено, а в виде мозаики из огромного количества мелких люминофорных зерен трех цветов: красного, зеленого и синего. Если теперь к одной электронной пушке подвести усиленный сигнал красного

цвета, к другой — зеленого, к третьей — синего, а ко всем вместе усиленный сигнал яркости, то, при условии обеспечения попадания электронов этих пушек, соответственно, в красные, зеленые и синие зерна люминофора, экран кинескопа окрасится. Причем не только в основные цвета, но и в любые другие, легко получаемые от смешения основных. Но для того, чтобы это произошло, необходимо еще постоянно перемещать электронные лучи по всей поверхности экрана, другими словами, обеспечить развертку лучей. Управляют разверткой сигналы синхронизации.

И вот мы почти у цели. Ведь в нашем случае как раз общее свечение и отсутствует. Очевидно, неисправны устройства развертки.

С этими словами мастер взял в руки паяльник и, показав на почерневший резистор в блоке развертки, быстро заменил его. И сразу же телесигнал оживил телевизор. Пропажа нашлась. «На сегодня поиск закончен, — сказал мастер, прощаясь, — но для тех, кого он заинтересовал, это путешествие может стать лишь началом пути в сложный, но удивительно интересный мир электроники». А о приключениях пассажиров «Дункана» я узнал, взяв в библиотеке роман Жюль Верна «Дети капитана Гранта». Книга мне очень понравилась.

В. ЛАПТЕВ

ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ СОЛНЦЕ

В этом лагере на берегу Финского залива все было необычно. И голубой флаг с солнечным кругом. И рапорты командиров, звучащие на семи языках. И разноцветные галстуки.

Встречи в этом лагере оставляли ощущение радости: дети планеты хотят дружить друг с другом. Они солидарны в своем стремлении к миру. И будут защищать его.

И вот, листая свой журналистский блокнот, я решила рассказать о том, что запомнилось...

СИНЕГЛАЗЫЙ ШТУРМАН

Больше всего на свете Эйла любила море. Может быть, потому, что ее братья Анти и Хейкки работали в порту и часто брали ее с собой. Потом она сама вступила в морской клуб и научилась не хуже любого мальчишки вязать морские узлы и разбираться в морской сигнализации. Ей хотелось выучиться на штурмана и водить корабли. Приплыть в чужую страну, подружиться с ребятами, узнать об их радостях и печалях.

Эйла Тимонен, синеглазая девочка из Финляндии, рассказала мне о своей мечте по-русски, доверительно, как старому другу.

— Ты откуда знаешь русский?

— Учила. А еще переписывалась с ребятами из Ленинграда.

В международный лагерь «Дружба» Эйлу послали пио-

неры Финляндии. Решили, что она это заслужила.

...Жители окрестных домов были немало удивлены, когда однажды в их квартиры стали звонить мальчишки и девчонки, предлагая свои услуги: сходить в магазин, вымыть полы, посидеть с малышом, сбежать на почту. Удивлялись, но от услуг не отказывались. Особенно люди пожилые. Ребята получали некоторое денежное вознаграждение за свои услуги. Мало кто знал, что вырученные деньги пионеры из отряда Эйлы Тимонен переводили в Фонд мира.

— Наши ребята и я понимаем, как важно, чтобы везде, на всех континентах светило солнце, пели птицы и был мир, — сказала мне на прощанье Эйла Тимонен. — Я так хочу водить корабли по мирным морям...

СТИВЕН ИЗ ТОРОНТО

Эту историю о двенадцатилетнем мальчике из Торонто, которого приняли в комсомол, мне рассказала Элизабет Хилл, секретарь ЦК комсомола Канады. Элизабет сама дала ему рекомендацию, несмотря на его «молодой», еще не комсомольский возраст.

В одиннадцать лет Стивен прочел «Как закалялась сталь». И впервые задумался о далекой стране — России. Стал читать газеты, следить за событиями в мире. Однажды, возвращаясь из кино, он вдруг спросил своего товарища:

— Что бы ты делал, Ричард, если бы на твой дом напали?

— Я бы защищался.

— А если бы напали не на твой дом, а на соседний?

— Тоже, наверное, помог бы.

Ребята, что шли рядом, с удивлением следили за разговором друзей. А Стивен вдруг стал рассказывать о жестокости и несправедливости, которые царят в мире. О детях, которые голодают. О детях, которые борются.

После этого друга Стивена

стали обращаться к нему с вопросами, просили поделиться прочитанным, объяснить. И Стивен объяснял. А что не понимал сам — спрашивал у старших братьев. Братья Стивена (их трое) так же, как и отец, рабочие.

Однажды газеты сообщили о событиях в Южно-Африканской Республике: расисты расстреляли демонстрацию детей. Не задумываясь, Стивен обещал всех своих друзей, те, в свою очередь, своих, и так по цепочке было передано: «Выходи на демонстрацию».

Через несколько часов по городу Торонто двигалась необычная процессия. Она состояла из 11—12-летних мальчишек и девчонок, направлявшихся к центральной площади. Это была первая детская демонстрация протеста в Торонто.

ПАРТА, А НЕ ТЮРЬМА

С Джованни Льямас, мальчиком из Колумбии, и с маленьким индейцем Джимом из племени су я познакомилась в Артеке. В тот вечер мы много говорили. Оказалось, ребята хорошо знают и интересуются событиями из жизни своих сверстников. Эту, теперь уже давнюю, историю мы вспомнили вместе, сидя у костра на берегу Черного моря. Было радостно оттого, что мы вспомнили ее именно вместе.

...Это произошло в Лиссабоне. Тогда Португалией правил диктатор Салазар. Однажды вечером в дверь квартиры семьи Жозе раздался резкий стук.

— Кто там? — спросила мать.

— Вам срочная телеграмма. Но в комнату ворвались полицейские.

— Это ты Жозе Аугусто Сильва? Ученик лицея Педро Нунес? Одевайся. Ты арестован.

— Не имеете права, — запротестовала мать.

— Не имеем? Ваш сын государственный преступник. Он распространял листовки против правительства.

Но Жозе почему-то не вызывали на допросы. Оказалось, салазаровские судьи ждали его совершеннолетия. И уж тогда судить его беспощадно.

Но об его аресте заговорил весь мир. Писали пионеры Болгарии, шахтеры Англии, пионеры Москвы и Ленинграда. «Место Жозе не в тюрьме, а за партой».

Протест детей всего мира заставил салазаровских судей выпустить Жозе из тюрьмы...

Я смотрела на лица ребят. Они светились гордостью. Гордостью за победу своих сверстников. Гордостью за солидарность.

* * *

Да, дети Земли хотят мира. Это желание выражено особенно ярко сейчас, в канун XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов, который состоится в Москве.

«Я хочу, чтобы мое детство было счастливым. Но ведь счастье возможно только на мирной планете».

«Мир — это самое главное слово на свете. За мир голосуем мы, дети».

«Когда я думаю о мире, мне хочется нарисовать голубя. У него в клюве ромашка. Символ Фестиваля».

Это строки из писем ленинградских ребят к американской школьнице Камилле Тейлор.

Камилла и ее друзья собрали более 4 тысяч подписей под петицией в поддержку замораживания ядерного вооружения. Копии петиции американские ребята вручили членам конгресса США.

«Дорогая Камилла! Этим летом я была в Артеке. Может быть, ты слышала — это Всесоюзный пионерский лагерь на берегу Черного моря. Там собрались ребята из многих стран мира. И вот мы, объединившись в своем стремлении к миру, направили письмо протеста правительствам, которые не хотят замораживать ядерные вооружения», — написала ученица 7-а класса 13-й школы Дина Осокина.

Да, дети Земли едины в своем стремлении. И я уверена: дети могут помочь миру...

Т. СКОБЛИКОВА

СОРОКАЛЕТЬЕ ВЕЛИКИХ ПОБЕД

Двадцать второго июня
Над нами стряслась беда:
Фашисты жестоко бомбили
Советские города.
Бессовестно хвастал Гитлер:
«Победа будет легка,
Парадом по Красной

площади

Я проведу войска». —
Но — «Так никогда
не будет!» —

Грозно сказал наш народ
И флагами над рейхстагом
Встречал сорок пятый год.
Рассказ о великих битвах
Не раз я слышал от деда,
Нелегкой ценой досталась
Народу эта победа.
Он испытал немало
Тяжелых страданий и бед
И празднует сорокалетье
Великих наших побед!

Сергей Войтешенко,
5-а класс,
Желтые Воды

БИТВА ЗА ДНЕПР

Шумит наш Днепр,
Как 40 лет назад, —
Свидетель мужества
И яростных атак,
Геройских подвигов
Свершений!

По берегам виднеются

холмы

Да из гранита пьедесталы.
Мы, пионеры, Родине верны
И славим тех,
Кого уже не стало.
Они в бою нашли
Свой смертный час
За то, чтоб мы учились
И творили,
И гордо заходили
В светлый класс,
Садясь за парты,
Их благодарили.

Оксана Дороднова,
5 класс,

Днепропетровская область
Рисунки Н. Котляревского

Оформление Т. Панкевич

МАЙ

Май — месяц зеленый и солнечный. В полях и лесах все уже полно жизни. Звонят птичьи голоса, тучкой качаются в теплом воздухе крылатые насекомые — толкутся, пляшут. Пчелы уже за работой, пополняют запасы меда, перелетают с цветка на цветок...

Засинела в лесу медуница, развернулись широкие листья ландыша...

Но обманчиво тепло в мае. Днем — солнышко, а ночью, того и гляди, заморозок ударит... Недаром в народе про май говорят: «Бывает май — и под кустом рай, а бывает май — на печь полежай...»

И все-таки — хорош май! Месяц солнца, зеленых нарядов, месяц лесных песен и плясок!..

КРЫША

Наш дом стоит в тени под липами, на окраине города, и с нами по соседству, как говорится, под одной крышей, живут пепельного цвета робкие трясогузки, в черных фартучках, с длинными трясующимися хвостиками. Это наши друзья, самые желанные и милые птички. Вот и теперь они раньше всех возвратились с далекого юга, свили гнездо под крышей и бегают по земле сада на высоких ножках, осматривая свои владения. Сколько себя помню, столько я вижу их в нашем саду, этих птичек.

Однажды рано утром я полез на крышу с инструментами и краской. Поднялся по лестнице и вижу: сидят на крыше два птенца-слетка. Серые, пушистые, они были, пожалуй, крупнее своих родителей. Птенцы все время пищали, раскрывая свои ненасытные рты. А взрослые птички-родители без устали носили им корм.

«Да, — подумал я, — нелегка родительская ноша». И стал незаметно спускаться на землю — покрашу крышу в другой раз...

А. ДОРОХОВ

ГДЕ? ЧТО? КТО?

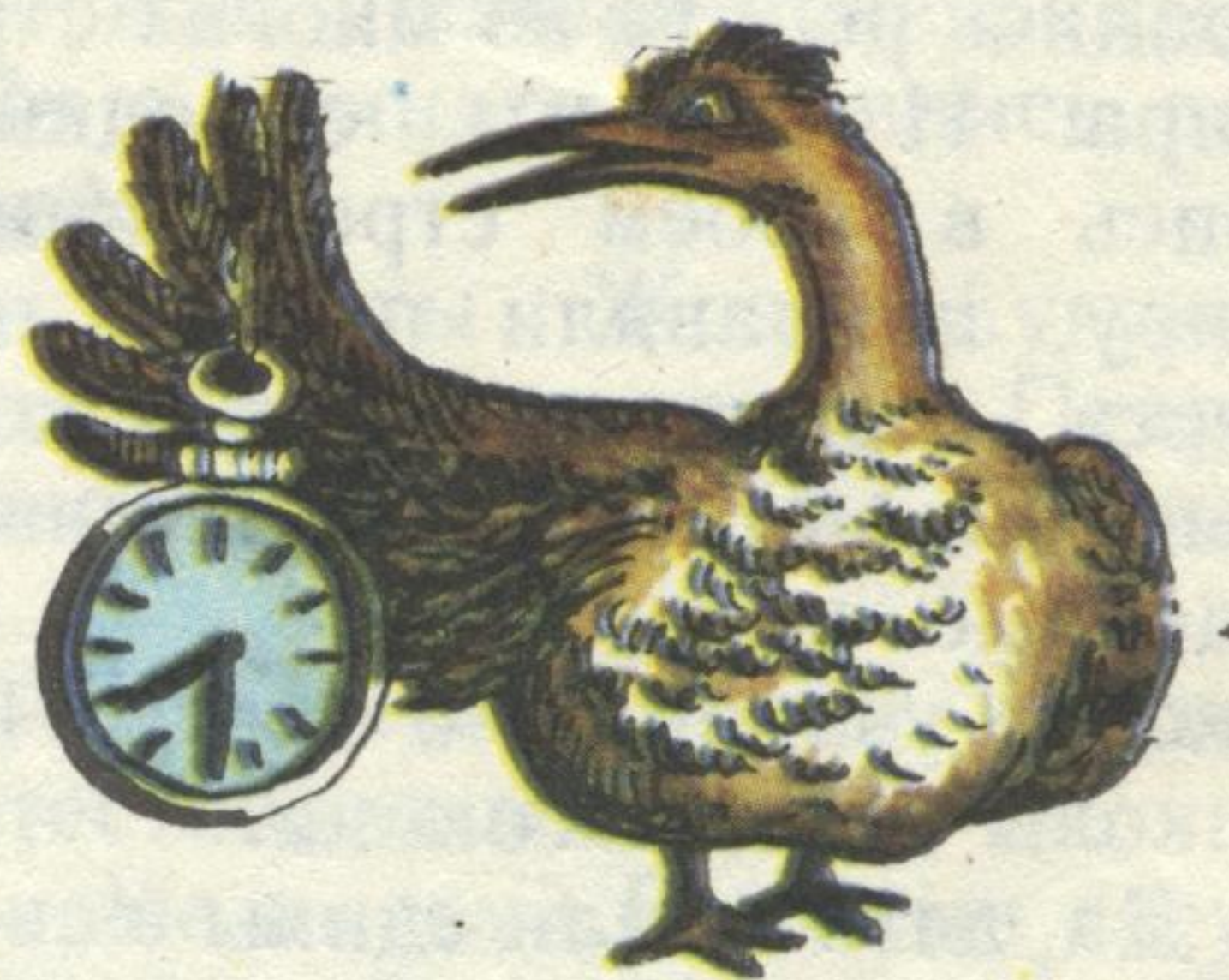

Удивительные птицы встречаются в лесах Южной Америки.

Птица чачалака служит для жителей настоящим барометром. За несколько часов до начала дождя чачалака кричит громко и пронзительно...

Всем известно: лучшие почтальоны — голуби. Недавно ученые провели опыты с различными птицами: не получатся ли из них почтальоны?

Хороший результат показали нырки, гнездящиеся на Британских островах. На самолете их отвезли в США, в город Бостон. И выпустили... Через несколько дней птицы были дома и отыскивали свои гнездовья.

В нашей справочной отделе

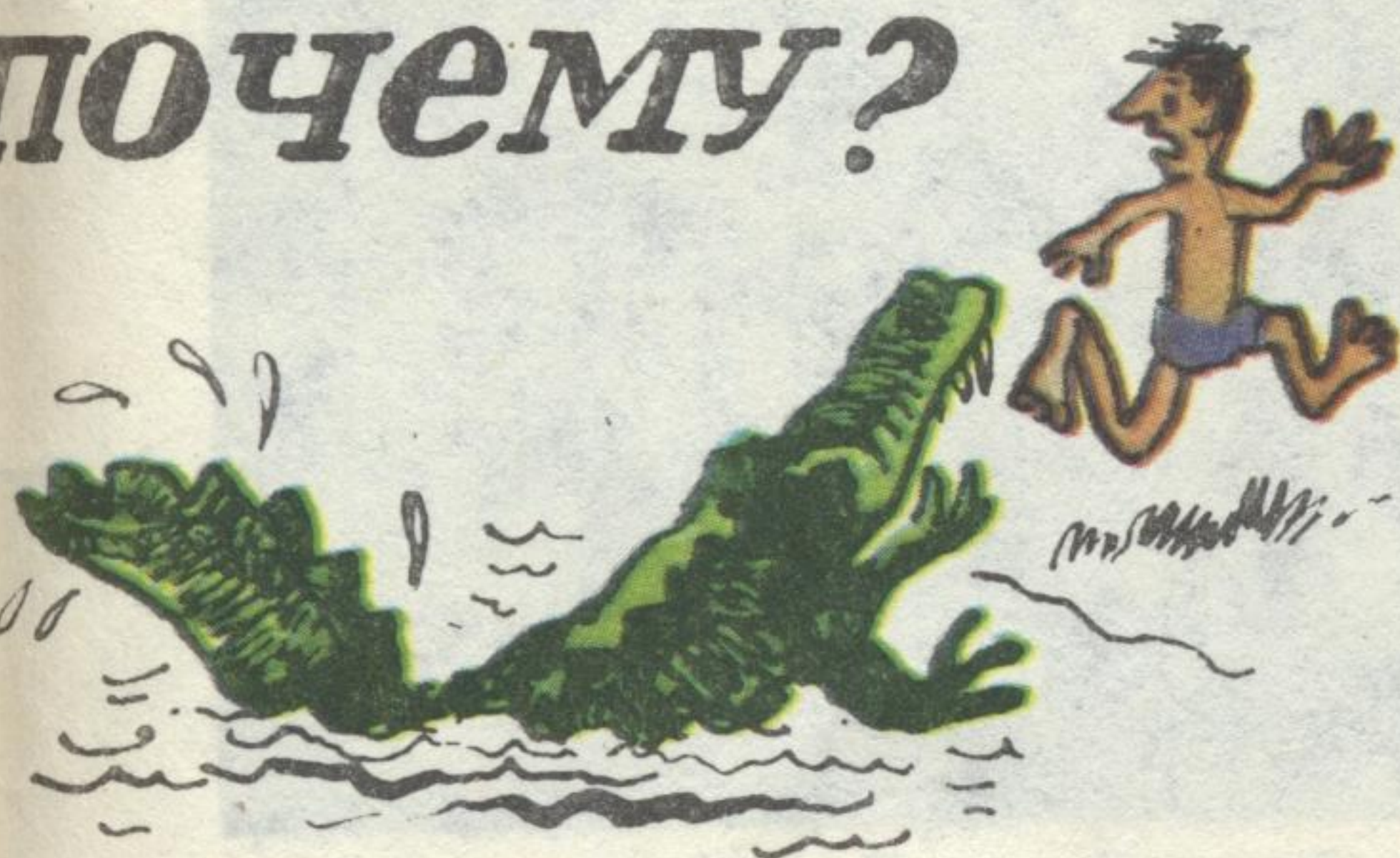
Многие ребята хотят узнать: можно ли привить грушу на яблоню? Об этом мы попросили рассказать садовода-любителя Валерия Ивановича Никифорова. Он же постарался сделать и точные рисунки.

— Груша начинает плодоносить на 10—15 год. Но можно внести поправку в природу. Три прошедших года я в своем саду прививал черенки груши к взрослым яблоням. Все черенки прижились и дали хороший прирост, а первые прививки прошлым летом дали урожай плодов груши. Прививки второго года заложили цветковые почки, будущим летом на них будет урожай. Итак, опыт показал, что вырастить плоды груши на яблоне можно на третий год после прививки.

Весной, как только сойдет снег, выбери в саду взрослую яблоню, пусть даже дикую и бесплодную. Это — подвой. Срежь годичный побег с груши нужного сорта. Это — привой. На конце побега-привоя сде-

лай косой срез длиной 1,5—2 сантиметра и отрежь от побега черенок с двумя-тремя почками. Выбери на яблоне-подвое годичный побег по толщине равный черенку и сделай на нем такой же срез. Приложи привой к подвою. Срезы должны строго совпасть. Прибинтуй привой к подвою тесьмой или изолентой. Верхний срез на черенке замажь садовым варом. Когда почки на черенке выбросят побеги — ослабь обвязку, а когда побег хорошо разовьется — сними ее. Если прививки развиваются буйно, они могут сломаться от собственного веса. Привяжи к ним сухие прутики для прочности. В последующие годы ненужные ветки подвоя можно удалить, или привить уже собственным привоем, срезая лишние побеги с прививок. Таким же способом можно привить и черенки яблонь любых сортов. На вашем дереве может быть сразу десяток различных сортов яблок и груш!

ПОЧЕМУ?

Недавно один турист решил искупаться в устье реки в Австралии.

— Нет ли здесь акул?— спросил он у местных жителей.

— Нет, акулы здесь никогда не встречаются. Боятся заплывать в реку...

Турист нырнул. Из воды он вылетел пулей: за ним погнался крокодил.

— Вы обманули меня!— обругал жителей турист.

— Нисколько!— отвечали те.— Вы спрашивали про акул. Но их здесь и нет. Именно крокодилов они и боятся... Но про крокодилов-то вы не спрашивали.

Фото Б. Гесселя

Я зашел бы в магазин
И купил бы апельсин,
Но с собаками туда
Не пускают никогда.

Дима Григорьев,
10 лет

Хосе Рене Трухильо из Никарагуа и Иоахим Брюкнер из ГДР — члены Международного подготовительного комитета XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

БОЙ ЗА ПАЛО-ДЕ-АЛЬ

Пало-де-Аль — маленькая деревня в семи километрах от границы. И сомосовские «контрас» прошли эти семь километров по земле Никарагуа, чтобы уничтожить деревню. Их было полторы сотни.

Когда раздались выстрелы, Хосе сидел за учебниками. В детстве он не ходил в школу. Их отец умер, когда Хосе было семь лет. Он был старшим в семье. У него было две сестры и четыре брата. С двенадцати лет он чинил бензовозы на нефтеперегонном заводе.

Хосе схватил автомат. Его друг Пабло оставил на столе недочитанную книгу, они выскочили на улицу. Побежали туда, где шла перестрелка. Женщины с детьми торопились к лесу.

Сомосовцы были в ста метрах от деревни. Хосе дал длинную очередь. Гарнизон Пало-де-Аль состоял из тридцати человек, студентов-бойцов резервного батальона. У некоторых крестьян в деревне имелись винтовки.

— Держаться до конца! — услышал Хосе голос командира Марлона.

За два года на границе Хосе научился брать себя в руки. Он выжидал, когда сомосовцы начнут перебежку, и стрелял короткими очередями.

Сомосовцы не жалели патронов. Еще у них были гранатометы. После близкого разрыва гранаты Хосе услышал стон Пабло...

Сомосовские «контрас» так и не одолели эти сто метров, отделяющие их от Пало-де-Аль. Их было в три раза больше, но они повернули и пошли обратно к границе. Они поняли, что защитники Пало-де-Аль не сдадутся и не отступят. Нельзя победить народ, который отстаивает свою свободу, свою родину.

Пятерых товарищей Хосе убило в этом бою. Их положили около школы и накрыли парусиной, из которой крестьяне шьют мешки для фасоли и кукурузы.

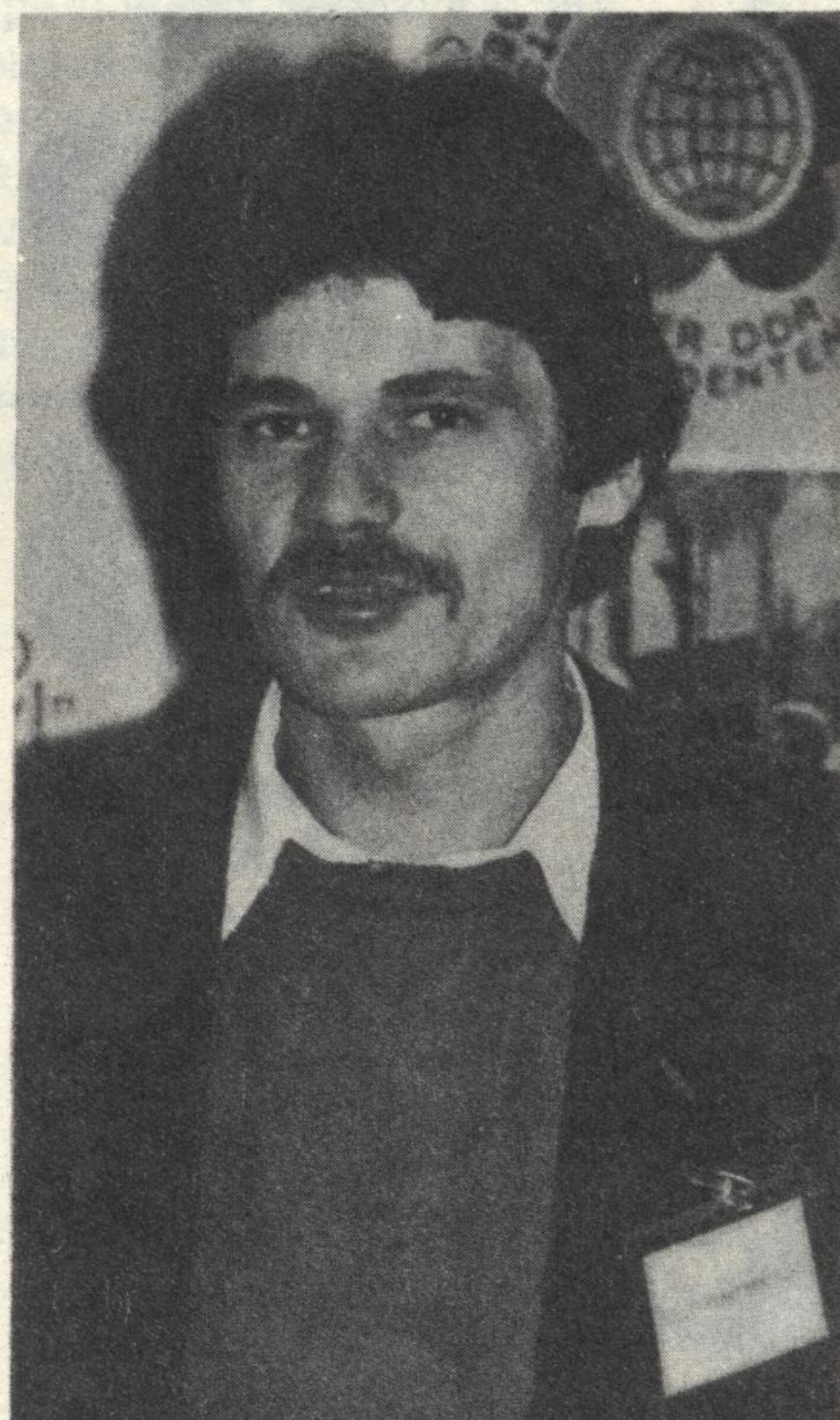
Книга, которую не дочитал Пабло, называлась «Волоколамское шоссе». Это был перевод с рус-

ского языка. В книге рассказывалось, как в сорок первом году немецкие фашисты рвались к Москве, и как советские люди не отдали фашистам свою столицу. Обложка книги была сильно потрепана: ее читали многие. На обложке рукою Пабло было написано: «Свободная родина или смерть!»

Когда ему тяжело, Хосе перечитывает письмо, в котором жена написала, что у них родилась дочь. Хосе не ложится спать. Что делаешь, Хосе? Он пишет стихи. Стихи? А что тут удивительного? Во время революции каждый становится поэтом.

ПРИВЕТ ИЗ БЕРЛИНА

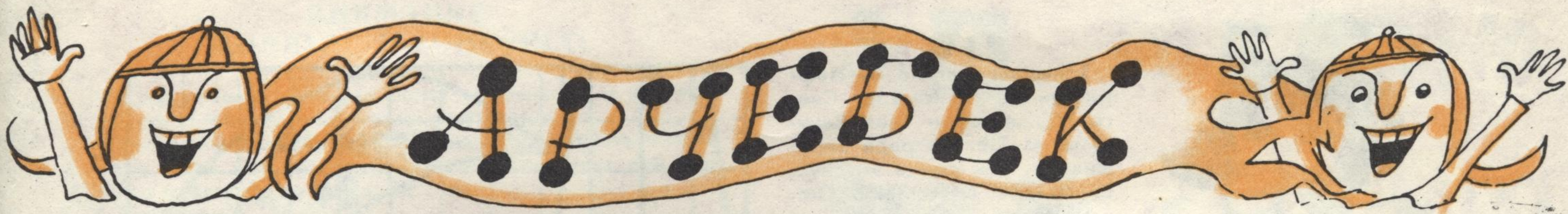
Иоахим Брюкнер родился в городе Шмалькальден на юге ГДР, ему 33 года, он сын слесаря-машиниста. После окончания школы, а окончил он ее с отличием, ему предложили учиться в Советском Союзе, в Московском государственном институте международных отношений. И его он закончил успешно, получил красный диплом отличника.

Как Иоахим сам считает, ему крупно повезло, что он родился в социалистической стране. Его сверстник из ФРГ, подросток из рабочей семьи в капиталистической стране не мог пройти его путь.

«Октябрятам и пионерам-ленинцам советской столицы Москвы и всей советской страны передаю сердечный привет из Берлина, столицы ГДР, которая уже дважды приветствовала молодежь мира на всемирных фестивалях молодежи и студентов. Я желаю вам больших успехов и радости на XII Фестивале в Москве. Я очень надеюсь встретиться вместе с вами этот праздник.

Иоахим Брюкнер, ГДР».

ЧЕМПИОНЫ? ВОТ ОНИ!

Главкомандующий Армией Разведчиков Черно-Белых Клеток торжественно объявляет:

в чемпионате АРЧЕБЕКа 1984 года звание чемпиона завоевали — в шахматах: Олег Зайцев (г. Горький), Сережа Коваленко (г. Энгельс), Максим Легоньких (Ярославль), Леня Перфилов (Муром), Володя Якубовский (п. Садовый) — по 210 очков; в международных шашках: Рушан Валеев (Пермь), Сережа Елкин (Калинин), Саша Макаров (Кимры), Сережа Огорельцев (г. Киров) — по 210; в русских шашках: Рушан Валеев — 195.

Звания чемпионов удостоены — в шахматах: Оля Кучеренко (Новочеркасск), Таня Терлецкая (Мытищи) — по 185 очков; в международных шашках: Оля Новикова (Щелково) — 200; в русских шашках: Оля Новикова — 180.

Дипломом и призом награждены и следующие победители.

ШХМ. В турнире мальчиков: Андрей Мусыркин (п. Павлово-на-Неве), Марат Мелкумов (Баку), Ильхам Пинхасов (г. Куба) — по 200 очков, Толя Большаков (Родники), Илья Бирюков (Тула), Игорь Ванин (Москва), Саша Ворожейкин (Новосибирск), Рома Волков (Донецк), Володя Дубаев (Куйбышев), Павел Зубрилин (Куйбышев), Андрей Кауфман (п. Покровка), Олег Кучтраев (Мамадыш), Дима Маричев (Алексин), Саша Макаров, Олег Малафеев (Адлер), Станислав Пальчевский (Донецк), Миша Сурин (Родники) — по 195, Игорь Терехов (п. Протвино) — 190; в турнире девочек: Оля Гусева (Кыштым), Таня Пайщикова (Новгород) — по 180, Айгюн, Зейнаб и Айтен Исаевы (Баку), Аня Леяднова — по 170.

МШ. В турнире мальчиков: Игорь Ванин, Андрей Гладких (Щелково), Павел Григорьев (Щелково), Володя Никитин (д. Бортник), Павел Шмель (Ленинград) — по 200 очков, Сережа Артюхов (п. Иультин), Саша Ганюшкин (Калининград), Сережа Машковцев (Киров), Олег Сурин (Калининград), Сережа Смотров (Семипалатинск) — по 195, Павел Гимельберг (Новосибирск) — 185, Юра Перепелкин (Волгодонск) — 175, Владислав Шевырев (Москва) — 160, Саша Воробьев (Рубцовск) — 145; в турнире девочек: Лена Кашо (Хотимск) — 185 очков, Наташа Кривошекова (Кудымкар) — 160.

РШ. В турнире мальчиков: Сережа Огорельцев — 185 очков, Андрей Гладких, Павел Григорьев, Саша Ганюшкин, Олег Сурин — по 180, Саша Митин (Орск), — 170, Сережа Машковцев — 160, Алексей Шишов (Орск) — 160; в турнире девочек: Марина Лисняк (Лисичанск) — 160 очков, Евгения Шор (Дубна) — 140.

Еще 32 разведчика награждены дипломами, а 168 получили документ о присвоении спортивного разряда.

Всем победителям, всем 554-м финалистам, всем 3620-ти участникам чемпионата АРЧЕБЕКа 1984 года — трижды салют!!!

5-й ТУР ЧЕМПИОНАТА

Борьба за выход в финал разгорается. Вот новые боевые задания. Успеха вам, разведчики!

ШАХМАТЫ.

А. Белые: Крс4, Лд5, Ке3; черные: Кра4, п. с2.

Б. Белые: Крд5, Сф5, Кх3, п. h2; черные: Крh4, пп. h6, h7.

Цель разведки: в обеих задачах определить, могут ли белые дать мат в 4 хода.

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. Белые: Д. h2, пр. f4, g1; черные: пр. b4, f6.

Б. Белые: Д. a1, пр. h2; черные: пр. b6, g5, h6.

Цель разведки: выявить, ожидает ли белых выигрыш.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 29, 36, 37, 38, 40, 41, 49; черные: 12, 13, 20, 21, 25, 27, 35.

Б. Белые: Д. 5, пр. 48, 49; черные: пр. 4, 40.

Цель разведки: найти для белых наилучшее продолжение.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Расставь позицию — белые: Крс5, Фг2, Каб; черные: Кра7, п. g3. А теперь найди за белых такой ход, после которого при любом ответе черных их королю будет объявлен мат.

КОНКУРС «МАЙСКИЙ ПРИЗ»

Короткое состязание! Приглашаются все! Шесть наград! Кто их завоюет? Задач — пять. Их автор (А. Шапошников, г. Горький) спрашивает: «Во сколько ходов вы сумеете дать в них мат?»

№ 1. Белые: Крf2, Лb2, Сс8, п. с7; черные: Крh1, Лb8, п. h2.

№ 2. Белые: Крh5, Ле4, Ле7, пп. d6, e2; черные: Крf6, п. e6.

№ 3. Белые: Крс5, Сb5, пп. b2, c2; черные: Кра5, Кd5.

№ 4. Белые: Крf7, Ла1, п. h6; черные: Крh8, Лг8, пп. g7, h7.

№ 5. (См. диаграмму).

Как будут разыграны шесть призов? Один — среди решивших задачу № 1, второй — среди решивших № 2 и т. д. Поэтому каждое решение нужно писать на отдельной открытке и отдельно (не вкладывая в конверт!) послать. Можно решить только одну задачу, две или сколько получится, но ответы посылайте раздельно. За что

же шестой приз? Он будет разыгран среди тех, кто помимо отдельных открыток пошлет еще и все пять решений в одном письме.

На открытках и на письме пометить — «Майский приз». Отправить их до 1 сентября. Призеры будут названы в «Костре» № 11.

КИОСК «МГНОВЕННАЯ СПРАВКА»

— Разрешается ли превращать пешку, вступающую на 8-ю линию, в такую фигуру, которая еще не побита?

— Разрешается!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 3 решаются так:

Чемпионат. ШХМ. **А.** Можно: 1. Фb2! **Б.** Можно: 1. Лh6! gh+ 2. Кр:h6; 1... g6 2. Л:g6+.

РШ. **А.** 1. cd4! 2. d4!X. **Б.** 1. hg5! 2. fe3!X.

МШ. **А.** 1. 29! 2. 38 3. 30X. **Б.** 1. 43! 2. 23! 28 3. 20X.

Резерву. **А.** 1. Фh2!X, а при 1. Фс2? или 1. Крf8? — пат. **Б.** 1. Крb6! Крb8 2. Лh8X; 1. Cd4! Крb8 2. Лh8X, а при 1. Се5? — пат.

А теперь о призовых позициях из «Костра» № 11, 1984 г.

Для разведчиков РШ. При 1. d2 — ничья! (1... hg3 2. с3 e3 3. h2! gf2 4. g3!); при 1. ef2 — ничья! (1... fg3 2. e3 f2 3. d4!); при 1. gf2? — проигрыш (1... fg3 2. e3 h2 3. d4 g3! 4. с5 g1 5. d6 g3—f2!X). Приз получили Галя и Вася Наумик (Волковск).

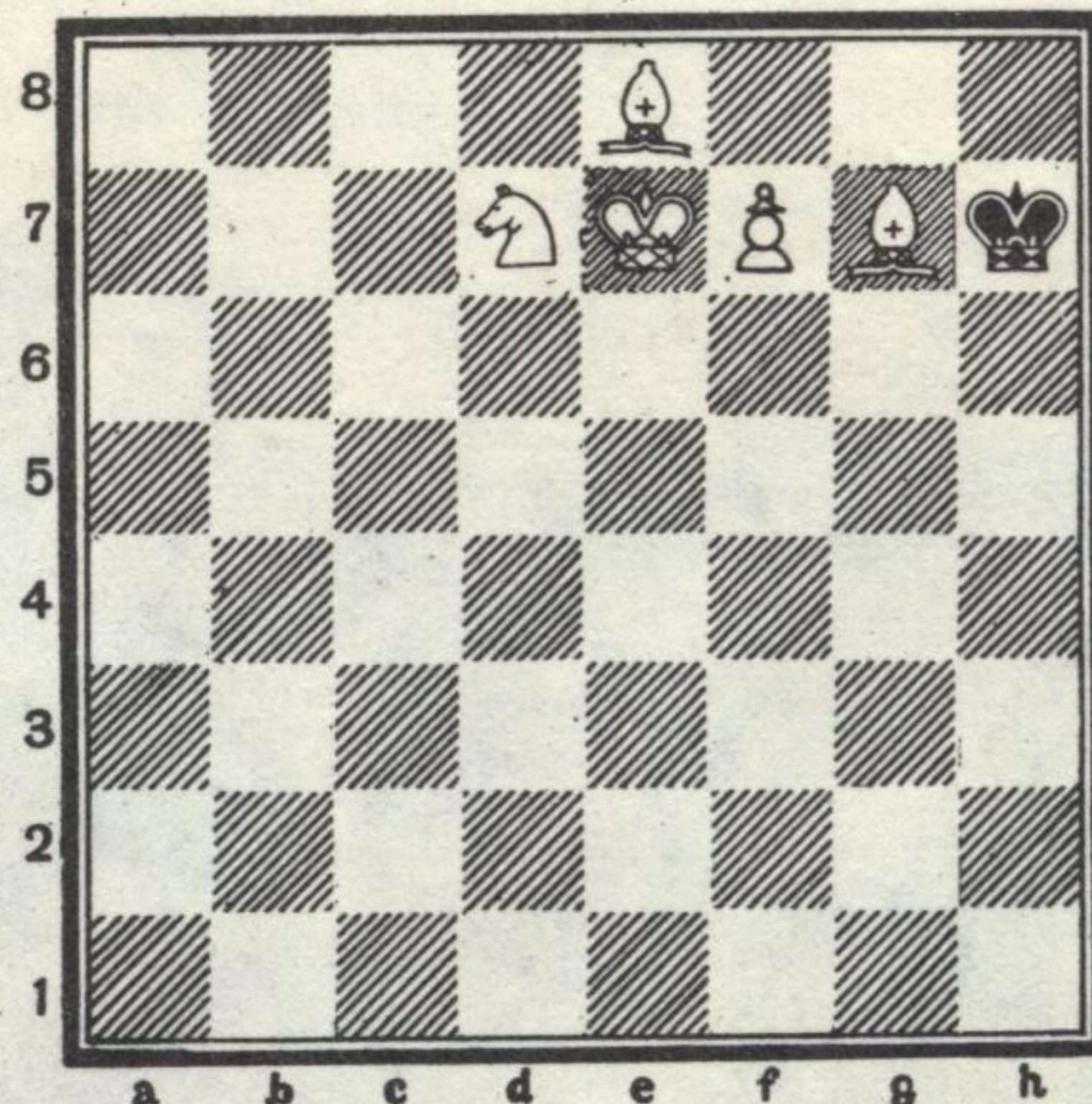
Для разведчиков МШ. Могут! 1. 37! 2. 28X. Призером стала Женя Хмелева (Краснокамск).

ПРИКАЗ № 5

Я, Главкомандующий АРЧЕБЕ-Ком, приказываю:

§ 1. Рапорты о выполнении боевых заданий отправить до 1 сентября.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Токарева Оксана из Нефтеюганска, Лариса Бонт, Света Жуковская и Таня Вачурина из Целинограда спрашивают, как сшить модную ШАПОЧКУ С КОЗЫРЬКОМ.

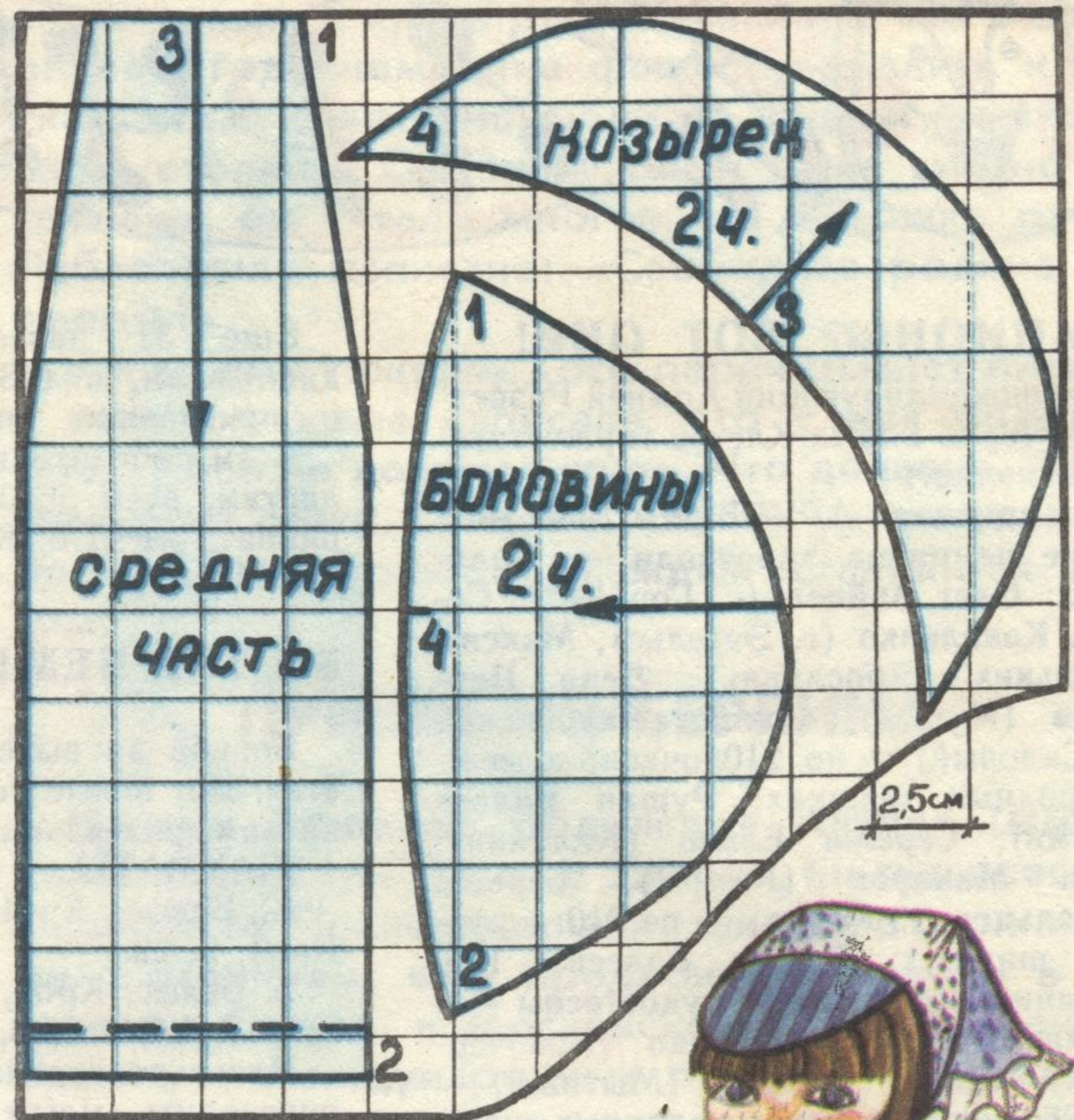
Шапочку можно шить из любой ткани. Состоит она из средней части, 2 боковин и 2 деталей козырька. Выкраивая, дайте припуск на швы 0,7 см. Детали козырька сложите лицевыми сторонами

и застрочите по краю, кроме места соединения козырька с шапочкой. Вывернув, вставьте в козырек вкладыш из плотной ткани, отутюжьте. По тому же краю пустите строчку, прихватив вкладыш. Притачайте боковины к средней части, козырек к шапочке. Обработайте швы. Излишек ткани на средней части подгибается сзади внутрь, пристрачивается. Сюда вставьте резинку, чтобы шапочка хорошо и плотно сидела. Для осени шапочку делайте на подкладке. Можно скомбинировать две или три подходящих по цвету ткани, ткань в клетку и однотонную. А вот еще два вида использования выкройки козырька. 1 — козырек от солнца, пришитый к планке, которая надевается на голову, а сзади застегивается на пуговицу. 2 — козырек, пришитый к косынке, из той же или подходящей ткани.

МАША ПРЕДЛАГАЕТ СДЕЛАТЬ ДОСКУ ДЛЯ ГЛАЖЕНЬЯ. Тростную доску (длина немного больше метра, ширина 25—30 см) обейте старым байковым одеялом, сложенным в 2—3 слоя, а затем старой белой тканью. Швы должны находиться на одной стороне, чтобы гладить на обратной, ровной.

ПРИГОТОВИТЬ ТОПЛЕНОЕ МОЛОКО. Вскипевшее молоко сразу же вылейте в чистый, сполоснутый горячей водой термос. Через 6—7 часов оно станет розовым и ароматным, как из русской печки.

НЕ ВЫБРАСЫВАТЬ ЧЕРСТВЫЙ ХЛЕБ. Нарезьте его кубиками, присолите и посушите в духовке. Белый хлеб можно посыпать натертым сыром, сбрызнуть маслом. Гренки хороши для борща, горохового супа, их всегда приятно погрызть.

Рисунки
Ю. Беломлинской

Один посредственный драматург пожаловался Вольтеру:

— Прочитал ваши трагедии и бросил писать трагедии сам. До ваших мне далеко, а пло-

хие писать стыдно. Начал сочинять комедии.

— Выходит, что вы еще не читали Мольера! — заметил его собеседник.

Во Франции был введен «Устав Республики литераторов», в котором среди прочего был и такой пункт:

«Драматический писатель, который будет четыре раза подряд освистан в столичных театрах, отсылается рубить дрова или должен поработать на фабрике свистков Сен-Клод».

Был объявлен сбор средств на постройку прижизненного памятника Бернарду Шоу. Узнав, во что обойдется сооружение памятника, Шоу пошутил:

— За такие деньги я готов постоять на пьедестале сам!

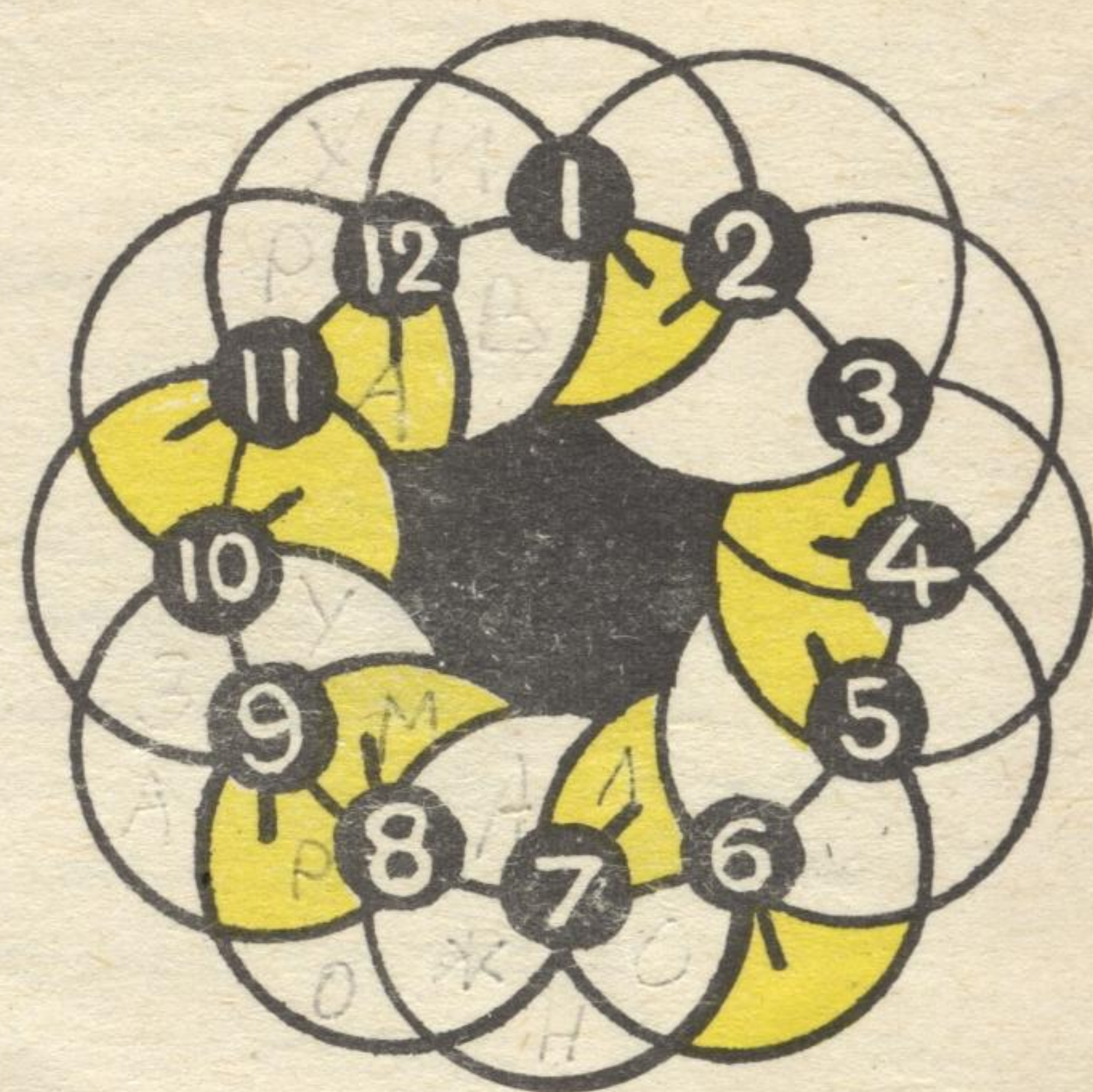
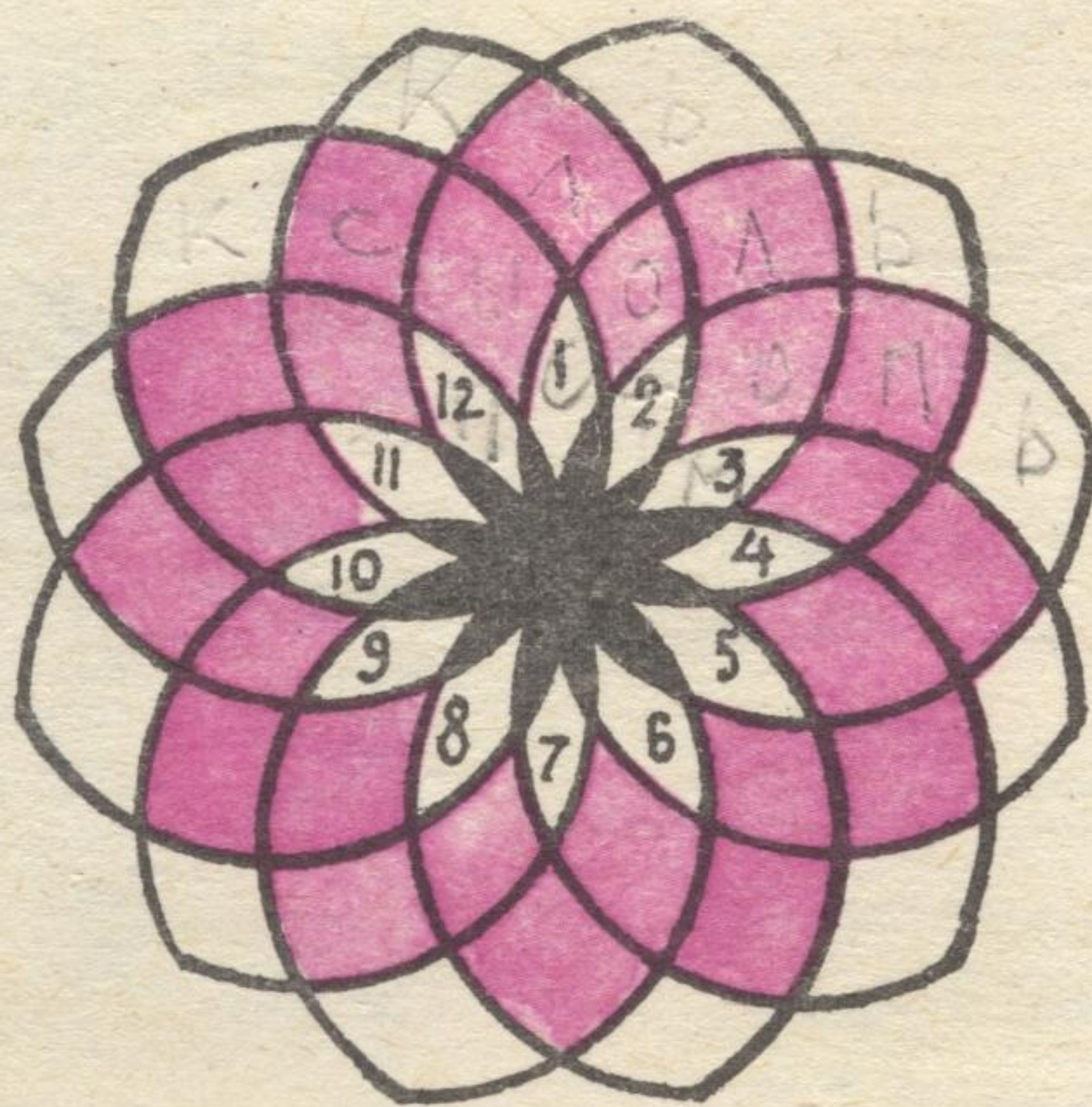
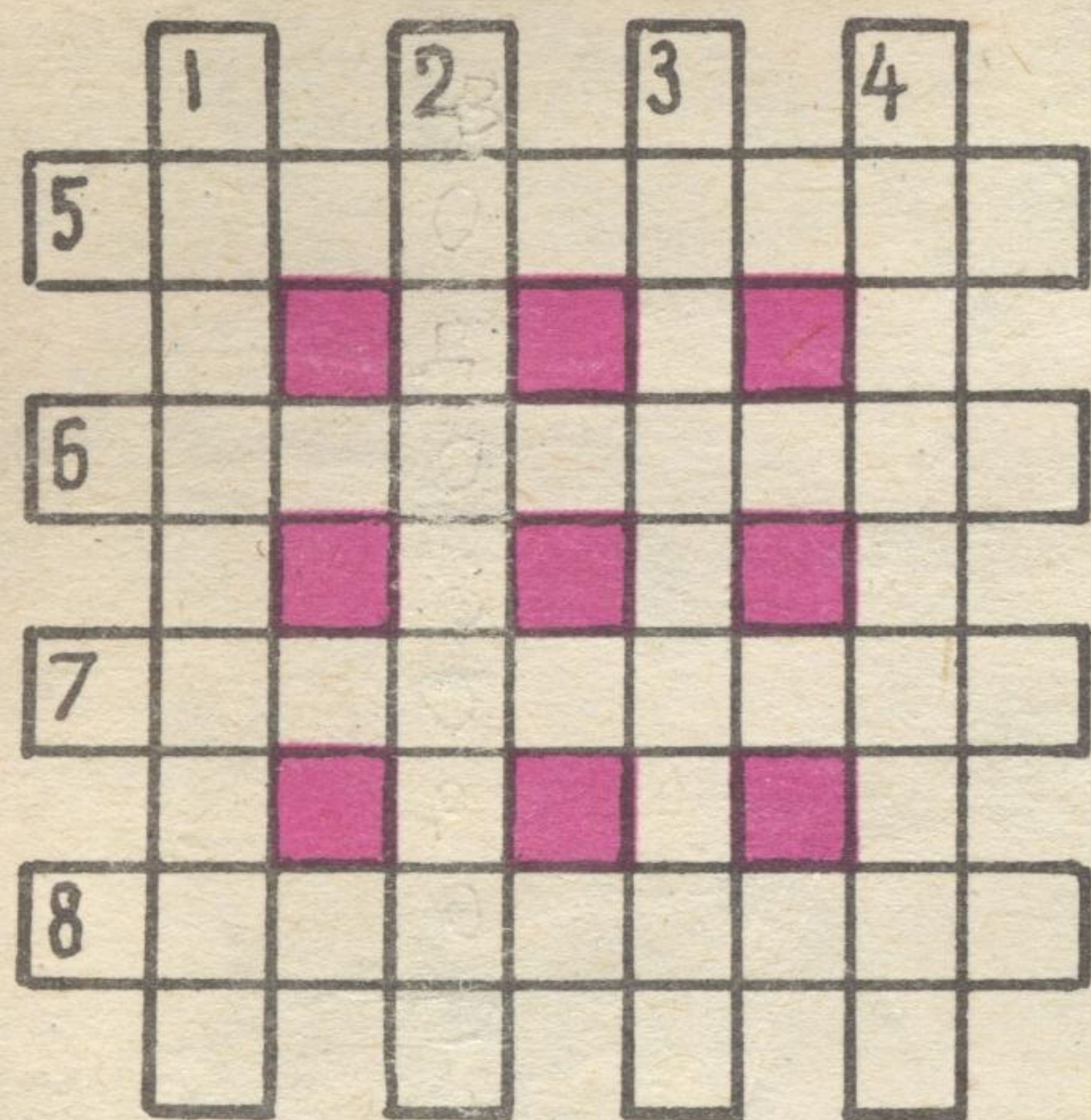
ВНИМАНИЕ! КОНКУРС В КОНКУРСЕ!

5-й тур нашего конкурса будет необычным — конкурс в конкурсе! Конкурс на лучший кроссворд!

Условия? Вы должны сами составить, нарисовать и при-
слать в Клуб «За семью печатями» кроссворд или не-
сколько кроссвордов на темы:

1. География.
2. История.
3. Кроссворд о животном и растительном мире.

ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

НАГРАДА ПОБЕДИТЕЛЯМ — ПУБЛИКАЦИЯ ЛУЧШИХ КРОССВОРДОВ В ЖУРНАЛЕ

А сейчас несколько слов о задании. Кроссворд, как вы знаете, состоит из пересекающихся слов. Изящество и ценность кроссворда в том, чтобы его слова как можно чаще пересекались между собой, по 2, 3, даже 4 раза. Кроссворды есть самых разных форм: квадрат, треугольник, круг, ромб, звезда... все, что вам подскажет фантазия. Отличаются они также и по видам. Самые распространённые — «решетки». По горизонтали: 5. Паровоз. 6. Шахтерская специальность. 7. Область математики, изучающая наиболее общие свойства геометрических фигур. 8. Средство передвижения. По вертикали: 1. Ревизор. 2. Место на реке, где течением образуется вращательное движение воды. 3. Исключительное право на торговлю, производство. 4. Художник.

Второй тип — **круглый кроссворд**: По часовой стрелке: 1. Нога. 2. Вязкое, болотистое место. 3. Нанос на дне водоема, препятствующий

судоходству. 4. Кольцевая гора. 5. Имя героя повести Ромена Роллана. 6. Испанский танец. 7. Крупный полководец древности. 8. Земельное владение феодала. 9. Одно из пяти чувств человека. 10. Поселок в Кемеровской области. 11. Лечебное средство. 12. Мельчайшие частицы различных веществ, взвешенные в воздухе. Против часовой стрелки: 1. Розыск. 2. Польза, прок. 3. Мелкая бабочка. 4. Боевой порядок пехоты. 5. Основной продольный брус в нижней части судна. 6. Пушной зверек. 7. Войсковое соединение. 8. Старинная русская буква. 9. Женское имя. 10. Упрек. 11. Водоем. 12. Движения рук гипнотизера во время сеанса.

Третий тип — **кроссворд циклический**:

Все слова по часовой стрелке (от штриха): 1. Группа сходных по составу горных пород. 2. Военная специальность. 3. Режущий инструмент. 4. Белая или цветная масса из особых сортов глины. 5. Растение из семейства зонтичных. 6. Плавный круговой поворот лошади при езде. 7. Трос для поддержки обучающихся акробатике. 8. Музыкаль-

ный строй. 9. Рассудок, ум. 10. Шляпка. 11. Специальная мера веса. 12. Хранилище документов.

Решите эти кроссворды (получите в зачет конкурса за пятый тур — **15 очков**) и выбирайте для своего кроссворда любую форму или вид.

Главное, чтобы все кроссворды были интересны, изящны, оригинальны, не списаны из газеты или журнала.

Итак, за работу, любители головоломок! Клуб «За семью печатями» ждет ваших писем!

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 4

Задача профессора Сеницына
Пассажир восточного автобуса встретит 12 автобусов, пассажир западного — 8.

Кроссворд «Самая высокая гора Африки»

1. Дракон. 2. Вика. 3. Ливень. 4. Миль. 5. Мимика. 6. Кама. 7. Корона. 8. Норд. 9. Дренаж. 10. Жара. 11. Ара-рат. 12. Нора.

Вокруг центрального кружочка: Килиманджаро.

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Л. А. БОГАЧУК, В. М. ВЕРХОВСКИЙ, Ю. Н. ЗАРУДНЕВ (зам. главного редактора), О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, А. Я. ТОЛСТИКОВ (отв. секретарь), Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор Д. Г. ЛАЗДАН

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

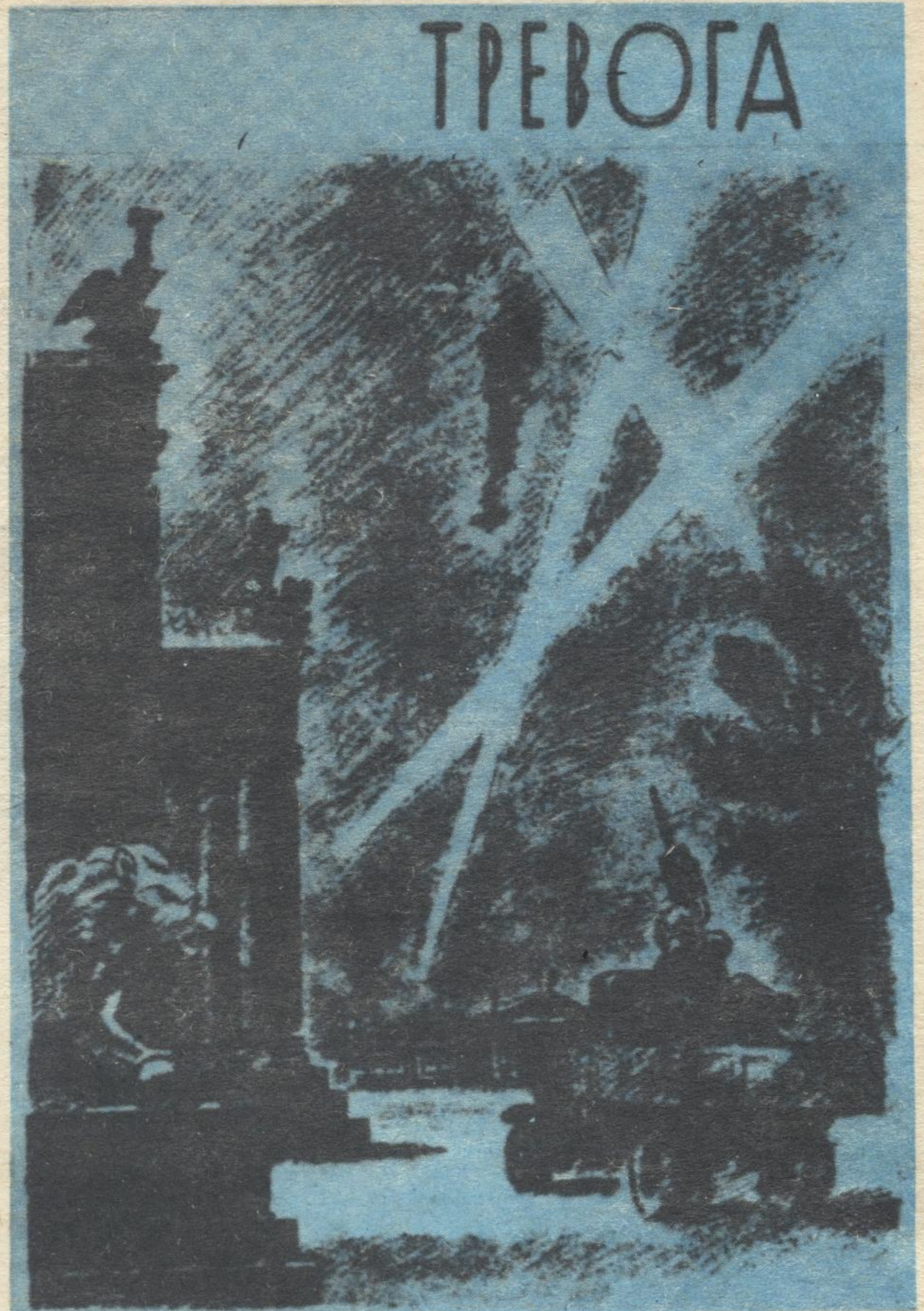
М-24295. Сдано в набор 05.02.85. Подписано к печати 11.04.85. Формат 60x90¹/₁₆. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 8,0. Печать офсетная. Тираж 985 000 экз. Заказ 3924. Цена 30 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

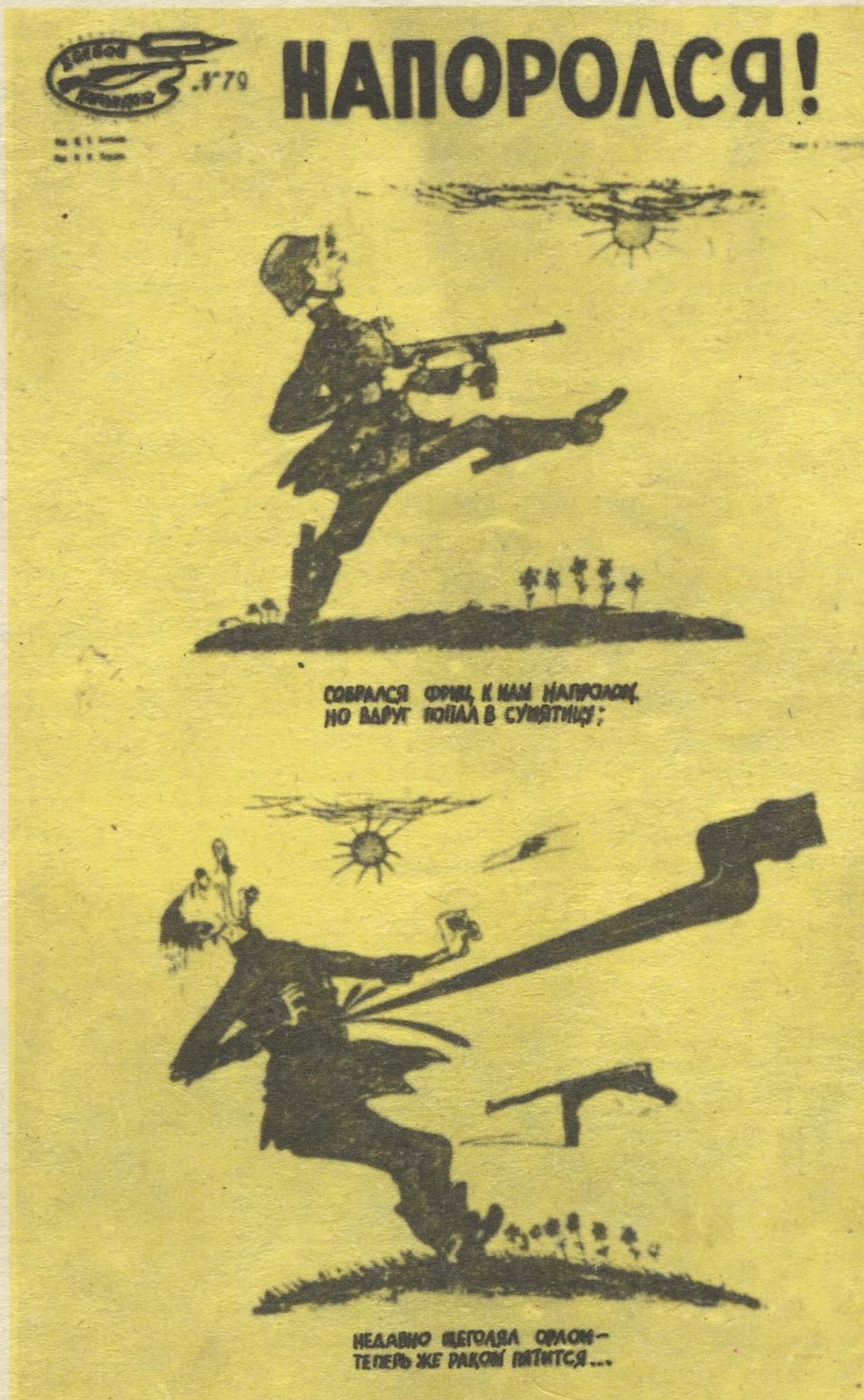

В суровых условиях блокады Ленинграда работал коллектив художников и поэтов «Боевой карандаш».

Сатирические плакаты можно было увидеть в бомбоубежищах, в окопах, бойцы наклеивали их на танки. Недаром на эмблеме «Боевого карандаша» рядом с карандашом была изображена винтовка со штыком — сатира помогала крушить врага. Сегодня мы знакомим вас с тремя плакатами «Боевого карандаша» военных лет.

Плакат художника Н. Тырсы

Плакат художников И. Астапова и В. Курдова

Плакат художников А. Казанцева и Л. Ельковича